

Анна Порожня

Кровавые язоты
калшны

Annotation

В каждом доме, где колдуны убили кого-то, вырос куст калины. Существует поверье, что если калина сбросит ягоды посреди зимы, значит вернулись они... Убивать. Или нет?

Я задумчиво смотрела в окно на стайку воробьев, клюющих корочку хлеба. Они таскали ее по снегу, подпрыгивая на тоненьких лапках, и звонко переговаривались, ероша перышки. Мне было скучно и тоскливо, оттого я и тарасилась в замерзшее стекло на дорогу, проходящую мимо моего дома. На подоконник запрыгнула кошка Люся и замурчала, тычась мокрым носом мне в щеку. Я вздохнула и пошла к холодильнику за молоком, понимая, что эта четвероногая зануда, не отстанет.

— Валюха!!! — откуда-то со двора раздался женский вопль, и через минуту громко хлопнула входная дверь. — Валюха!!!

— Чего ты орешь?? — я недовольно уставилась на подругу, которая прижимала носком одной ноги, пятку другой и стягивала красочный валенок ручной работы. За ногой потянулся носок, оголяя розовую пятку.

Чертыхнувшись, она затараторила:

— Собирайся, пойдем в клуб, там приехали бабы с косметикой! Там все! И помады, и духи, и тени, и крема!

— Так они же завтра должны были приехать? — я наблюдала, как Танька обыскивает мой холодильник в поисках шоколадки.

— Не знаю, приехали сегодня, — пробубнила она, запихивая в рот бутерброд. — У меня косметичка на грани, а в город ехать не хочется, тем более замело все.

— А они как добрались? — я натянула джинсы и теплый свитер.

— А их Петька на дороге нашел, они в сугробе застряли. Так он их трактором и вытянул, — сообщила Танька и вытерла рот бумажным полотенцем. — Пошли быстрее, а то библиотекарша с кассиршей все духи разберут!

— Танька, смирись, они моложе, — рассмеялась я. — Завидуешь ведь!

— И что? — дернула плечом подруга. — Завидую.

— Ты отлично выглядишь, они тебе и в подметки не годятся! — я действительно так думала. — Даже с духами.

Танька расцвела и зыркнув в зеркало, тряхнула светлой челкой:

— Да, мы еще в соку!

— Ага... — хохотнула я. — Того и гляди забродит!

Танька снова натянула валенки и шубейку, поглядывая на часы.

— Пойдем, мне еще на работу нужно успеть. Не дождусь уже, когда завтра... Спать буду до обеда!!! Двадцать дней отпуска!!!

— На кого же ты своих зверушек оставишь?

— Игнат Иванович работает и нового практиканта из города прислали, справятся, — отмахнулась Танька. — Слава Богу, я не единственный ветеринар в этой глуши!

— А у меня, похоже, тоже отпуск начался... — вздохнула я. — В аптеке кроме валерьянки и аспирина ничего не осталось. Не знаю теперь с этой непогодой, когда и машина-то придёт с медикаментами.

— Да расчистят! — успокоила меня Танька. — А если кому совсем заплохеет, Петька на тракторе в райцентр съездит! Пошли!

Мы вышли на крыльцо, и мороз моментально защипал щеки — зима не сдавалась, сковывая землю своим ледяным дыханием. Заперев дверь, мы похрустели по свежему снегу в

сторону клуба, который стоял немного на отшибе, а не как принято — в центре поселка. Его местоположение объяснялось просто — раньше это была церковь, а после войны ее превратили в клуб. К старинному зданию храма что-то пристроили, приставили, возвели монументальные колонны, между которыми гордо застыли статуи красноармейца и моряка, а старые помещения оказались на заднем плане, напоминая о себе лишь красной кирпичной кладкой, проглядывающей сквозь штукатурку.

— Смотри, даже баба Дося ковыляет! — рассмеялась Танька. — Видать деда соблазнять собралась! Помадами да пудрами!

— Она хоть деда, — буркнула я, не разделяя ее веселья. — А нам и соблазнять некого.

— Да полон поселок мужиков! — воскликнула Танька. — Сама их всех от себя отшиваешь!

— Так полон, что я смотрю, ты замужем! — парировала я. — Сама в старых девах сидишь!

— А мне никто не предлагал!

— А Игнат Иванович?

— Ему семьдесят вчера было! — Танька одарила меня убийственным взглядом.

— А Петька?

— Да ну его! Он, то бухает, то к жене бывшей бегают! На что он мне?

— Вот-вот! Так что не умничай... Вот возьму, по теплу и укачу в город! — с вызовом сказала я, но Танька печально посмотрела на меня и вздохнула:

— По молодости катить нужно было...

На этой веселой ноте мы поднялись по широким ступеням и вошли в здание клуба.

— О, а что так поздно? — вахтерша тетя Надя уже красила губы красной помадой. — Добра всякого навезли-и...

Мы ускорились и через минуту оказались в концертном зале, в котором все деревянные кресла сдвинули к стене и в центре всего этого, разместился импровизированный магазин косметики.

Я лениво прошлась возле столов со всякой всячиной, разглядывая коробочки и пузырьочки, купила духи, помаду и пудру, покрутила головой, выискивая Таньку, и заметила ее, увлеченно перебиравшую все это великолепие.

— Это надолго... — прошептала я и решила не терять времени и сходить в туалет.

Я вышла из зала, прошла фойе с пустыми вешалками и завернула под лестницу, где скрывалась заветная комната. Но как только я взялась за ручку, мне в глаза бросилось нечто необычное: рядом с дверью туалета была небольшая дверца, на которой всегда висел ржавый, навесной замок. Я никогда не задавалась вопросом, что за ней может быть — кладовка? Вход в подвал, или что другое?

Но в этот раз, она оказалась приоткрытой, и мое любопытство понесло меня прямо к ней. Ну как же не заглянуть, если, сколько я себя помню, на этих старых петлях висел замок!

Я осторожно приблизилась, опасаясь столкнуться с каким-нибудь работником клуба. Не хотелось получить выговор, но любопытство было сильнее, и я заглянула в образовавшуюся щель. Ничего. Полумрак комнаты не позволял разглядеть, что в ней скрывается.

— Ты что тут делаешь?

Я подскочила так, словно меня застали за чем-то постыдным.

— Танька, напугала меня! — у меня даже дыхание от страха сперло.

— Я так и поняла, что ты в туалет пошла, — подруга тоже заметила приоткрытую

дверцу. — А что там?

— Не знаю! — воскликнула я. — Хотела посмотреть, так ты меня напугала!

— Так давай вместе посмотрим, — не церемонясь, Танька толкнула дверь, и она со скрипом отворилась, обнажая темноту, притаившуюся за ней.

— Может не надо? — прошептала я, чувствуя, как пропадает мой энтузиазм.

— Пошли, у меня в сумке фонарик есть, — Танька порылась в сумке и достала небольшой фонарик. — Интересно же... Я с детства помню, что она закрыта была...

Тонкий луч пронзил густой полумрак и, следуя за ним, мы просочились в комнату.

— Если нас тут застукают, позора не оберешься... — пробубнила я. — Две тетки — врач и провизор, суются, куда не нужно!

— Ой, да ладно... Скажем, туалет искали.

— Да в посёлке каждая собака знает, где в клубе туалет!

— Посмотри... — перебила меня подруга. — Там проход какой-то...

Она направила в ту сторону фонарик, и я действительно увидела арочный проход, в котором явно виднелись красные кирпичные стены.

— Это проход в старую церковь... — сказала я и вдруг почувствовала какую-то неясную угрозу, исходившую оттуда.

— Как интересно! Пошли, поглядим! — Танька первая вошла в арку, и я последовала за ней, ощущая, как бьется сердце, предчувствуя беду.

Проход был узким, без каких либо осветительных приборов, оплетенный паутиной и ужасно холодный. Казалось, что от этих стен тянет ледяной стужей и морозом как из открытого холодильника.

— Почему здесь так холодно? — клацнула зубами Танька. — Как на улице!

Внезапно, перед нами появилась еще одна дверь, старая, но видно, что очень крепкая, с почерневшей от времени поверхностью. Доски на ней были подогнаны так плотно, что трудно было различить даже щели между ними. Эта дверь тоже оказалась открытой и как только Танька толкнула ее, из нас вырвался вздох восхищения и изумления.

За дверью была церковь. Но ее помещение было настолько необычным, что мы даже рты раскрыли. Из-под высокого купола лился свет, освещая все уголки, все фрески и все иконы этого изумительного строения. Лучи зимнего солнца переливались на стенах, играли в глазах святых и их нимбах и отсвечивали от золотого креста, лежавшего на алтаре.

— Господи... — протянула Танька и перекрестилась. — Я думала, что от нее ничего не осталось...

— Мне страшно почему-то... — прошептала я в ответ, ежась от непонятного чувства.

Казалось, святые на иконах, наблюдают за нами, своими строгими глазами, будто спрашивая: И что вы тут забыли, бесстыдницы?!

— Но почему здесь не проходят службы? Для чего она здесь... спрятана? — Танька шагнула вперед и я неожиданно даже для себя, схватила ее за руку:

— Не ходи!

— Ты чего? — Танька удивленно оглянулась. — Пока нас не поперли отсюда, нужно хорошо все рассмотреть!

Она прошла в центр, прямо под купол, и всплеснула руками:

— Как же можно такую красоту от людей прятать?

Осторожно ступая, я тоже пошла по скрипучим полам к алтарю и с интересом принялась рассматривать золотой крест.

— Танька, мне кажется крест настоящий!

— Похоже, — она приблизилась ко мне и положила голову на мое плечо. — Удивительно... Посмотри, а что это?

— Где?

— Да вот же, стеклянная штука, — Танька нагнулась, а я следом за ней.

В нише алтаря стоял стеклянный ларец, в котором лежали чьи-то кости.

— Слушай, так это мощи, наверное, какого-нибудь святого! — воскликнула подруга и ее глаза стали похожи на юбилейные рубли.

— Что-то я не припомню, чтобы в этих местах святые были, — скептически ответила я, отмечая, что мощи эти, какие-то странные.

Это были две скрещённые кисти, словно их хозяин положил руки на колени и в этот момент их оттяпали. Возле них лежали кисти поменьше и еще две пары — совсем маленьких.

— Давай приложимся? — Танька возбужденно потянула ручонки к ларцу. — А вдруг, это такие мощи, что чудеса творят?

— Не лезь! — я попыталась ее оттолкнуть, но было поздно, Танька уже коснулась ларца и он, покачнувшись, с грохотом разбился о пол церкви.

Кисти упали на деревянный пол, и мне показалось, что по церкви пролетел свистящий вздох, взмывая к куполу.

— Быстро, уходим отсюда! — прошипела я, и мы помчались к дверям, помирая от страха. — Зачем ты вообще трогала эту штуку???

— Сама меня толкнула! — огрызнулась Танька. — Больше никаких тайн и приключений! Если нас застукают, греха не оберешься!

Мы выскочили в коридорчик, и тяжело дыша, ломанули к выходу, потев в теплых одежках.

Прошмыгнув обратно к туалету, мы только собрались расслабиться, но тут на нас гаркнули так, что у меня подкосились коленки:

— Вы что тут делаете?!

— Господи, дядь Вась, у меня чуть сердце не остановилось! — выдохнула Танька, когда перед нами появился сторож клуба.

— Молодая еще на сердце жаловаться! — недовольно ответил дядя Вася и, оттолкнув нас, принялся запираť дверь, из которой мы только что выскочили. — Чего шаландаетесь здесь, а?

— Да в туалет мы хотели! — быстро сказала я, чувствуя какую-то подозрительность в его голосе.

— Сходили? — рявкнул он, и мы вытянулись в струнку.

— Сходили...

— Тогда марш отсюда! Ходят тут... заглядывают... — он зыркнул на нас острым взглядом и мы поспешили ретироваться.

— Он нам не поверил, — хихикнула Танька, когда мы вышли из клуба на улицу. — Видела, как он занервничал?

— Ты лучше представь, что будет, когда обнаружат разбитый ларец! — я действительно начинала переживать по этому поводу. — Нам не откреститься!

— Да ладно! — Танька скептически посмотрела на меня. — Мало ли кто там кроме нас мог лазить? Неизвестно сколько эта дверь открыта была!

— Неспокойно у меня на душе, — вздохнула я. — Мы ведь что-то разбили... что-то ценное...

— Это да... — согласилась Танька и тут же снова затараторила: — Все это ерунда. Перемелется как-то.

Она довела меня до дома, а сама побежала на работу, весело размахивая сумкой.

А над поселком, в особенности над клубом, собирались тучи. Черные, с темно-синими прожилками, они двигались с удивительной скоростью, постепенно заслоняя весь горизонт, и на улице становилось все темнее...

Глава 2

Я смотрела телевизор, лежа на диване, когда в дверь громко постучали. Нехотя поднявшись, я всунула ноги в тапочки и пошла открывать, уже догадываясь, кто это мог быть.

— Спала что ли? — в двери просунулась тетя Клава, величаво неся свои пышные телеса. — Молоко принесла. Держи.

Она сунула мне трехлитровый бутыль и отряхнула от снега платок.

— Там что, снег идет? — я поставила бутыль на стол и взяла у нее пальто и платок.

— Метет! Ни с того, ни с сего закрутило... — она присела на стул. — Давай-ка чайку горячего.

Я поставила чайник и присела напротив, отмечая каждый раз, что тетя Клава очень похожа на мою маму. Сейчас бы мамочке было семьдесят...

Тетка была розовощекой, с упругой кожей и редкой проседью в черных волосах. Сколько я себя помню, ее шею обвивала дорожка янтарных бус, под которой тускло светился золотой крестик на шелковой нитке, а большая грудь величаво возлежала на круглом животе.

- Представляешь, иду я, значит, по улице, и вижу, весь снег красным усеян, — возбужденно сказала тетка. — Присмотрелась — все калиновые кусты ягоды сбросили. Словно кровь разбрызгана!

Я налила себе молока, чувствуя, что стакан теплый. Парное...

— Ветром может, сорвало? — я с удовольствием сделала глоток и поморщилась. — Теть Клав, молоко кислое!

— Как кислое?! — встрепелась тетка и выхватила у меня стакан. — Не может этого быть! Я только-только подоила!

Она тоже отпила со стакана и недоуменно посмотрела на меня, изумленно хлопая глазами.

— Как так-то???

— Не знаю... — я пожала плечами, тоже удивляясь сему чуду.

— Господи... только не это... — тетка медленно поставила стакан на стол и прикрыла рот ладошкой.

— Да что случилось? Если вы из-за молока, так не переживайте, я найду ему применение... — начала было я, но она будто не слышала меня.

— Не думала, что на своем веку с этим столкнусь... — прошептала она, бледнея на глазах. — Ох...

— Теть Клав, да вы скажите, что случилось-то???

— мне уже было страшно от ее подавленного вида.

— Плохое случилось, — она подняла на меня глаза. — Теперь добра не жди. Знаю я одну историю давнюю, вот только не уверена, поверишь ты в нее или нет...

По мне поползли мурашки, щекоча холодком кожу на спине.

— Валюха! Я тебе пирог несусь! С яблоками!!! — на кухню влетела Танька, припорошенная снегом, с новой помадой на губах. — Здравьете, тетя Клав!

Она остановилась посреди комнаты, переводя взгляд с меня на тетку, и опасливо поинтересовалась: — А что это вы такие... странные?

— Сама не знаю... — прошептала я. — Тетя Клава чего-то рассказать хочет.

— Да? — Танька поставила пирог на стол и присела. — А можно я послушаю?

— Послушай, — кивнула тетка. — Помните историю про займку в лесу?

— Ну, да... — Танька прищурилась, вспоминая. — Мне еще бабуля рассказывала, что на той займке жила семья какая-то нелюдимая. Потом случилось что-то, то ли они в болоте потопли, то ли кто-то кого-то убил.

— А к чему вы их вспомнили? — я сняла чайник с огня. — К молоку, скисшему-то они каким боком?

Танька даже рот открыла, выражая полное непонимание и ужасную заинтересованность: — Я тоже чай буду.

— Займку эту, основал мужик один, в те времена, когда еще и поселка не было, стояла лишь деревенька небольшая, — начала свой рассказ тетка. — Звали его Корней. Был он бородат и угрюм, словно сыч. Дед мой рассказывал, что не общался он ни с кем, даже не здоровался. Буркнет что-то под нос, и не разберешь, то ли здоровья желает, то ли проклинает. И в деревне он не частый гость был, иногда захаживал в лавку местную, да к кузнецу, кобылу подковать. В лесу поселился Корней, возле болот, в глухом месте. Сначала шалашик себе сварганил, а за весну и лето, избу добротную возвел и все в одни руки. Лишь иногда местные охотники проходили мимо его жилья и то, те которые лес хорошо знали. Займка его росла. Пристроил Корней и сарайчики, и хлев, и огород разбил, а через год привел жену, такую же угрюмую бабу, как и он сам.

Потом на займке дети появились, мужики говорили, что бегают они по болотам как зверьки, с кочки на кочку и не боятся утопнуть, не боятся, что в трясину утянет или, что медведь задерет. А еще ходили слухи, что на болотах стоит идол каменный, и угрюмый Корней поклоняется этому ужасному богу, приносит ему жертвы.

— Да придумали, небось, — хмыкнула Танька. — Жил мужик нелюдимым вот и приписали ему идолопоклонничество.

— Ты слушай, слушай... — загадочно произнесла тетка. — Стали в деревне дети пропадать. Вроде бы вот же, возле двора крутился, а мать отвернется на минуту и нет ребенка. Последней пропала четырехлетняя Галочка. Они с матерью за ее новым мужем из Украины в наши места перебрались.

Что только люди не думали! И волки детей тягают, и в колодец они заброшенный падают, но вот только никак это с Корнеем не связывали. До поры до времени.

Прадед мой, был охотником заядлым, уходил в лес надолго, а возвращался с хорошей добычей. И мех, и мясо носил. Однажды ушел он в лес, а вернулся не с пустыми руками. И вот что рассказал. Зашел он на болота, заблукал, как говорится и сразу услышал, что где-то плачет ребенок, тоненько так, жалобно. Он на этот плач и пошел. С кочки на кочку, добрался дед к странному месту — посреди болота круглая проплешина, а на ней здоровенный идол стоит. Возле этого каменного истукана построено нечто на дом похожее, а скорей на землянку.

Он ближе подошел, и тут ему жутко стало — все вокруг в детских косточках, а сам идол кровью залит. Обошел он это изваяние и увидел исчезнувшую Галочку. Сидела она привязанная к холодному камню, испуганная, словно зайчонок и плакала надрывно.

Прадед кинулся к ней, отвязал, в свою одежду завернул и уже идти собрался, как вдруг она говорит: мол, в землянке, злой дяденька сидит. Он девочку на землю поставил и, подкравшись к землянке, заглянул внутрь. Корней лежал на полу, его борода и руки были в крови, а сам он похоже крепко спал.

Прадед не стал шуметь и, подхватив Галочку, побежал к деревне, надеясь, что Корней не очнется и не кинется в погоню.

В деревне был священник, отец Сергей. Крепкий мужик, кряжистый и мудрый очень. Первым делом, люди, напуганные рассказом деда, кинулись к нему за помощью и священник, внимательно выслушав их, сказал:

— Когда-то, во времена своей молодости, я сталкивался с таким... Это страшные люди, вернее даже нелюди, в людском облики. Рождаются они от связи ведьмы с оборотнем и всю жизнь живут нелюдимыми, творят богопротивные обряды, молятся богам звериным и поедают детей перед каменным идолом, измазывая его кровью. Это искусные колдуны, они опасны и хитры, и никогда не уйдут с заимки, пока не изведут всю деревню, подле которой живут. Ловить их нужно в часы рассвета, когда в них силы нет, рубить на части и топить в разных местах, а руки их, хранить в церкви, потому что в руках самая главная сила!

— Что??? — протянула Танька, покрываясь красными пятнами. — Как руки...

У меня сердце медленно скатилось вниз и плавало где-то в районе живота. Даже речь отобрало от шока. Мы с Танькой переглянулись, широко распахнутыми глазами и я почувствовала, что она как и я, готова завывать от страха.

— И что случилось дальше? — спросила я, пряча глаза от тетки.

— А дальше, люди стали ждать рассвета, но вот колдун ждать не стал и явился в деревню первый, понимая, что его разоблачили. За ним пришли и его жена, и повзрослевшие дети... Людей погибло не меньше десятка, с ними и моя прабабка, твоя прапрабабка получается, Валюша... Когда время стало близиться к рассвету, колдун кинулся было в лес, чтобы спрятаться на заимке, но священник и мой прадед настигли их... После этого он лишился глаза и нескольких пальцев. Руки этих тварей отнесли в церковь и закрыли в освященном специальными молитвами ларце, а когда при советской власти захотели переделать церковь в клуб, то умные люди, знающие всю эту историю, спрятали церковь под стенами новой постройки. В каждом доме, где колдуны убили кого-то, вырос куст калины и существует поверье, что если сбросят они ягоды посреди зимы, значит, вернулись они... Убивать.

Тетка замолчала и в кухне воцарилась тишина. Лишь в другой комнате тихо разговаривал телевизор и в печи трещали дрова.

— Это ерунда какая-то... — пропищала Танька тоненьким голоском. — Ну, ведь, правда, Валечка?

— Приложились к мощам? — прошипела я, а тетка недоуменно уставилась на нас, хмурия лоб.

— Вы это о чем, а?

— Да так... ни о чем... — я неловко улыбнулась, но тетку было не так легко провести.

— А ну ка, ну ка... Вы сегодня в клуб за мазюками ходили?

— Ну, ходили... — виновато протянула Танька.

— Ага, ага... — тетка привстала и уперлась кулаками в стол. — Вы что, в церковь залезли?!

— Нет... Не сказать, чтобы залезли... там такая история приключилась... — начала, было, я, но она перебила меня:

— Так это вы, окаянные, Корнея освободили?!

— Мы не знали... — голос Таньки все еще был тоненьким от страха. — Да и вообще, как-то не верится во все это... ерунда какая-то...

— Ерунда?! — рывкнула тетка, и Танька подпрыгнула на стуле. — Молите Бога, чтобы ничего не случилось, иначе я сама лично вам ноги из задницы выдерну!

Тетка потопала к вешалке, надела пальто и укутала голову платком, пыхтя от злости как паровоз. Перед тем как выйти, она сплюнула и погрозила нам пальцем.

— Что теперь делать? — Танька закусил губу и с ужасом наблюдала за мной.

— Да у меня в голове не укладывается вся эта ерунда... — я услышала, как хлопнула калитка и отчего-то вздрогнула. — Не хочу даже воспринимать это как правду!

— Но руки в ларце... — прошептала Танька. — Это ведь, правда.

— Неизвестно вообще, что это такое, — непонятно кого я убеждала, Таньку или себя. — Возможно, все более прозаично и остальное, лишь бабские рассказы!

— Ты так думаешь? — с надеждой спросила Танька и я, воодушевившись своей уверенностью, кивнула:

— Да, так и есть! Забудь. Давай лучше пирог кушать.

— Да, давай, — Танька засуетилась возле стола, вымученно улыбаясь. — Я старалась.

Мы еще немного посидели, но разговор не клеился, каждая думала о том, что сказала тетка и накручивала себя всевозможными страхами. Через час Танька засобиравшись домой, но возле дверей вдруг сказала:

— Я боюсь идти по темноте.

— Танька, не начинай! — я прямо светилась от своей бравады. — Давай я тебя провожу и лишней раз докажу, что все это сказки.

— Давай, — сразу согласилась подруга и мгновенно повеселела.

Мы вышли из дома и сразу же получили в лицо порцию снега, который кружился с такой скоростью, будто все зимние метели собрались в одном месте.

— Апокалипсис... — пробурчала Танька, с трудом протискиваясь в калитку, которую занесло почти до половины. — Теперь ты точно медикаментов не дождешься.

— Да это я уже поняла, — ответила я, переживая, что завтра мне придется чистить дорожки. — Приходи завтра на крошку.

— Приду, — Танька вцепилась в штакетник, отгораживающий палисадник от дороги и аккуратно подобралась к своим воротам. — Возвращайся, тут я сама.

— Спокойной ночи.

— До завтра.

Я пошла обратно, слыша как подруга матерится, пробираясь к дому и улыбнулась. Господи, какие колдуны...

Глава 3

Заимка была целой и невредимой, лишь время стерло ощущение присутствия людей и слегка разрушило крепкие стены. Они были покрыты мхом и сухими стеблями вьющихся растений, которые оплели все постройки заимки. Корней стоял перед тоскливо скрипящими дверями когда-то жилого дома и тяжело дышал, с трудом пропуская через легкие морозный воздух. Он жив. Ощущение восторга, боли и неприятия нового мира разрывали его. А еще, чувство пламенеющей мести грызло его душу, особенно к потомкам того, кто убил его самого и его детей. Но теперь он вернулся и пусть им поможет тот, кому они молятся.

Колдун вошел в темный, холодный дом и провел рукой по крепкому дубовому столу, на котором все еще колыхались от сквозняка остатки белой скатерти. Перед ним вспыхнули словно искры, воспоминания: его жена, аккуратно ставящая в вазу белоснежные ромашки, ее

белая косынка, покрывавшая темную головку и выбившиеся из-под нее прядки. Загорелые мальчики, здоровые и крепкие, как молодые деревца с синими как у матери глазами...

— Лидушка... — прошептал он и, упав на колени, завыл как зверь, горько и страшно.

* * * Я уже ступила на крыльцо, когда над лесом прозвучал ужасный вой. Он был настолько жутким и пронзительным, что я вся сжалась от страха, понимая — это не волк и не собака. Это было нечто более опасное и неизведанное, притаившееся под сенью зимнего леса.

Внезапно тучи разошлись, и над поселком поплыла красная луна, зловеще окрашивая снег в цвет крови.

Я заскочила в дом и заперлась, испытывая настоящий ужас и рисуя в голове самые страшные картинки. Задернув шторы, я сделала телевизор громче и попыталась вникнуть в сюжет фильма, но удавалось мне это с трудом. Рассказ тетки будоражил мое сознание, и я уже начинала паниковать, придумывая страшного монстра, воющего на луну.

Когда зазвонил телефон, я чуть не подпрыгнула и, подняв трубку, услышала испуганный голос Таньки:

— Слышала?

— Слышала... — вздохнула я. — Давай не будем делать выводы раньше времени и пугать друг друга!

— Да я уже напугана! — заныла подруга. — Они двери забудут закрыть, а потом творится непонятно что!

— Вообще-то, это мы полезли, куда не стоило лезть!

— Какая разница! — Танька помолчала секунду. — Ладно, буду укладываться. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Не накручивай себя и звони если что.

— Хорошо.

Утро выдалось ужасным — на улице мело так, что сквозь белую пелену не было видно ни зги. Сколько я не таращилась в окно, даже столб электролинии не увидела, а он стоял совсем рядом с домом. Телевизор не показывал, сломался чайник и перестал работать фен. Связь пропала, и даже забравшись на шкаф, я увидела на экране одно и то же — нет сети.

— Да что творится?! — с досадой воскликнула я, бросая телефон на диван. — Конец света что ли???

В дверь забарабанили, и я кинулась открывать, радуясь, что не придется сидеть в одиночестве в этом восставшем против природы мире.

В коридор ввалилось нечто, похожее на огромную снежную бабу и в этом заиндевелом прищельце я с трудом узнала Таньку.

— Ты не поверишь, я на ощупь шла! — выдохнула она, хлопая пушистыми от инея ресницами. — Света нет, на улице дурдом творится! Ужас!

— Хорошо, что ты пришла, — я помогла ей раздеться и провела на кухню. — Мне самой совсем неуютно.

— Аналогично. — Танька прижалась к печке, потирая покрасневшие руки. — Дубарь!

— Я о вчерашнем рассказе тетки и об ужасном крике в лесу... Может, и непогода с этим связана? — предположила я, наблюдая за подругой. — Может, это все один большой трюндец?

— Я уже думала об этом, — кивнула Танька. — Но все равно, хоть режьте меня, поверить не могу.

— Оставайся у меня. Вдвоем веселее, — предложила я, и Танька сразу согласилась.

* * * Заимка изменилась за одну ночь: стены ее будто выше стали, новее, большие окна с чистыми стеклами, крепкая крыша и высокое крыльцо. Корней стоял возле высокой сосны и держал на руке крупного ворона с глянцевым клювом.

— Лети за болото, и как найдешь могилу брата, положи на нее этот узелок. Потом камень с могилы возьмишь и принесешь мне. Понял?

Ворон три раза каркнул и взмыл вверх, с тихим шорохом размахивая огромными крыльями и совершенно не страшась пурги. Корней проводил его взглядом черных глаз и пошел к дому, не проваливаясь в большие сугробы, а будто скользя по ним.

Он взошел на крыльцо и перед тем как войти в дом, поднял руку и принялся размахивать ею, отчего метель стала еще сильнее, завывая между хвойными лапами.

— Крути, мети!

Все дороги занеси!

Холодом могильным скрепишь,

Ледяным солнцем заслепишь!

Его громкий голос пролетел по лесу, и деревья испуганно закрипели, заохали, словно понимая, кто перед ними...

Зайдя в дом, Корней подкинул в печь березовых поленьев и, оторвав половицу, вытащил из-под пола большой, блестящий топор, больше похожий на древнюю секиру с зазубринами на полукруглом лезвии. На его древке были начертаны удивительные знаки, сливавшиеся в длинные слова, и колдун на минуту засмотрелся на них. Потом он повесил топор на широкий ремень и вышел из дома, направляясь к деревне. Лицо его не выражало никаких чувств, лишь глаза пылали ненавистью и нечеловеческой злобой, за которыми скрывалась боль.

Остановившись на границе леса, он посмотрел на деревню и прикрыл глаза. Сразу же на него накинута воспоминания и картины из прошлого. Жена, смотревшая с мольбой и ужасом — в ее глазах теплилась надежда, что он спасет ее и детей. Но Корней мог лишь рычать, отчаянно отбиваясь от нападающих и заливая кровью только выпавший снег. Сквозь свой рык и крики, он слышал плач детей и разъяренно бросался на всех, кто пытался добраться до них, но силы покидали его и перед тем, как померк свет, он увидел свои отрубленные руки — скрюченные, сочащиеся кровью обрубки.

Когда Корней распахнул глаза, в них плескалась одна лишь пустота, бездонная и черная как свежерытая могила. Он преодолел расстояние между лесом и деревней и медленно пошел по улице, пристально разглядывая каждый дом. Колдун помнил всех, кто участвовал в убийстве его семьи и не собирался щадить их потомков, желая всем смерти. Вьюга кружилась вокруг него в сумасшедшем танце, падала ему под ноги, облизывая их снежными языками, и отчаянно выла, предчувствуя неминуемую беду.

Корней остановился перед домом, где когда-то жил охотник, преследовавший его, и почувствовал тепло, жившее внутри. Тепло, в котором родилось не одно поколение, в то время, когда его семья лежала в холодных могилах. Внезапно шторка на окне отодвинулась, и он увидел женское лицо, обрамленное темными волосами. Они мягкими волнами окутывали узенькое личико с большими глазами и толстой косой лежали на плече. Женщина улыбалась, и ему захотелось разрушить этот дом до основания, но он лишь сжал кулаки и пошел дальше.

Темную фигуру в развевающемся одеянии, Корней увидел издали, но он знал, что его

ждут. Чем ближе он подходил, тем отчетливее чувствовал страх и улыбнулся по-звериному дико.

— Встречаешь, батюшка? — он остановился напротив высокого, грузного человека в черной рясе. Его седые волосы и борода были покрыты снегом.

— Я знал, что ты придешь, — спокойно ответил он, но колдун ощущал его страх и дрожь, охватившую тело. — Давай поговорим.

— Говори. — Корней уставился на батюшку немигающим взглядом. — Ты руки охранял?

— Я... но не я один... — заговорил священник, непроизвольно хватаясь за крест, лежавший на животе. — Подожди Корней, не твори зла... прошу тебя. Люди ведь не виноваты ни в чем.

— А как же за грехи отцов своих? — зло усмехнулся Корней. — Нечего нам с тобой обсуждать. Я принял решение.

— Какое? — батюшка покосился на топор. — Я прошу...

— В доме охотника, Григория Плясова, кто живет? — перебил его колдун, и священник растерянно развел руками:

— Праправнучка его... Валентина...

— На заимку ее приведете.

— Но...

— Иначе всю деревню порешу.

Колдун развернулся и пошел обратно, не слушая, что кричит ему вслед испуганный священник. Теперь он знал, что будет делать дальше. Пришла пора платить.

* * * Пока Танька прихлебывала чай из большой кружки, я подошла к окну и посмотрела на улицу. Мело все так же сильно и к утру сугробы грозились превратиться в горы снега. И тут, в этой белесой мгле, я увидела чей-то силуэт. Он был высоким и широкоплечим, что выдавало в нем крупного мужчину. Явно не местный, у нас таких нет... Незнакомец стоял напротив моего окна, и я почему-то была уверена, что он смотрит именно на мой дом, на мои окна. Станный, парализующий страх охватил меня и я перестала улыбаться, чувствуя опасность.

— Танька, там мужик стоит и сюда смотрит.

— Где? — она подошла ко мне и тоже посмотрела в окно. — Точно, а кто это?

— Не видно. Но я уверена, что он чужой, — прошептала я, пугаясь этого слова. Чужой...

— Ага... у нас таких широкоплечих днем с огнем не сыщешь, — согласилась Танька. — Все, пошел в сторону клуба. Странно...

У меня на душе стало как-то муторно, и я задернула штору. Казалось, будто зима ворвалась в дом и покрыла инеем углы, высасывая тепло...

До вечера мы маялись от скуки. Несколько раз сыграли в карты, разгадали журнал кроссвордов и выпили столько чая, что казалось, он вот-вот выльется наружу. В доме стало темно и почему-то страшно, лишь зарево от печки освещало половину кухни.

— Давай поедим чего-нибудь, — уныло протянула Танька, подперев щеку кулаком. — Чего у тебя есть?

— Доставай что найдешь, пойду калитку закрою, — я накинула шубейку и взяла фонарик. — Почему я раньше не вспомнила... Растяпа.

— Вот именно, — Танька поднялась со стула. — Давай с тобой схожу.

— Не нужно, я быстро.

Я открыла дверь и вышла в метущую снегом темноту, ежась от холода. Проваливаясь в сугробы по колено, я доползла до калитки и только протянула руку к замку, как вдруг меня кое-что насторожило — я услышала шепот. Сердце ухнуло вниз, и я собралась было вернуться к дому, но здравый смысл все-таки победил — кто в такую погоду будет шептаться под моим забором?

— Совсем с ума сошла с этими историями..., - пробурчала я и тут же на мою голову накинули мешок, пахнущий сеном.

Испытывая невероятные ужас и панику, я попыталась было сбросить мешок с головы, но мои руки скрутили за спиной и связали веревкой.

— Помогите! — закричала я, но мне чем-то туго перемотали челюсть, и из моего рта вырывалось лишь слабое мычание. Ноги мне тоже связали, не особо церемонясь и причиняя боль, будто я смогу вырваться из этих крепких ручищ и легко смыться. Я просто обезумела от страха, извиваясь всем телом и не понимая, что происходит. В какой-то момент, мне даже показалось, что я теряю сознание, но не отключилась лишь потому, что морозный воздух проникал сквозь мешок и пробирал до костей.

Через пару минут я почувствовала, что меня несут. Несут, молча, словно боясь промолвить слово... Боятся, что я их узнаю по голосам? Но кому это нужно? Требовать за меня выкуп? Глупее ничего нельзя было придумать. Денег у меня нет, требовать их не у кого, да и я с трудом могла представить кого-то из деревенских, занимающихся такой фигней. Тогда зачем?

Под ногами моих похитителей скрипел снег, а вскоре я услышала, как шумят сосны. Меня, наконец, сняли с плеча и, уложив на что-то твердое, привязали.

После топтания и громкого кряхтения, меня потащили по снегу на этих импровизированных санях.

— Черт! Дверь дубовая, тяжелая! — услышала я голос и напрягла слух, стараясь понять, кто это.

— Заткнись, суслик! — оборвали его, и я похолодела, сторож дядя Вася??? Только у него была манера обзывать всех сусликами, когда он злился.

Но что ему от меня нужно? Что я ему сделала? Неужели это из-за ларца, который мы с Танькой разбили в старой церкви?

Я терялась в догадках, ломая голову, чем все-таки досадила дяде Васе, ведь мы с Танькой знали его с детства!

Через некоторое время похитители остановились и, отвязав меня от дверей, снова взвалили на плечо. Теперь-то что? Скрипнула дверь и сквозь мешок на меня пахнуло теплом.

Жилье в лесу??? И тут я похолодела. Меня притащили на заимку! Я замерла, прислушиваясь к звукам, но из-за громко бьющегося сердца и шума в ушах, сделать это было не просто. Когда бесцеремонно швырнули на пол мое задубевшее тело, я услышала, как скрипят полы под тяжелыми шагами.

Хлопнула дверь и на меня навалилась тишина. Было до одури страшно, хотелось плакать, а сердце трепыхалось как пойманная птичка. Прошло не менее пяти минут — пяти самых ужасных минут в моей жизни и раздавшийся совсем рядом тихий шорох, ввел меня в состояние ступора. Кто-то бесшумно приблизился, и я чувствовала чужое присутствие, сходя с ума от всего этого. Когда с головы резко сдернули мешок, вместе с тряпкой, сдавливающей челюсть, я застонала и подняла глаза, чтобы увидеть того, кто сидел на широкой лавке рядом со мной.

В свете свечей его глаза показались мне бездонными колодцами, наполненными черной водой. Мужчина смотрел на меня с примесью презрения и ненависти, что удивило меня — мы даже знакомы не были, чтобы он мог испытывать ко мне такие чувства! Узкое лицо, густые, с острыми уголками брови, плотно сжатые губы, окруженные темной щетиной и жилистая шея, в распахнутом вороте рубахи.

Он был красив, но злоба и нечто звериное, портило эту поистине мужскую красоту.

— Кто вы? — прошептала я, не сводя с него глаз.

— Корней, — ответил он. — Я был хорошо знаком с твоим прапрадедом.

— Корней? — повторила я. — Как Корней? Не может быть...

— А что тебя удивляет? — он криво усмехнулся. — Я же колдун.

— Это что, розыгрыш? — я попыталась оглядеться, в надежде увидеть Таньку, но шею свело от неудобного лежания.

— К твоему сожалению — нет, — мужчина поднял меня и усадил как куклу. — Теперь ты будешь жить здесь.

— Почему? — я ничего не понимала и с трудом воспринимала его слова.

— Потому что, я так сказал, — он развязал мне руки и ноги, швырнул веревки в горящую печь и тихо сказал: — Я не советую тебе пытаться сбежать, иначе мне придется лишиться тебя ног.

Я уставилась на него, понимая, что этот человек сумасшедший, ведь не может нормальный человек говорить такие вещи! Все вокруг казалось каким-то сказочным бредом, но кое-какие проблески догадок все же вспыхивали в моем мозгу. Сторож притащил меня на заимку, на заимке жил колдун, мы разбили ларец, тетка нас предупреждала... Господи... не может быть... Это просто фильм ужасов какой-то!

— Зачем я вам? — мне было страшно даже смотреть на него, ведь этот человек был совсем недавно мертв.

— Твой предок лишил меня семьи. Жестоко. — Корней стоял возле печи и смотрел на меня через плечо. — Ты родишь мне детей, которых он забрал. Честно. Не правда ли?

* * *

Танька распахнула двери и крикнула в темноту:

— Валя! Валюш, ты где, а?!

— Не ори, всех собак взбаламутила! — на крыльцо грузно поднялась тетка Клава, а за ней священник. — Зайди в дом!

Танька попятилась, нутром чувствуя, что произошло нечто нехорошее, и жалобно протянула:

— А где Валя?

— А Валя твоя, поменяла место жительства, — прошипела тетка, усаживаясь за стол. — На заимке теперь жить будет!

— Как на заимке? — Танька испуганно посмотрела на батюшку, который старательно отводил глаза. — В руинах что ли? Вы что говорите такое???

— Корней вернулся. С ним она.

— Кто?? — Танька вылупила глаза и сделала рот бубликом. — Колдун ваш что ли?

— Ваш! — воскликнула тетка, возмущенно поглядывая на священника. — Они его к жизни вернули, а он — наш?!

— Вы это серьезно? — Танька кинулась к вешалке и натянула шубу. — Я сейчас пойду к участковому, и вы быстро расскажите, где Валя!

— Да ты что! — всплеснула руками тетка. — Напугала!

— Теть Клава, неужели вы подумали, что я поверю во все эти рассказы про колдуна? Небось, на домишко Валькин глаз положили?! А вы! Еще и божий человек!

Она одарила священника убийственным взглядом и принялась натягивать валенки.

— Ко мне собралась? — в дверях показалась круглая фигура участкового. — Защитница...

— Павел Николаевич?? — Танька так и осталась стоять с открытым ртом в одном валенке.

— Он самый, — участковый отошел от двери, пропуская сторожа клуба. — Так вот, Татьяна Анатольевна, возмущаться нечего. Сами эту кашу заварили, теперь расхлебывайте. Если бы мы подругу твою, Корнею не отдали, то вся деревня пострадала бы! И это из-за вашего любопытства и вашей безответственности!

Танька оглядела всех с ошалелым видом и протянула:

— Вы дебилы что ли?..

— Так, ты тут не умничай! — грозно произнес Павел Николаевич, размахивая пальцем перед Танькиным лицом. — Будешь гавкаться со всеми, и тебя отправим!

— Во! Видал! — она ткнула ему под нос кукиш и принялась обуваться дальше. — Я сама сейчас на заимку пойду и если там Вали нет, все ответите!

Танька выскочила из дома, а священник раздраженно буркнул:

— Пусть идет. Может и эта сгинет! Таких дел натворить... прости Господи!

— А ты, Клавдия, дом Валькин занимай и живи, — рассудительно сказал участковый. — Сама-то во флигилёчке маешься, а у нее вон какие хоромы.

Тетка закивала головой, а сторож поддакнул:

— Не вернется она. Колдун ее точно порешит.

— Что ж... такова воля Божья, — батюшка перекрестился и покосился на вазочку с печеньем. — Клавдия, чайком не угостишь?

* * *

Я, молча, сидела на лавке и наблюдала за мужчиной, занимающимся какими-то странными делами: он что-то варил в большом котелке и постоянно подбрасывал в него всякие корешки да порошки, не обращая на меня никакого внимания.

Разглядывая старый дом, который был почти развалиной еще этой осенью, я просто диву давалась. Казалось, будто построили новый! Судя по печке, мы находились в кухне — большой, золотистого дерева комнате с двумя окнами. Под стеной стояли две резные лавки, возле окна такой же резной стол, окруженный красивыми стульями, в углу упирался в потолок старинный буфет, наполненный всякой всячиной, несколько кованых сундуков с замысловатыми рисунками и множество полочек с удивительной, колдовской посудой. Откуда все это взялось??? Из кухни вели еще две двери, похоже, в доме было минимум три комнаты.

— Вы понимаете, что в наше время людей просто так не удерживают? — решившись, наконец, осторожно сказала я.

— А чем это время от другого времени отличается? — хрипло произнес он, не оборачиваясь. — Жестокость, предательство, вранье. Вот тебя, почему отдали без боя? Даже заступиться никто не захотел. Не нужно им это, главное чтоб своя голова цела была.

— Вы их напугали... — промямлила я, чувствуя обиду.

— Напугал? — хмыкнул он. — Они же мужики. Вот прапрадед твой не побоялся со мной связаться, детей, жену, невинных убить. Хватило силы. Или ты надеешься, что у меня как в старые времена силы слабеют к рассвету? Не надейся. Я в мире мертвых был, а после этого их только больше стало.

— Почему он вас убил? — я боязливо уставилась в его спину.

— А ты не знаешь? — он медленно повернулся, и я чуть с лавки не упала, глядя в его потемневшее лицо.

— Знаю... — пропищала я. — Вы... вы... детей ели...

— Что?! — взревел он, и я почувствовала, как от лица отливает кровь. — Сумасшедшая баба!

Корней приблизился ко мне и взял за подбородок, всматриваясь в глаза.

— Давай, дрожи от страха, скоро ты будешь молить меня не быть с тобой жестоким. Но я помню все! В твоих жилах течет гнилая кровь. Кровь убийц и лжецов!

В окно что-то постучало, и Корней отпустил меня, окинув презрительным взглядом. Он подошел к окну, открыл створку и тут же в комнату влетел большой ворон.

Птица села на стол и из ее клюва выпал круглый камешек. Колдун подхватил его и довольно усмехнулся:

— Скоро свидимся, брат.

Я с интересом наблюдала, как он бросает камешек в свое варево и мне вдруг показалось, будто земля слегка содрогнулась. Брат? Неужели есть еще один колдун?

* * *

За болотом мело так же, как и в деревне, но на пригорке появилась проталина, которая становилась все больше. Мерзлая земля треснула и из этой трещины показалась грязная рука,

а следом и вторая. Темная голова, широкие плечи, с трудом проходящие в этот узкий проем и наконец, на поверхность выбрался весь человек. Он встал на колени и отдышался, потом струсил с рваной и сгнившей одежды землю и поднялся. Принюхался, довольно оскалился и пошел к лесу.

* * *

Утопая в сугробах, Танька добралась к дому и принялась рыться в кладовке.

— О! Вот они! — она вытащила старые лыжи, палки и кинулась на кухню за фонарем. Немного подумала и взяла столовый нож. — Ну, вы у меня попляшите... Я иду, Валечка, иду... Ну, гады...

Танька снова вернулась от дверей, нарисовала губы новой помадой, брызнула на себя духами и уже тогда вышла.

Натянув лыжи, и путаясь в них, она чертыхнулась, но вскоре разобралась и покатила к лесу, не обращая внимания на летевший в лицо снег.

Запала у Таньки хватило на половину пути, а потом ей стало страшно. Она светила фонарем под все кусты, ожидая увидеть под ними притаившегося колдуна, и каждый раз повизгивала, пугаясь упавшего с ветки снега. Вскоре в луче фонаря показались очертания заимки и Танька присвистнула:

— Ничего себе... А что тут происходит??? Кто это все построил???

— Ты чего под чужими окнами трешься?

Танька медленно повернулась и села на снег, ударив задревшими лыжами мужика, появившегося из-за дерева.

— Да чтоб тебя! — заревел он, хватаясь за ногу выше колена. — Неловкая что ли?!

— Что-то я тебя раньше не видела! — Танька подозрительно навела на него луч фонаря. — Ты кто?

Мужчина был грязный, одетый в какое-то рваньё, а главное — босой. Скуластое лицо выражало негодование и раздражение, а миндалевидные глаза пускали молнии, почти в прямом смысле этого слова.

— Не твое это дело, — грубо ответил он и Танька маленько напряглась:

— Ты что, с тюрьмы сбежал?

— Ага, с могилы вылез пару часов назад, — язвительно сказал мужчина и, схватив ошалевшую Таньку под локоть, поднял со снега. — Пошли-ка со мной.

— Отпусти меня! — завопила Танька, отбиваясь от него, но лыжи мешали ей это сделать полноценно. — Я буду орать!

— Ори, — согласился он. — Я не против.

Он потащил упирающуюся Таньку к дому и дверь сразу же распахнулась.

— Прохор! Я думал ты придешь раньше! — Корней перевел взгляд на Таньку. — А это что?

— Терлась здесь.

— Да что ты... Тогда тащи ее сюда.

* * *

В дверях послышался шум, и я с удивлением наблюдала, как вслед за Корнеем, в дом заходит высокий мужчина, больше похожий на бомжа и тащит Таньку в лыжах. Я даже рот открыла от изумления.

— Танька-а???

— Ой, Валечка! — подруга помахала мне рукой. — Хорошо, что ты здесь!

— А ты что здесь делаешь?! — я подбежала к ним и прошипела на этого бомжа: — Может, хватит трясти ее?!

— Корней, а что происходит? — он повернулся к колдуну, не удосужившись даже посмотреть на меня. — Что это за бабы ушлые???

— Ооо... это интересная история, — Корней насмешливо посмотрел на меня. — Они оживили меня.

— Да?? — «бомж» отпустил Таньку, и та грохнулась на пол, ударив его задником лыжи в ногу, и он заревел: — Ты меня убить хочешь?! Вот коза!

Я покосилась на Корнея и заметила, что он явно не ожидал такого поворота событий.

— Не тыкай! — Танька пыхтела как паровоз, стягивая лыжи. — Я с тобой гусей не пасла!

— Заткнись! — снова заревел бомж и обошел ее стороной. — Чумичка!

— А сам?? — вступилась я за подругу. — Когда мылся в последний раз?!

Мужчины уставились на нас такими взглядами, что разговаривать у меня желание отпало, да и Танька угрюмо молчала, настороженно поглядывая на Корнея.

— Чего вылупилась? — колдун неприязненно скривился. — Не нравлюсь?

— Ну, почему... — Танька вздохнула очень горько. — Симпатичный мужчина, злой только...

— Ты не видела, как он меня за морду хватал, — кивнула я и почувствовала его злой взгляд. — И детей рожать заставлял.

— Корней, расскажи мне все, — грязный нахал, таращился на нас презрительным взглядом.

— Пошли, нас баня ждет. Там все и расскажу.

Они прошли мимо нас к двери, и Танька вовремя убрала ноги.

— Валя... а кто это?

— Танька, ты дура что ли? — я подергала дверь, но она была крепко заперта. — Колдун! Мы же его оживили!

— Дааа?? А я-то думаю, что тетка Клавдия мелет... и участковый еще... — Танька вылупила глаза. — Ой, как страшно...

— А ты тут как оказалась... на лыжах?

— Тебя спасать шла.

— С покрашенными губами?

— Ага, женщина должна всегда хорошо выглядеть.

Мы замолчали и уставились друг на друга, в надежде, что у кого-то из нас появится здравая мысль. Будущее виделось совсем ужасным и выхода, к сожалению не наблюдалось.

Танька со вздохом поднялась и принялась обхаживать комнату, заглядывая в каждый угол.

— Интересное место... Добра сколько непонятного... — она погремела крышками и банками, рассматривая каждую. — Зелья, что ли какие? Валька, ты же фармацевт, не знаешь, что здесь?

Я покрутила пальцем у виска.

— Я тебе что, колдунья?

— Было бы не плохо... — протянула Танька и вдруг заинтересованно направилась к

окну. — По-моему, оно открыто.

— И как тебе только в голову пришло такое? — расслабленно произнес Прохор, лежа на полке. — Неужели ты действительно хочешь отомстить таким способом?

— А почему нет? — лениво пожал плечами Корней. — Убить — слишком легко.

— Ладно, твое дело, — Прохор плеснул воду на раскаленные камни, и они зашипели, наполняя комнату паром. — Что с идолом на болоте?

— Не знаю. Надеюсь, из-под него не выбралось то, что я так тщательно охранял, — ответил Корней. — Я вокруг защиту поставил, чтобы кто-нибудь не забрел случайно. Любая живая душа может снова оживить это...

— В последний раз мне стоило жизни, чтобы загнать его обратно. — Прохор машинально прикоснулся к большому шраму на груди. — Нужно сходить туда, проверить все.

— Сходим.

* * * Даже метель не мешала нам резво мчаться по лесу, утопая в сугробах. Я задыхалась, Танька тоже, но останавливаться было страшно, и мы почти постанывали, петляя между соснами. Почему-то ни одной из нас не пришло в голову, что убежать от колдуна невозможно, тем более что бежать кроме деревни, было некуда.

— Тебе не кажется, что мы очень долго бежим? — прохрипела я, наконец, остановившись. — Мне кажется, мы заблудились.

Покрутившись на месте, Танька удрученно кивнула:

— Так и есть. Ничего не видно из-за пурги этой! Что делать?

Я с ужасом поняла, что мы хорошо влипли. Щеки горели от мороза, я начинала замерзать, а снежная круговерть лишала нас возможности выбрать правильное направление.

— Если присядем отдыхать, то замерзнем, — сказала я, стараясь не терять надежды. — Пошли прямо, по-моему, мы никуда не сворачивали и займка за нашими спинами. Если пойдем вперед, то выйдем к деревне.

— Хотелось бы в это верить, — пробурчала Танька, и мы пошли дальше.

Бежать, сил уже не было.

Когда прошло еще полчаса, я окончательно поняла, что мы идем не туда. Было страшно и если бы не замерзшее лицо, я точно скривилась бы и зарыдала от отчаяния.

— Посмотри! Там огонек! — воскликнула Танька, тыча рукавицей куда-то в сторону. — Точно!

Действительно, сквозь снежную пелену, что-то слабо светилось между деревьями. Огонек манил нас как путеводная звезда, как маячок надежды, заставляя двигаться быстрее. Перспектива замерзнуть в лесу, все еще маячила перед нами.

Наконец появились первые очертания какого-то строения, и мы с удивлением обнаружили хижину, в которой приветливо светилось окно.

— Что это? — прошептала Танька. — Кто может здесь жить?

— Не все ли равно? — мне хотелось лишь одного — отогреться. — Может охотничья.

— Наверное, — согласилась подруга и нерешительно постучала в дверь. — Есть кто?!

— Входите, — услышали мы мужской голос и переглянулись.

— Ну, что? — шепнула я.

— Пойдем...

Мы опасливо приоткрыли дверь и вошли внутрь, чувствуя, как тепло обволакивает наши замерзшие тела. В хижине была всего одна комната, в которой находились большая печь, стол, лавка и старая, узкая кровать. На ней сидел странный мужчина, одетый в медвежью шкуру и смотрел на нас тяжелым взглядом из-под нависших бровей.

— Добрый вечер, — поздоровалась я, и мой голос прозвучал как-то по детски жалко. — Можно у вас до утра погреться?

— Можно, — ответил он, не прекращая буравить нас своими недобрыми глазами. — Грейтесь.

— Спасибо, — мы с Танькой присели возле печки, но, несмотря на живительное тепло, я не могла расслабиться.

Этот странный человек пугал меня.

— Вы охотник? — спросила Танька, ибо сидеть, молча, было как-то некрасиво.

— Можно и так сказать, — загадочно произнес он. — Охотник.

— А где ваше ружье? — неугомонная Танька так и напрашивалась на общение.

— А мне не нужно ружье, — ответил мужчина, как-то странно усмехаясь. — Я все делаю руками.

— В смысле, руками? — недоуменно протянула я, замечая в его глазах странный, злой блеск.

— Просьба есть у меня, небольшая, — он словно не услышал моего вопроса. — Помогите старому человеку.

— Да мы не против... — Танька осторожно приблизилась к нему. — Что сделать-то нужно?

— Рубаху мою зашить. Плохо вижу уж, не получается у самого, — мужик подмигнул Таньке и та шагнула назад.

— Отчего же не помочь, это запросто, — шепнула подруга, и он протянул ей выдавшую виды рубаху:

— Держи.

Танька потянулась за ней и вдруг вскрикнула:

— Ой! Я палец уколола!

Она потрясла рукой и я увидела, что на рубахе появились капли крови, но еще я увидела, как смотрит на кровь хозяин страшной хижины. Он вдруг соскочил со своего места и, схватив рубаху, прижал её к лицу:

— Наконец-то! Наконец-то!!!!

Танька непроизвольно прижалась ко мне и шепнула:

— Может, уйдем?

— Куда же вы пойдете, красавицы? — мужик отнял рубаху от лица и ухмыльнулся. — У меня очень уютный дом.

Совершенно непонятным образом стены хижины принялись двигаться, меняясь на глазах и через несколько секунд мы уже находились в холодном каменном склепе. Посреди него на большом камне лежал скелет, одетый в медвежью шкуру и я увидела под ней уже знакомую рубаху.

— Ой, мамочки! — завопила Танька и шарахнулась в сторону. — Что происходит?! Где мы?!

— Не знаю, — прошептала я. — Что за чудеса...

— Мне страшно! Куда делся мужик, хижина?

— Посмотри на скелет, прикид у него точно такой, как и того охотника, — обратила я ее внимание. — Может, это он и есть?

— Разве такое может быть??? — Танька испуганно покосилась на него.

— А колдуны? Могли быть? — парировала я. — Вот влипли же!

Что-то зловещее витало в этом каменном кармане, и оставаться здесь дальше было просто невыносимо.

— Смотри, похоже, отсюда есть выход! — Танька с опаской обошла скелет, и показала мне плиту, которая по видимому действительно прикрывала выход.

— Давай попробуем сдвинуть ее, — предложила я, и, поднатужившись, мы принялись толкать тяжеленную плиту.

Раздался глухой скрежет, и она медленно поползла в сторону, что по идее должно было вызвать у нас подозрения, ведь вряд ли без посторонней помощи, это вообще можно было сдвинуть с места. Но близость свободы туманила мозги, и мы пыхтели до тех пор, пока в образовавшуюся щель не стал залетать снег.

— Давай отдохнем! — взмолилась Танька, и мы остановились, тяжело дыша и постанывая от жуткого напряжения.

Это оказалось очень вовремя, потому что позади нас раздался какой-то звук. Мы резво повернулись и с ужасом увидели, что недавний скелет, похоже, чувствует себя куда лучше. Он соскочил с камня, и я тут же узнала мужика с хижины, все с тем же злым, насмешливым прищуром, недобрых глаз.

— Спасибо! — захохотал он и отшвырнул плиту в сторону.

Она рассыпалась в крошку, освобождая круглую дыру, за которой шумел зимний лес.

— Убил бы вас, да не до этого!

Он вышел из склепа и растворился в темноте.

— Что это было? — еле выговорила я, поворачиваясь к Таньке.

— Что-то нехорошее, — замогильным голосом ответила подруга. — Вот чувствую я, что опять из-за нас история какая-то приключится...

— Ты слышала, он сказал: убил бы вас, — я осторожно выглянула наружу, но в кромешной темноте было трудно что-либо увидеть. — А если он вернется?

После этих слов, мы, не стовариваясь, выскочили из "склепа" и снова помчались по лесу.

* * * — Это случилось, — Корней яростно пнул ногой камень, на котором осталась лежать лишь старая птичья кость. — ЭТО на свободе.

— Но как?! — Прохор пристально осмотрел все углы. — Хотя... Эта гадость, скорее всего, заманила сюда кого-то, манипулируя из потустороннего мира. Этот кто-то и освободил монстра. Немного колдовства и пространство меняется... Я чувствую, как до сих пор дрожит воздух.

— Не догадываешься, кто мог оказаться ночью в лесу? — Корней сжал кулаки. — Наши беглянки!

— Поймать их не составит труда. Вот только наказать придется, — прорычал Прохор. — Я сдох, чтобы эту тварь навеки замуровать, а они ее выпустили!

— У меня есть идея получше. — Корней внимательно посмотрел на брата. — Почему я сразу не додумался до этого, снедаемый желанием мести? Пусть отправляются в прошлое и исправляют ошибки своих прадедов. Это лучше чем плодить с ней щенков, с такой же гнилой кровью.

— А если они сдохнут там?

— Значит, туда им и дорога. Отработают грехи своей семьи. — Корней зло рассмеялся. — Пора брат.

* * * — Мне кажется, я вижу огни деревни, — устало произнесла Танька. — Господи, как же я хочу спать...

— Да, я тоже ужасно устала, еще вся эта мистика... — пробурчала я. — Вот только сомневаюсь, что нам дадут поспать, видишь, что вокруг творится...

— Ой! — вскрикнула Танька так неожиданно, что я резко остановилась и сразу же увидела два силуэта, появившиеся из-за деревьев.

— Колдуны! — проблеяла подруга, и собралась было бежать, но ее остановил грозный голос:

— Стой, иначе хуже будет.

— Куда еще хуже?! — забеспокоилась я, надеясь, что эти два брата — акробата не начнут нас убивать прямо здесь.

— Вы должны искупить то, что сделали ваши предки. — Корней вышел из тени на свет луны, которая снова показала свое кровавое лицо. — Отправляйтесь в прошлое.

— Как в прошлое??? — Танька так заволновалась, что принялась заикаться. — Нет! Я не согласна! У меня дела!!!

— Вы выпустили тварь, которая была заперта долгие годы! Заперта, ценой моей жизни! — заревел Прохор, наступая на нас. — Ваши проклятые предки убили моего брата и его семью!

Мы начали пятиться от него, умирая от страха, а он ткнул в меня пальцем и прошипел:

— Твой прапрадед — убийца. Отправляйся туда и любым способом предотврати все, что он сделал! А если сдохните там, никто плакать не будет!

— Я никого не убивала! — крикнула я ему в ответ. — Почему же должна отвечать за поступки людей, которых даже не видела никогда?!

— Заткнись! — Корней свистнул и на снег перед нами опустился ворон.

Вокруг него моментально закрутилась снежная воронка и поднялась большой снежной волной, двигаясь на нас.

— Мапочка!!! — заорала я, и тут же мне в рот набилось столько снега, что стало трудно дышать...

* * * — Оо-х, — услышала я Танькин голос и сладко потянулась.

Было тепло, мягко, пели птички... Птички?! Я открыла глаза и практически подскочила с плотного одеяла изумрудного мха. Танька сидела рядом и протяжно вздыхала, разглядывая порванную шубейку и штаны в дырках, которые лежали рядом. Она была в колготках, шерстяной тунике и валенках, что смотрелось довольно комично в антураже окружавшего нас разнотравья.

— Где мы? — прохрипела я и прокашлялась. — Неужели в прошлом?

— А то! — горько воскликнула Танька. — Ты же не думаешь, что за пару часов лето наступило?

— Вот за что мне это?! Нормально же жила! На работку ходила, пироги трескала! — зло рывкнула я, стаскивая с себя тяжелое, жаркое пальто.

— Вот твой предок колдуна убил, а нам теперь отдуваться! — недовольно протянула Танька. — Странные у тебя родственники!

— Что??? — завопила я, глядя на эту наглую морду. — Кто ларец разбил?!

Танька поджала губы и отвернулась.

— За Корнеем вся деревня охотилась, так что там и твои родственники были! — добавила я еще один тяжелый аргумент. Съела?

— Но убил-то твой! — Танькина ехидная улыбочка довела меня до белого каления.

— Вот ты... — я не договорила, услышав чьи-то голоса. — Кого это несет?

— Встречи с местными нам пока не нужны, — прошептала Танька, и мы полезли за большое дерево с вывороченным корневищем.

Спрятавшись, мы затихли и когда голоса приблизились, наострили уши.

— Слышал Григорий, что в лесу мужик поселился? Все лес валит, да стругает что-то...

— Слышал, — злой, тяжелый голос резанул ухо. — Разберемся кто это, не будь я Григорий Плясов.

Мы с Танькой переглянулись. Мой прапрадед!

— Он к кузнецу приходил, кобылу подковать.

— И что кузнец говорит?

— Да говорит, мол, странный мужик, неразговорчивый. А в глазах, будто пламя горит, взглядом аж припечатывает...

— Припечатывает, говоришь? — с интересом переспросил прадед. — Ну-ну, разберемся.

Голоса становились все тише и наконец, совсем затихли.

— Это они о Корнее видать говорили, — сделала вывод Танька. — Серьезный мужик, предок твой. Голос такой, впечатляющий... Ну и как нам в деревню сунуться? Вид у нас не подходящий. Какой хоть год сейчас?

— А кто его знает, — я тоже задумалась. — И, правда, что делать?

— Ну, я так понимаю, что вернуться обратно нам светит только в том случае, если мы помешаем твоему прапрадеду убить Корнея и его семью. — Танька погрустнела. — Задача не из легких.

— Ты слышала, что мужики говорили? Корней свой дом только строить начал, а значит ни жены, ни детей у него нет. А убили его, когда дети подросли! Нам что, здесь пять лет сидеть??? — до меня только дошло, что мы совсем не в том прошлом, где до убийства оставалась хотя бы неделя.

— Точно, — протянула Танька. — Офигеть...

— Вот тебе и офигеть, — я немножко подумала и предложила: — Пошли в церковь, авось чего получится. В церкви нас точно примут.

— Пошли. — Танька совсем расстроилась. — Не вечно же здесь сидеть...

Деревня, конечно, изменилась, но свой дом я узнала сразу. Пусть он был не таким свеженьким и чистеньким, как сейчас, но все же выглядел вполне добротным строением, окруженным сараюшками и дощатым забором.

— Так странно на все это смотреть, — заволновалась Танька. — Совсем другой вид...

— А что ты хочешь? Древние времена, блин, — вздохнула я, прячась за деревьями. — А вон и церковь, смотри какая!

— Ух, ты! С тем, что сейчас на ее месте, не сравнить, — подруга посмотрела на меня с тоской. — Нас там темные люди не побьют?

— Ну, церковь же! — возмутилась я в ответ, но если честно, то сама побаивалась встречи с кем-либо из этого времени.

Собравшись с духом, мы старательно обошли деревню и быстро потопали к церкви, испуганные и сбитые с толку. Дом Божий был небольшим, и как оказалось — деревянным, видимо кирпичом его обложили позже. Сияющий крест на маковке, крест над входом в храм... Открытые двери, украшенные рисунками из жития святых и множество цветов вокруг, от белоснежных ромашек, до почти сиреневых колокольчиков, между которыми вился пахучий горошек. Мы растерянно затоптались у входа и чуть не сорвались бежать, когда услышали густой бас:

— День добрый. Прошу, проходите в храм.

Мы развернулись и увидели большого дядьку с окладистой бородой, который с добродушным интересом смотрел на нас.

— Добрый день батюшка, — промямлили мы в один голос. — Спасибо...

— Я смотрю, лица незнакомые. Не наши, не деревенские, — священник был благодушным и приветливым, что вселяло надежду.

Мы с Танькой быстро переглянулись, понимая, что не подумали о том, какую легенду будем рассказывать, когда столкнемся с кем-нибудь из людей. Но что-то говорить было нужно и, запинаясь, я сказала:

— Пришли мы за помощью к вам. В деревне нашей, голод, людей померло много, вот мы с сестрой и пошли иной жизни искать. Приютите нас, Богом молю...

— Прости Господи! — ляпнула Танька и тут же покраснела.

Священник, молча, оглядел нас с ног до головы, видимо изумляясь нашему прикиду и поинтересовался:

— А как деревня ваша называется, горемычные?

Я вспомнила соседнюю деревушку, в которой была от силы, раз пять и сказала:

— Алексеевка.

— Алексеевка? — он пошевелил густыми бровями и вздохнул: — Ну, что ж, пойдете со мной.

— Куда? — мы испуганно наблюдали, как он приближается к нам.

— Чего вы всполошились? — батюшка удивился нашей реакции и остановился. — Поживете при храме, а там видно будет. Грех это, людей в беде оставлять. У нас здесь работы хватит: обед приготовить, воды принести, на огороде управиться, подбелить, да порядок навести. При церкви я, матушка, да две певчие, Матрена и Евдокия. Работник еще имеется, Родион. Вот и вся недолга.

— Это было бы очень хорошо! Спасибо большое! — Танька принялась кланяться, а я следом за ней, обратив, наконец, внимание, что она без своих валенок.

— Бога благодарите, — важно ответил батюшка и представился: — Я - отец Сергей.

— Валентина.

— Татьяна.

— Ну и, слава Богу. За храмом двор хозяйственный, туда и пойдём, — отец Сергей двинулся дальше, а мы посеменили следом.

Оказалось, что церковь жила своей и очень даже неплохой жизнью. По пыльному двору бегали куры, где-то мычала корова, и пахло свежим хлебом. Кроме хозяйственных построек, к деревянному боку церкви жались несколько мазанок с маленькими окошками, а под большой яблоней стоял длинный стол, за которым сидел пожилой мужчина и что-то вырезал из дерева.

— Родион! — позвал его батюшка. — А где матушка?

— На кухне, отец Сергей, — мужчина поднялся и с любопытством посмотрел на нас.

— Познакомься, это Валентина и Татяна. По хозяйству будут помогать, — сказал святой отец, и Родион наклонил голову, здороваясь.

Мы пошли дальше, а он все смотрел нам вслед, что мне очень не понравилось. Пристального внимания нам сейчас только не хватало...

На кухне было жарко, вкусно пахло борщом и блинами. Три женщины, суетившиеся возле печки, при виде нас оставили свои дела и удивленно замерли.

— Матушка! — отец Сергей подвел нас к дородной тетке с пухлыми щеками. — Приюти страдалиц, да работу им найди. От голода бежали в наши края, горемычные.

Бабы зацокали языками, жалея нас, но их взгляды были прикованы к нашей одежде.

— Одеты они уж как-то странно, голые почти! — все-таки высказалась матушка, и мы струхнули. — Ну, ничего, сейчас я вам одежду поищу.

— Конечно, поищи, — кивнул батюшка. — Ибо срамно в одних портках бегать... Не иначе мужские на себя напялили...

* * * Тем временем на болоте что-то происходило. Каменный идол дрожал, земля вспучилась, затхлая вода закипела, с шипением словно кислота, поедая жухлую траву, а из-под истукана раздался громкий стон.

Вскоре на поверхности показались страшные когтистые руки, покрытые волосами. Они цеплялись за кочки и коряги, пока не нашли точку опоры и не вытащили за собой все тело с косматой головой. Чудовище выпрямилось во весь рост и сквозь спутанные космы, свисающие на лоб, блеснули недобрые глаза.

— Чего вам нужно? — зарычал оно, рассматривая двух мужчин, застывших перед ним в суеверном страхе

— Сделай меня сильным! Власти мне дай! — выкрикнул один из них и бухнулся перед монстром на колени. — А я все для тебя сделаю! Все! Ничего не пожалею!

— Все? — вкрадчиво спросил монстр, тяжело дыша. — Ты уверен, человечиска?

— Все! Что ни пожелаешь! Жизнью своей клянусь!

— Ну, твоя жизнь мне не нужна... Чего-нибудь повкуснее хочу...

* * * Матушка Прасковья привела нас в чистую мазанку и выдала чистые вещи, украдкой поглядывая на нашу одежду и цокая языком.

— Спать здесь будете. Матрена и Евдокия в соседнем домишке, Родион на сеновале спит, а мы с батюшкой в доме. Встаем мы к пяти утра, идем на службу, а потом делами

занимаемся. Одевайтесь и приходите на кухню, я вас накормлю, чем Бог послал.

— Спасибо, — я стыдилась нашего вранья. — За доброту вашу.

А Таньке было хоть бы хны — она крутила головой, разглядывая все, что нас окружало, и выглядела не очень-то и расстроенной. Убила бы...

— Господь с вами, — вздохнула матушка и вышла.

— Все хорошо, — пробурчала эта зараза. — Но вот вкалывать я особо не хочу.

— А у нас, что, выбор есть? — мне так и хотелось снова завести разговор о ее кривых руках и мощах, к которым она хотела приложиться, но я промолчала, и так проблем хватает.

Мы, молча, оделись в крестьянские юбки, какие-то угрюмые кофты и повязали платки, что не прибавило настроения. Старые стоптанные штиблеты и образ крестьянки 18-го века стал полным.

Вернувшись на кухню, мы поели борща, на удивление очень вкусного, с краюхой хрустящего хлеба и были отправлены на колодец по воду.

— Выйдете из калитки, увидите кладбище, а по ту сторону дороги, колодец. Воду наносите в бадью, которая возле кухни, а потом можете отдыхать, — сказала матушка и вручила нам ведра.

Увидев бадью, я совсем затосковала и одарила Таньку убийственным взглядом. Но подруга, словно не замечала моего настроения, получая удовольствие от этого приключения.

— А с другой стороны, — возбужденно забубнила она. — Это, же какое чудо, попасть в прошлое! Такое случается не со всеми!

— Чему ты радуешься? — изумилась я. — Нам бы выбраться отсюда живыми и здоровыми!

— А что, думаешь, не выберемся? — она перестала размахивать ведрами.

— Вот выросла же баба! — рявкнула я. — В заднице мы, полной! А вокруг, то колдуны, то неадекваты!

Танька пропустила все мимо ушей и резко остановилась.

— Слушай, а что колдуны говорили перед тем как нас сюда отправить? Кого мы выпустили?

— Кого выпустили? — не поняла я и сразу же вспомнила слова Прохора: что мы выпустили тварь, которая была заперта долгие годы. — Слушай... Наверное, они о том странном мужике, который скелет...

— А он кто? — выпучив глаза, прошептала Танька.

— Да я откуда знаю! — у меня уже мозги кипели от этого колдовского террариума. — Пошли по воду!

Колодец мы нашли сразу и уже делали вторую ходку, когда на пыльной дороге, ведущей в деревню, показались два силуэта, размытые ярким солнцем. Они приближались, и вскоре стало понятно, что это двое мужчин лет сорока или чуть больше. При виде нас они остановились и с интересом принялись разглядывать, тихо переговариваясь.

— Чего это они? — прошептала Танька, переливая воду в ведро.

— Да кто их разберет, — мне очень не хотелось вступать в контакты с местным населением.

— День добрый! — крикнул один из мужчин, и они направились к нам.

— Добрый, — ответила я и подхватила ведра, чтобы побыстрее ретироваться.

— Что-то лица незнакомые, — один из мужчин окинул нас наглым взглядом, вызывая во мне неприязнь. — Вы откель, бабы?

— Откель надо, — огрызнулась Танька. — Любопытный.

— В церковь воду носите? — подал голос второй мужчина и я похолодела.

Прапрадед! Этот голос, я теперь не спутаю ни с каким другим.

— В церковь, — ответила я. Родственник как-никак. — Живем мы там.

— Давно? — его тяжелый, с какой-то скрытой жестокостью взгляд, уперся в меня.

Чего он прицепился? Какое лицо неприятное... внешность такая, орлиная что ли...

— Нет, недавно, — я отвела глаза от этого жесткого лица. — Ладно, некогда нам разговоры разговаривать, работы полно.

Мы быстро пошли к церкви, не замечая тяжести ведер, а они так и стояли, глядя нам вслед.

— Поняла, кто это? — спросила Танька. — Это не к добру.

— Поняла. А почему не к добру? С чего это?

— Ты что, не заметила, как он на тебя смотрел? — прошипела подруга, возмущенно косясь в мою сторону. — Ну, ты и даешь...

— Как он на меня смотрел?

— Плотоядно! — Танька нервничала от моей непонятливости. — Вот ты дерево, Валька!

— Он мой предок!

— Но он-то, этого не знает! — Танька вывернула воду в кадушку и уставилась на меня. — Чувствуешь, какой конфуз назревает?

— Тебе показалось! — мне даже думать об этом не хотелось.

Но, похоже, Танька оказалась права. Вечером, эти два типа прохаживались возле церкви, а потом долго о чем-то говорили с бабушкой.

Почти всю ночь мы не спали, обдумывая нашу ситуацию и периодически переговаривались, переливая из пустого в порожнее. Что предпринять, мы не знали, как действовать тем более, а странное внимание прапрадеда, совсем не входило в мои планы. Задремали мы только под утро, но были безжалостно разбужены на службу одной из певчих.

— Вставайте! И где это вы так спать приучены?! Время к заутренней собираться, а они перины мнут!

С перинами она, конечно, погорячилась, но вставать все равно пришлось.

Сонные, мы с трудом натянули на себя свое тряпье и поползли к церкви, замечая, что кроме нас и всей этой церковной братии, к службе подтягивается народ из деревни.

Здесь были и помятые после сна бабы, и угрюмые мужики, и конечно же родственник со своим товарищем. Люди заполняли храм, в котором уже хозяйничал отец Сергей и на нас обращали внимание и перешептывались, особенно бабы. Оно и не удивительно, вряд ли в деревне часто происходило что-то новенькое.

Всю службу прадед буравил нас взглядом, не особо переживая, что на это явно обращают внимание. И мы с Танькой готовы были сквозь землю провалиться. Когда народ потянулся к выходу, нас остановила матушка Прасковья, и плохое предчувствие нахлынуло на меня с удивительной силой.

— Подождите-ка, поговорить хочу с вами, — сказала она и сложила руки на животе. — Повезло вам, бабоньки. Очень повезло.

— Да? И в чем же? — поинтересовалась Танька, а меня просто колотить стало от ее благодушного тона.

— При церкви жить тяжело, работы много, а вы еще бабы молодые, — начала она,

приторно улыбаясь. — Так вот, есть в нашей деревне, мужик хороший, Григорий Плясов. Жена у него слегла после родов, уж второй год лежит бревном. А последнее время совсем заплохело ей, видать преставится скоро. Нужна помощница ему в дом, чтоб и за женой присмотреть могла и в хате порядок навесть. Пойдете вдвоем к нему, подсобите. Крыша над головой будет, кусок хлеба завсегда, а там гляди, кто-нибудь из вас и хозяйкой станет. Это дело такое...

Танька повернулась ко мне и многозначительно дернула бровью, что означало — пипец однако!

— А если не хотим мы??? — я недовольно нахмурилась. — Нам и тут хорошо!

— Хорошо им! — воскликнула матушка. — Тут и без вас ртов хватает! А если сироту, какого обездоленного занесет, или калеку? А вы тут место занимаете, когда такой шанс выпадает! Собирайтесь и идите! Вот и весь разговор!

Было понятно, что нас никто слушать не будет, и мы поплелись в сторону деревни, ибо брать с собой нам было нечего.

Григорий Плясов и его странный дружок стояли пол кривой сосенкой, одиноко маячившей возле дороги и, по всей видимости, ждали нас. Так вот о чем они разговаривали с батюшкой вчера вечером! А отец Сергей доверил своей жене проинформировать нас, что она с легким сердцем и сделала.

— Попали мы в передрагу, — зло сказала Танька. — Он на тебя глаз положил и придумал, как сделать, чтобы поближе была.

— Тетка Клава говорила, что прапрабабку колдун убил, — вдруг вспомнила я. — И ничего о том, что она после родов слегла.

— Да после того, как они тебя Корнею отдали, и как она твой дом заняла, ты еще веришь, что весь тот рассказ правдой был? — хмыкнула Танька. — Ложь кругом, а от этого все еще запутаннее!

Мы все ближе подходили к мужчинам, и я с содроганием смотрела на орлиное лицо своего родственника. А если он ко мне приставать начнет?

— Доброго дня бабоньки, — поздоровался он. — Вижу, уговорил вас отец Сергей и помощницы ко мне пойти?

— Уговорил, — буркнула я. — Идти-то куда?

— А я сейчас покажу, — он взял меня под руку и повел, сжимая локоть, цепкими пальцами. — Ты не бойся, не обижу...

Я оглянулась и увидела, что Танька находится в явном шоке, шагая рядом со вторым товарищем, который ей что-то «чесал», облапывая елейным взглядом. Господи, что происходит? Бред, просто бред какой-то...

— Так вы из Алексеевки? — спросил Григорий, пристально разглядывая меня.

— Да, оттуда.

— И все бабы там такие пригожие? — хохотнул он.

— Все, — я довольно четко дала ему понять, что не хочу разговаривать.

Неужели этот неприятный человек мой родственник?

— Голод, говоришь, у вас там, — не унимался он, и вдруг наклонившись, жарко зашептал мне в ухо: — Ты не бойся, самое лучшее есть будешь, цацок тебе накуплю, одежду справим...

Я отшатнулась от него, и он зло прищурился.

— Брезгуешь? Гордая, да? Ну, посмотрим, как оно дальше будет.

Было странно смотреть на дом, в котором я жила, вернее буду когда-то жить. Вроде бы он, а вроде и не он. В этом времени он выглядел более мрачным и каким-то хмурым. Судя по живности, прапрадед жил довольно зажиточно, краем глаза я даже заметила двух работников, копошащихся в его закромах. Ну да, как раз ему двух помощниц и не хватало...

Григорий больше не заговаривал со мной, но я ощущала исходившую от него злобу и чего греха таить — боялась.

Он провел нас в дом, и я еще раз удивилась своему ощущению раздвоенности. И мой дом, и не мой. По убранству комнат, я лишней раз убедилась, что прапрадед не беден и обратила внимание, как в его глазах вспыхнула гордость собой, стоило ему заметить мою заинтересованность.

— Гриша, кто там? — раздался слабый голос из дальней спальни, и его лицо потемнело, приобретая выражение недовольства и презрения.

— Не надо оно тебе! — крикнул он в ответ и женщина замолчала.

Через секунду раздался сухой кашель и тихий стон.

— Жена ваша? — не скрывая неприязни, спросила я и он оскалился:

— Что, ненавидишь меня? Ее жалеешь? А меня кто пожалеет??? С трупом в одном доме находиться! Смотреть на этот скелет! Задышаться от вони могильной! А?!

— Тише! — оборвала я его и, обернувшись, увидела ужас в глазах Таньки.

Она тоже это слышала.

— Леня, отведи-ка их в амбар и запри, — вдруг сказал он своему товарищу, и я испугалась этого лица и улыбки сумасшедшего. — Потом поговорим. Пусть посидят, поголодают, чтоб дурь из головы выветрилась!

— Вы не имеете права! — я оттолкнула его, чтобы убежать, но он крепко схватил меня за плечи:

— А я хотел по-доброму, по любви... Сама виновата.

Каким-то непостижимым образом в комнате оказался один из работников и с его помощью, Леня потащил нас, не особо церемонясь и причиняя боль. Последнее, что я увидела, перед тем, как нас выволокли из дома, страшные, налитые кровью глаза своего предка.

В амбаре было темно и пыльно, лишь в щели между досок пробивались солнечные лучи, пронизывая сумрак. В углу стояли лари с мукой, на которых были сложены холщовые мешки, тихо попискивали мыши в соломе, и пахло зерном.

— Такого поворота я не ожидала, — пробурчала Танька и прильнула глазом к щели. — Ходят по двору, злые, что-то обсуждают!

— Теперь у нас выход один — любыми путями свалить из этой деревни, — сказала я и принялась шарить под деревянными стенами, пытаюсь найти более мягкую землю.

— Ты что делаешь? — Танька отлипла от созерцания моего родственника и, нахмурившись, наблюдала за мной.

— Хочу подкоп сделать, — сказала я. — В фильме видела.

— Аааа, давай! — Танька присоединилась ко мне, и мы стали ползать вдвоем, пока не услышали дикий крик:

— Ой, люди! Люди добрые! Пропала! Доченька моя пропала!!!

— Вот об этом тетка Клава и говорила! — мы замерли и стали прислушиваться.

— Сомневаюсь, что к этому Корней причастен, — прошептала Танька. — Он хоть и неприятный тип, но вот чувствую я, что это не он!

— Вокруг столько загадок, что я ничему уже не удивлюсь! — я услышала разговор и показала Таньке, чтобы она приложила ухо к щели.

— Чего случилось, Агафья? Почто орешь? — крикнул прадед. — Всех собак всполошила!

— Дочка у меня пропала, Гриша! — всхлипнула женщина. — Посадила ее в палисаднике на травку, пошла корову подоить, вернулась, а Катеньки нее-ет!!!

— Ладно, не ори. Ты хорошо искала? — грубо спросил прадед. — У соседей спрашивала?

— Всех обошла! Никто Катеньку не видел! О-ох! Сосед в колодец спускался, и там нет ее!!!

— Мы с Ленькой сейчас лес прочешем. Может чего, и найдем, — прадед замолчал, а потом добавил: — Иди домой Агафья.

Я отлипла от стенки и тут моя нога провалилась в рыхлую почву почти по колено.

— Смотри! Тут подрывать можно!

Мы с Танькой принялись остервенело рыть землю, ломая ногти и вскоре докопались до конца дощатой стены, которая как оказалось была не так глубоко. Края ее подгнили и почти превратились в труху, что дало нам возможность, легко сломать ее, и дальше работа пошла легче. Когда почва с той стороны стала осыпаться, мы остановились, чтобы не выдать себя грешным делом и снова прильнули к щелям.

— По-моему уходят они! — сказала Танька, плюя на ладошки. — Черт, как сушит руки!

— Пусть идут. А потом, только они нас здесь и видели, — зло буркнула я. — Достали эти игры в мистику!

— Предок-то твой, не простой мужик, — Танькины глаза блеснули в сумраке сарая. — Вот к бабке не ходи, причастен он к исчезновению детей!

— Почему-то и я в этом не сомневаюсь...

Прапрадед и его дружок покинули усадьбу, снарядившись ружьями и котомками с провиантом, а мы, дрожа от страха, докопались до света божьего и выбрались наружу, оцарапав плечи даже под одеждой. Прижавшись к амбару, мы прислушивались к звукам и вскоре слышали чей-то крик:

— Гэй! Мужики! Айда обедать!

— Во-во, пора уже, — поддакнула Танька. — Крутитесь здесь...

Я выглянула из-за угла и увидела, как работники идут в сторону кривой кухоньки, из трубы которой валил дым. Дородная баба шлепала что-то в деревянные тарелки, стоявшие на большом столе, и было понятно, что покинуть сие мрачное место нам не составит труда.

Когда все уселись и застучали ложками, мы, крадучись пошли мимо амбара и тут я остановилась.

— Ты чего? — Танька недовольно нахмурилась. — Пойдем скорее!

— Я хочу в дом зайти, — сказала я, чувствуя, что не могу уйти просто так.

— Зачем???

— Там женщина больная...

Танька застонала, но поплелась за мной.

Мы прокрались в дом, в котором так уныло пахло болезнью и с каким-то трепетом пошли в дальнюю спальню, откуда доносился кашель. Картина, представшая нашим глазам, была ужасна... На высокой кровати, под кучей старых одеял, лежала женщина с совершенно изможденным лицом и темными кругами под запавшими глазами. В углу, перед иконой Божьей Матери, горела лампадка, и чад от нее наполнял комнату каким-то предсмертным запахом.

Женщина открыла глаза и посмотрела на нас тусклым, безжизненным взглядом.

— Остановите Григория, ради нашего сына, остановите...

— Что? — я склонилась над ней. — Что вы говорите?

— Григорий зло затеял, я знаю, слышала, как он с Ленкой говорил о нечисти, живущей на болоте... — она схватила меня за руку. — Не дайте ему беды наделать...

Женщина закашлялась и откинулась на подушки, глаза ее закрылись, а руки судорожно сжали одеяло.

— Может вам нужно что-нибудь? — спросила я свою прапрабабку, но она слабо покачала головой:

— Ничего мне уже не нужно... Лишь бы сынок мой в любви и доброте рос...

Женщина резко дернулась и расслабилась. Глаза ее стали светлыми и спокойными, похожими на два потухших окна и смотрели они уже в другой мир...

— Преставилась, — вздохнула Танька и прикрыла ей глаза. — Что за ужасная жизнь была у бедной женщины...

— Интересно, где ребенок? — я всматривалась в лицо покойницы, ища знакомые черты, и ничего не находила. — Все-таки прадед мой...

— За это не беспокойся. Если ты родилась, значит все с ним нормально, — успокоила меня Танька. — Давай выбираться отсюда.

Дом мы покинули через окно, выходящее в глухой переулок, и рысцой помчались к лесу. Было душно, тяжелые тучи клубились на горизонте, что указывало на приближающуюся грозу, которая сейчас нужна была меньше всего.

Лес притих и каждый звук, будто пропадал в этом густом зное, лишь одинокая кукушка куковала в зеленой листве большого дуба.

— Смотри, что получается, — немного подумав, сказала я, жуя травинку. — Нечисть на болоте, это, скорее всего тот скелет, которого мы выпустили из склепа. Так?

— Так, — согласилась Танька. — Помнишь, что Прохор говорил? Что он ценой своей жизни замуровал его там. Значит...

— Значит, Корней не виноват, — выдохнула я. — Детей не он убивал. Убивало их это существо, живущее на болоте. Тогда зачем вся эта ложь?

— Затем, чтобы родственника твоего обелить! — охнула Танька. — Он к этому монстру какое-то отношение имеет!

— Пошли на болото, — я боялась, но была готова обличить своего родственника и спасти еще живых детей. А еще очень хотелось помочь братьям. — Подкрадемся и понаблюдаем.

— А если нас чудовище обнаружит? — испуганно сжалась Танька. — Оно ж, видать чует, дух человеческий...

— Может и не чуёт! — отмахнулась я. — Делать-то что-то нужно! Девочка эта еще пропала... Небось, Гришка Плясов ее на болото и отвел, а теперь спасителем прикидывается!

— Точно! Может, живое дите еще? — Танька приободрилась. — Господи... хоть бы живое было...

— Тогда пошли быстреей.

Мы поднялись с земли и, не обращая внимания на ноющие царапины, голод и страх, направились к болоту. Очень хотелось спасти девочку, ведь то, что мог пережить совсем маленький ребенок, даже представить было страшно.

Наш путь лежал мимо заимки и стук молотка мы слышали задолго до того, как подошли к ней. Дом был почти достроен, только вместо крыши еще лежали стропила, на которых и сидел Корней.

— Бедняжка... Не знает, что его ожидает, — протянула Танька, и я удивленно воззрилась на нее:

— Ничего себе бедняжка! Он — злобный колдун!

— Это он от горя и печали, — вздохнула подруга. — Бесчувственная ты...

— Я???

— День добрый.

Мы как всегда чуть не заорали и так резко развернулись, что Танька едва не рухнула.

Перед нами стоял Прохор и улыбался. Он совершенно не был похож на Прохора из нашего времени — дикого и жесткого парня. Этот мужчина казался очень привлекательным, с цыганской внешностью и золотым колечком в ухе. У него была белозубая улыбка и веселые, умные глаза.

— Здравсьте, — проямлила я и ткнула Таньку в бок.

— Добрый вечер, — сморозила она и растянула рот в улыбке.

- Чего это вы на заимку забрели? Заблудились? — благодушно спросил он, разглядывая нас с явным интересом.

— Нет... Мимо шли, — бодро ответила я. — Мы вообще-то на болото идем... за... ягодами.

— За ягодами, значит? — Прохор перевел взгляд на мое плечо, на котором зияла дырка. — В подол собирать будете?

Я покраснела, а Танька деловито сказала:

— А хоть и в подол, не ваше это дело. Пошли, Валюха, некогда нам.

Мы развернулись и потопали дальше, чувствуя на себе взгляд Прохора. Корней тоже заметил нас и наблюдал за всем происходящим с крыши.

— А не боитесь сами на болото-то? — крикнул нам вслед Прохор и обернувшись, я крикнула в ответ:

— Нет! Не из боязливых!

Он стоял, опершись плечом о сосну и улыбался, высокий, с широкими плечами и смуглой от солнца кожей. Каков экземпляр!

— Что ты рот раззявила? — шикнула на меня Танька. — На болото бегом бежать нужно, а не на мужиков пялиться!

— Ой, ладно! Заревновала! — огрызнулась я, но шагу прибавила.

Когда стали все чаще появляться кривые деревца, запахло сыростью и кое-где под ногами захлюпало, мы остановились, понимая, что дальше нужно идти осторожнее, иначе не

ровен час в болоте потонем. Вооружившись большими палками, мы продолжили свой путь, тыкая ими себе под ноги, а небосвод все больше затягивало тучами, поедавшими последние голубые куски.

— Слышишь? — Танька повернулась ко мне и прижала палец к губам.

Я прислушалась. Действительно, откуда-то доносились голоса.

— Чего теперь? — прошептала я. — Может, ближе подберемся?

— Пошли.

Осторожно и очень медленно, мы перебирались от куста к кусту, пока голоса не стали отчетливее. Танька показала мне, что нужно присесть, и мы стали слушать.

— Этого мало! Мало! Я голоден! — от этого рыка по мне пробежали мурашки страха и отвращения. Какие знакомые нотки... — К завтрашнему утру должен быть еще ребенок! А лучше два!

— Но в деревне заметят! — прозвучал голос Плясова. — Это опасно!

— Опасно будет, когда я сам приду в деревню! — зарычало с ненавистью существо. — Что на заимке, узнал?

— Узнал. Мужик поселился, Корнеем кличут.

— Корнеем говоришь? — злоба, и ярость почти ощутимо лилась из говорящего. — Старинный враг мой он и братец его, Прохор... Значит так, если сделаешь, как я скажу, подарю тебе подарочек один, с которым тебе от людей ни в чем отказу не будет.

— Говори, все сделаю! — горячо воскликнул Григорий, и я скривилась от отвращения. Вот же мерзавец!

— Придешь через два дня, я тебе бабу приведу. Как хочешь изголишь, но с Корнеем ее познакомь. Ясно? — прошипело существо. — И дите приготовь!

— А что за баба? — испуганно поинтересовался прадед. — Зачем она?

— Баба, да не баба, — в противном голосе прозвучала насмешка. — Оборотень это. И приведет она его к погибели. Все, иди!

Мы с Танькой переглянулись широко открытыми глазами и принялись кусать кулачки от страха и всех остальных нехороших чувств. Где-то рядом прошелестела трава под ногами Григория и Ленки, а мы так и таращились друг на друга, пока у меня не затекла нога.

— Ты слышала???

— Да я офигела! — Танька вся трепетала от переполнявших ее эмоций. — Вот это сериал...

— Значит, сожрало это чудовище ребятенка, — тоскливо вздохнула я. — А Гришка ему еще готовится отдать ребеночка! Не бывает этому!

— А ведь в нашем времени оно тоже на свободе, — вдруг вспомнила Танька. — Ой, теперь переживать буду...

— Не волнуйся, в нашей деревне единственный ребенок это дед бабы Доси, он еще в позапрошлом году в детство впал... — хмыкнула я. — И не забывай, что там остались Корней с Прохором. Уладят как-нибудь.

— Да? — облегченно выдохнула подруга. — Ну, тогда пошли.

— Куда? — задала я ей резонный вопрос.

— Слушай, — Танька сделала хитрое лицо. — А давай вернемся.

— В амбар что-ли???

— Да! Покрутимся рядом, если наше исчезновение не обнаружили, залезем обратно и будем наблюдать за Григорием, чтоб ребенка какого не погубил. Тем более ему не до нас,

жена ведь померла. А если заметили, то другое думать будем.

— Что ж, в этом что-то есть, — согласилась я. — Лишь бы опять в какую-нибудь гадость не влипнуть.

— Дети важнее, — совсем убедила меня Танька, и мы пошли обратно.

На заимке было тихо, видимо хозяева в ожидании непогоды решили отложить строительство, а возможно занимались своими колдовскими делами — варили зелье, сушили жаб или что там у них положено...

— Набрали ягод? — громкий голос Прохора прозвучал довольно неожиданно.

— Нет. Дождя испугались, — ответила я, глядя, как он провожает нас глазами, сидя на большом камне возле дома.

Корней стоял рядом и что-то пил с большой кружки. Рукава его белой широкой рубахи были закатаны, открывая мощные, мускулистые руки и я раздраженно нахмурилась. Издевательство какое-то!

— Так нет дождя, — Прохор был явно подозрительно настроен.

— Пока нет, — недовольно ответила я. — Будет.

— Может, стоит им все рассказать? — предложила Танька, и я скептически покосилась на нее:

— Да они ни сном, ни духом обо всем этом! Как ты себе представляешь, что мы будем им эту околесицу нести? Ты помнишь, какие они припадочные? Накрутят себе что-нибудь, опять наколдуют гадости, какой... Бегай потом еще на лет сто назад!

— И то так, — расстроилась Танька. — Все на наши хрупкие плечи!

— Ничего, справимся, — бодро сказала я, правда, не совсем понимая как...

Мы уже подходили к деревне, когда раздались первые раскаты грома.

— Даже погодка соответствует происходящему! — хмыкнула Танька. — Америкосовские ужастики отдыхают, по сравнению с колоритом российской глубинки!

— Тише, во дворе движняк, — я подошла ближе к забору и принялась наблюдать. — По ходу заметили, что Плясова умерла...

И тут я увидела Григория, который совсем не был похож на убитого горем вдовца. Он подозвал одного из работников и сказал:

— Баб выпусти, отведи в баню и побыстрей. Через полчаса люди начнут сходиться.

— Пять минут, и баня будет готова, — заверил его мужик и помчался прочь.

— А теперь наш выход, — прошептала я. — Давай к амбару!

Мы успели влезть обратно и даже прикрыть подкоп мешками, когда заскрежетал замок и в дверях появился уже знакомый нам мужик.

— А ну-ка бабоньки, пошевеливайтесь! В баню вас велел хозяин отвезть!

Мы, молча, последовали за ним, отмечая, что во дворе суматоха утроилась. Кто-то ловил гусака, кто-то колол дрова, а хилый мужичонка в старых сапогах, строгал свежесколоченный гроб.

С удовольствием помывшись, мы надели чистые вещи и не успели выйти на свет Божий, как в баню ворвался Григорий. Его красные, налитые злобой глаза уставились на нас с неким разочарованием, видимо ему мечталось увидеть неглиже.

— Разговор есть, — он тяжело опустился на лавку, стоявшую в предбаннике, и вдруг криво усмехнулся. — Жена померла. При людях ведите себя нормально, ясно? Не дай Бог, кто из вас рот откроет и что-то лишнее ляпнет. Помощницы вы по хозяйству, живете в кухне летней, с другими бабами.

— А если мы расскажем, как ты другого хотел, при живой жене? — не удержалась я и получила в ответ взгляд полный ненависти:

— Умная, да? Ты думаешь, я не знаю, что вы никогда не жили в Алексеевке? Вы бабам можете эти сказки рассказывать. Не было вас там, и не знают люди о таких. Появились вы в деревне странно, а сегодня еще и дите пропало... Стоит мне намекнуть, беды не миновать вам, бабоньки.

Мы с Танькой даже рты открыли от такого заявления, а он продолжал:

— Так что делайте, что велю. Под ногами не мешайтесь, вижу работницы из вас никакие. А остальное, — он облизнул тонкие губы, глядя на мою грудь. — Разберемся позжа...

Григорий вышел, а мы еще несколько секунд находились в ступоре.

— Вот же гад... — протянула Танька. — Мерзкий мужик!

— Ну, ничего, время у нас есть, — я сама пребывала в шоке. — Посмотрим, что дальше будет. Сейчас похороны, туда-сюда, а потом ему на болото нужно. Эта тварь детей будет искать!

Тучи сгущались не только на небе, но и над нами конкретно. В предчувствии надвигающихся бед, мое сердечко трепыхалось и сжималось от страха, но что можно было поделаться? Мы вышли во двор, и тут пошел дождь, резкий и холодный, похожий на ледяные иголки, сыпавшиеся за шиворот. Не понимая, куда нам деваться, мы забежали в дом и сразу наткнулись на матушку Прасковью, которая сидела возле покойницы.

Женщина была уже обмыта, одета и возлежала на досках, уложенных на табуреты. Увидев нас, попадья покачала головой и сказала:

— Ушла горемычная к Отцу нашему небесному. Отмучилась. Что стоите как вкопанные? Присядьте, уважение к мертвой проявите.

Мы присели, и я ощутила неприятный запах, исходивший от покойницы. Господи, тут же находиться невозможно...

— Скажу вам так. Мертвому — мертвое, а живому — живое, — матушка наклонилась ко мне. — Для тебя хорошая новость. Григорий к батюшке приходил, просил после смерти жены траур не держать, а сразу хозяйку в дом привести, ведь дитю малому забота нужна. Батюшка дал согласие.

— А зачем вы мне это говорите? — отшатнулась я от нее.

— Глупая ты баба, Валентина! — раздраженно прошептала матушка. — Тебе счастье прямо в руки падает! Григорий Плясов мужик с достатком, обижена не будешь. Видный, статный! На тебя глазом накинул! А ты кто? Голь безродная. Благодарна, должна быть!

Этого мне только не хватало!

— Не по-людски это! Только жена умерла! — я зло уставилась на нее, понимая, что не такая уж она хорошая женщина, как показалось в начале.

— Это не тебе решать, по-людски аль нет! — отрезала матушка. — Для этого церковь есть. Глашка уже в райских куцах ангелов слушает, ей дела нет до утех мирских!

Спорить с ней было бесполезно, да и незачем, поэтому я промолчала, и попадья удовлетворенно хмыкнула. В дом начали заходить люди. Тихо переговариваясь, они смотрели на покойницу, вздыхали и уходили. Несколько женщин остались и, усевшись возле гроба, приготовились коротать здесь ночь и, конечно же, ждать угощения в виде тушеной гусятины.

Гроза разыгралась не на шутку, а Григория не было видно возле покойной жены. Он появился один раз, обвел всех угрюмым взглядом и ушел, оставив нас с Танькой в переживаниях. Я не выдержала и скользнула из комнаты в коридор, где и прильнула к маленькому окошку. Во дворе было пусто, кругом стояли лужи, и лил дождь, но кое-какое движение, я все-таки заметила. Ленька вышел из кухни и шмыгнул к калитке, будто скрываясь от кого-то.

И тут до моих ушей донесся разговор двух женщин:

— Слышала, Катенька Белозерова пропала?

— Ой, да вся деревня гудит, — вздохнула женщина. — Обыскали все... Гриша Плясов даже в лес с Ленькой ходили.

— Хороший мужик он, отзывчивый...

— Это да. Я вот Любашку свою, заперла, не дай Бог чего приключится. Еще и дом от леса крайний...

Меня словно жаром обдало. Плясов зашел, посмотрел кто из баб здесь и, небось, Леньку отправил за девочкой!

Я вернулась в комнату и незаметно кивнула Таньке, чтобы она шла за мной.

— Что? — Танька была вся на взводе. — Случилось чего?

— Ленька за девочкой пошел!

— За какой девочкой???

— Мать ее здесь. Слышала, она только говорила, что дом возле леса крайний?!

— Вот черт!

Мы выскочили из дома и помчались по дороге к краю деревни, скользя в грязи и не замечая холодного дождя.

Ближе к цели, мы прижались к забору и поползли, цепляясь новыми сорочками о сучки. Но это было настолько неважно по сравнению с тем, что могло произойти.

Противный голос дружка моего родственника мы услышали сразу. Он притаился возле двери крайнего дома и, пользуясь тем, что в деревне было безлюдно из-за непогоды и смерти, тихо уговаривал ребенка:

— Любаша, открой, мамка велела тебе пирожок передать с яблоками. Вкууусный!!! А еще леденец сахарный!

— А кто это? — пискнуло из-за двери.

— Дядя Леня! Сосед ваш! Ты что ж, дядю Леню боишься?

— Пожар!!! — заорала я, дурным голосом. — Пожар!!!

Танька сначала удивленно уставилась на меня, а потом тоже заорала:

— Эгэ-эй!!! У-у-у!!!! Ы-ы-ыыы!!!

В домах захлопали окна и раздались испуганные возгласы.

— Что горит?! Где?!

— Кто кричал?!

Мы с Танькой притихли и со злорадством наблюдали, как Ленька мчится под заборами, поджав хвост.

— Спугнули, — довольно заулыбалась я. — Теперь не сунется.

— Давай обратно, а то спохватятся, а нас нет, — Танька выглянула из-за забора. — Пошли.

Дождь закончился, а вот ветер разыгрался с какой-то остервенелой силой, неся с собой духоту после такой приятной прохлады. Когда мы уже поднимались на ступеньки дома, одежда на нас совсем высохла, и это было нам на руку. В комнате, где находилась покойница, было не протолкнуться. За это время набилась уйма любопытного народа, и стоило нам войти, все зашептались, косясь на меня. Ага, значит, матушка уже постаралась...

Мы спрятались в уголке под иконами, и тут появился Григорий. Он пробежал глазами по толпе и, увидев нас, долго смотрел в нашу сторону, но мы стояли сухие, спокойные и достаточно унылые.

— Видела? — прошептала Танька. — Видать заподозрил!

— Не пойман — не вор.

Это бесконечное стояние настолько утомило нас, что покрутившись еще немного среди людей, мы решили пойти на кухню, попросить чего-нибудь поесть. В конце концов, не умирать же нам с голода!

Нашему появлению никто не удивился, правда, бабы, хлопчущие возле печи, смотрели на нас немного недовольно и недоброежелательно. Оно и понятно, слухи о том, что я

вскорости стану хозяйкой всего этого, достигла и их ушей. Было видно, что женщины явно не понимали, за какие заслуги мне привалило такое счастье. Нас покормили, разговаривая сквозь зубы, и предложили отдохнуть в соседней комнате. Мы отказались, здраво рассуждая, что если мы еще займем их кровати, то дружелюбия к нам не добавится.

Оставалось идти в баню, куда мы и направились.

— А ты знаешь, что в бане ночевать нельзя? — прошептала Танька, когда я зажгла огарок свечи, стоявший на столе.

— Я тебя умоляю... Что еще может случиться?! — я улеглась на лавку, подложив под голову руку. — В этом кошмаре хуже уже не будет.

* * * Утро началось о-очень рано. Орала куры, кто-то отчаянно матерился, гоняясь за ними, а тело ужасно болело от твердой поверхности лавки.

— Ой, мамочка, — простонала Танька, растирая бока. — По-моему это я в гробу спала, а не прабабка твоя!

— Типун тебе на язык! — я с трудом разодрала волосы пальцами и заплела косу. — Сегодня похоронят ее и начнется...

— Угу... — протянула Танька, и мы вылезли из темной бани на солнышко.

— Идите завтракать! — позвала нас женщина, кормившая вчера ужином. — Смелые, в бане ночевать...

— А где еще? — вздохнула Танька и та насмешливо хмыкнула:

— Ну да, в хозяйской горнице пока рано.

Я покраснела, мысленно поливая всех, от прадеда, до этой бабы такими словами, что и портовый грузчик застеснялся бы.

Мы сели с краю стола, стоявшего на улице, и сосредоточились на еде, пока наше внимание не привлек разговор.

— Вчерась ночью, в Алексеевке ребенок пропал, прям с зыбки, — сказала одна из баб. — Мужик мой из города через Алексеевку ехал и остался там, в непогоду. Приехал под утро и рассказал, что забрался этот ирод через окно, вытащил дите и был таков. Мать услышала, кинулась следом, да куда бабе за мужиком угнаться...

Мы похолодели. Значит, у Леньки здесь не вышло, так он в Алексеевку направился...

Быстро покидав в себя еду, мы сухо поблагодарили женщин и пошли прохаживаться по двору, в то время как приготовления к похоронам уже шли полным ходом. Прабабку уложили в гроб, пришли плакальщицы — четыре сгорбленных старушки, которые постоянно принюхивались, ловя запах готовящейся лапши. Григорий с угрюмым лицом сидел возле дома, не заходя внутрь, и пробегавшие мимо бабы охали и вздыхали, мол, бедный мужик, горюет, смотреть на жену в гробу не может...

Но скорее всего, причина была куда прозаичнее: первое — ему было все равно, а второе — запах в доме стоял, дай Боже. Он периодически посматривал на нас, и в его глазах появлялось все то, что творилось в голове, и меня мороз пробирал от пяток до макушки.

— Жалко ребеночка, — Танька выглядела расстроенной и подавленной. — Если бы мы знали...

— Это не наша вина, — успокоила я ее. — Но нужно постараться, чтоб больше такого не произошло.

Под стенания плакальщиц, отработывающих лапшу, покойницу вынесли из дома, и процессия двинулась на кладбище. К нам подошла баба с кухни и недовольно произнесла:

— Чего стоите? Хоть в последний путь проводите бедную женщину, — она зыркнула на

меня. — Или уже не дождешься, когда побежишь добро хозяйское перебирать?

— Да пошла ты, — спокойно ответила я и ее глаза увеличились в размерах. — Знай свое место, дура.

Мы пошли за процессией, а она так и осталась стоять с открытым ртом.

— Лихо ты ее, — улыбнулась Танька. — Совсем обалдели...

— Да задолбали! — занервничала я. — По большому счету, я и так тут хозяйка!

— Это точно, — кивнула Танька и шепнула: — Смотри, Ленька объявился.

Действительно, откуда-то из кустов в толпу вынырнул Ленька и медленно пошел за всеми, постепенно приближаясь к прадеду.

Тем временем, все это похоронное движение миновало ворота кладбища и остановилось возле вырытой могилы.

— Пошли ближе к Леньке и Григорию подойдем, — предложила Танька, и аккуратно обойдя людей, мы залезли в кусты жимолости, оказавшись прямо за спинами мужчин.

— Ты все сделал, как я велел? — тихо спросил прадед Леньку и тот закивал.

— Да, все. Он был доволен. Велел еще передать тебе, что к концу этого дня, ты за бабой приходил.

— Так вроде на завтра договаривались!

— Не знаю ничего, сказал пусть Григорий придет, заберет с болота подарок Корнею.

— Ясно. Ну, сегодня, значит сегодня.

— Что делать будем? — шепнула Танька. — Может нужно Корнея предупредить все-таки?

— Подожди еще, давай посмотрим, что дальше будет, — мне не очень хотелось идти на заимку и придумывать всякие истории, чтобы объяснить колдунам, как мы тут оказались.

— Лишь бы поздно не было! — надулась Танька, и я удивленно уставилась на нее.

— Чего это ты? Может, сама на колдунов виды имеешь?

— Может и имею! — Танька повела глазами. — Мужики-то симпатичные! А в нашей деревне, это дефицит!

— Так они же ненормальные!

— Это, так сказать, маленький недостаток, по сравнению с другими достоинствами, — выдала она. — Ясно?

— Маленький???

— Ой, ладно! Давай делами заниматься, потом о мужиках поговорим! — Танька снова надула губы. — Прицепилась...

— Вот ты... — я хотела и дальше развивать эту тему, но тут началось какое-то движение и нам пришлось выбраться из кустов. Гроб опускали в могилу.

Народ потянулся кидать землю, и мы вклинились в эту шеренгу, пряча покрасневшие лица.

Дальше все пошло по сценарию — обратное шествие домой, помины и долгие разговоры. И чем дальше, тем веселее они становились. Начинало темнеть и мы с Танькой не находили себе места от переживаний. Что должно было случиться? Какую бабу приготовило чудовище с болота для Корнея? И что она будет делать здесь, как попадет на заимку? Вопросов было много, а ответов ни одного. Григорий с Ленькой то пропадали, то снова появлялись за столом и в полупьяном угаре этого никто не замечал. И тут случилось вот что...

За воротами послышался стук лошадиных копыт, скрип телеги и Плясов резко поднялся с лавки. Ленька тоже напрягся, а поминающие удивленно вытягивали шеи, чтобы посмотреть, кого это занесло, на ночь глядя. Калитка отворилась и во двор вошла женщина с узелком в руке.

— Кто это? Чай не знакомая баба, — раздалось за столом.

— Гриша, что за гостья? — спросил какой-то мужик, но Григорий не ответив, быстро пошел к одинокой фигурке.

Он провел ее к столу, и мы увидели очень красивую женщину с влажными, глубокими глазами темного бархата. Ее черные волосы были заплетены в тяжелую косу и покрыты легкой косынкой, скромная одежда как влитая сидела на точеной фигуре, а на пухлых, сочных губах цвета спелой вишни, играла легкая улыбка.

— Сестра моя троюродная, из Рязани. Лидочка, — сказал Григорий и я чуть с лавки не упала. Вот это поворот...

За столом зашептались, разглядывая новоприбывшую, да еще такую красавицу, но под строгим взглядом хозяина, успокоились. Бабы засуетились, обновляя снедь, и принесли еще одну тарелку для гостьи, которая села рядом с Григорием и стеснительно потупилась.

— Слышь, — прошептала Танька. — Не на этой ли скромной овечке Корней женился?

— О-очень похоже, — я ее уже ненавидела и не только за то, что она оборотень, подосланный монстром. — Проклятая подставуха!

— Так вроде ее вместе с Корнеем прибили, — недоуменно протянула Танька. — Он ведь сам говорил.

— Черное дело тут творится, — я начинала понимать кое-что. — Он действительно думал, что ее убили, на самом деле, ее никто и пальцем не тронул! Сто процентов, Танька! Это заговор!

— Она ведь детей ему родила. Это же не заговор!

— Разобраться с этим нужно. Слава Богу, до детей еще далеко! — меня почему-то переворачивало от одной лишь мысли, что эта нечисть, будет делить постель с Корнеем.

Она вдруг подняла голову и внимательно посмотрела на нас. Глаза ее в этот момент были холодными и пустыми, похожие на могилу, в которой упокоилась моя прапрабабка.

— Ну и рожа у нее, — Таньку передернуло. — Прямо несет от нее злобой и красивой личиной это не прикроешь. Давай выпьем? Расслабиться охота...

— Давай, — согласилась я. — Вряд ли сегодня еще что-то случится.

Мы бахнули ядреного самогона, и на душе потеплело, стало плевать на оборотня Лидочку и на Плясова. Хотелось плакать и домой.

— В бане вчерашнюю ночь спали? — грубый голос Григория привел меня в чувство и я села вполоборота. Он сидел рядом, и его рука легла мне на колено. — Чего в кухне не легли? Хочешь, я всех баб выгоню к чертям, пусть на сеновале спят? Или ко мне в горницу пойдем...

Он замолчал, видимо вспомнив, что сегодня в доме он будет не один и тихо выругался.

— Ладно, подожду немного. А товарке своей передай, что как только Ленька полы в доме настелет, туда переедет. Люба она ему.

Он сжал мое колено и, поднявшись, пошел к своей "сестре", будто не замечая

понимающих взглядов, собравшихся за столом.

— Ну вот, — с пьяненьким спокойствием произнесла Танька, подперев голову кулачком. — Личная жизнь налаживается...

Я толкнула ее в бок, чтоб не шутила так и прошептала:

— Пошли в баню. Надоели эти посиделки уже.

— Пошли, — тоскливо вздохнула она. — А то эта припудренная Лида смотрит так, что душа переворачивается!

Мы поднялись и, покачиваясь, пошли к своей ночлежке.

* * * На следующий день мы сказали, что идем в церковь, а сами отправились на заимку. Всю ночь Танька гундела о том, что нужно идти к колдунам и рассказать им все, что происходит. Я почему-то тоже решила, что все-таки пора это сделать, но скорее всего на меня повлияло появление этой Лиды!

— Ну, а что, — рассуждала Танька. — Хорошее решение. Они нас отправили сюда зачем? Чтоб мы исправили ситуацию, так? Так. Нужно рассказать им об угрозе, пусть знают и сами это решают.

— Легко сказать, — я была полна скептицизма. — Корней, наверное, ждет, что с его женой все будет нормально. А жена сама гадина.

— Это да, — грустно согласилась подруга и вдруг возмущенно протянула: — Ты посмотри! Она здесь уже!

Я сначала не поняла о чем она говорит, но тут же услышала чарующий смех, доносившийся с заимки. Оборотень!

— Все. Соваться туда, смысла нет, — констатировала Танька. — Эта тварь уже подсутилась, да и наша легенда с церковью раскроется.

Мне ужасно хотелось пойти на эту проклятую заимку и схватив Лиду-красивую-с-виду, потащить к болоту и утопить ее там. И по барабану, что она оборотень и крышует ее какая-то тварь с болота.

— Вот по лицу вижу, что ты думаешь о том, что и я, — прошипела Танька и, раздвинув кусты, мы увидели, как Корней внимательно слушает, что говорит Лида.

Она была страсть как хороша в белом платочке с раскрасневшимися щечками, на которых вместе с улыбкой появлялись милые ямочки. От этого зрелища у меня заломило зубы, и я чуть не расплакалась от досады.

— А сама меня укоряла, что на колдунов виды имею! — язвительно произнесла Танька. — По морде вижу, что ревнуешь!

— Что ты мелешь??? — я покраснела. — Ничего я не ревную! Просто не нравится она мне.

— Да вот так я и поверила!

Мы просидели в кустах целый час, ожидая, когда она уйдет и наконец, дождались. Корней провел ее немного и теперь медленно возвращался обратно. По его лицу было видно, что Лида ему очень понравилась — оно стало светлее, на нем появилась улыбка, а мне от этого практически тошнило. Неожиданно, колдун остановился и посмотрел в нашу сторону.

— Чего это он? — шепнула Танька.

— А я знаю?

— Выходите, — спокойно сказал он. — Долго прятаться собираетесь?

— Блииин, — протянула Танька, и мы вылезли из кустов, настороженно поглядывая на Корнея.

— Рассказывайте, что делали здесь? — он сложил руки на груди и прислонился спиной к стволу дерева. — Я жду.

— В общем, так, — я немного помялась, не зная как сформулировать то, что кучей плавало у меня в голове и, наконец сказала: — Нельзя тебе на Лидке жениться, она оборотень с болота.

— Ага, — кивнул он, приподнимая рыжеватые брови. — Интересно. А вы откуда знаете?

— Мы много чего знаем, — жалобно вздохнула Танька. — Только не знаем, как сказать...

— Еще интереснее, — Корней смотрел на нас со смесью удивления и насмешки. — А почему с болота именно?

— Так ее сюда чудовище послало, — я пожала плечами, поражаясь его тугодумию. А еще колдун! — Сама слышала, как оно сказало, чтоб бабу эту тебе пристроили.

Лицо Корнея внезапно потемнело, а в глазах появилась ярость.

— Вы понимаете, что мелете, дуры?!

— А кто это у нас здесь? — к нашей веселой компании подошел Прохор с льняным полотенцем на плечах. — О! Старые знакомые!

— Они тут за болото что-то треплются, — грозно сказал Корней, и добродушие с лица Прохора исчезло как по мановению волшебной палочки.

— А что на болоте?

— А ты у них спроси, — это было сказано таким голосом, что я струхнула.

Прохор выжидающе уставился на нас и Танька пропищала:

— На болоте чудовище, оно детей жрет...

— Этого не может быть! — взревел Прохор. — Мы его еще три года назад в болоте запечатали! Приехали сюда, чтоб стеречь его! Чтоб не выбрался он из-под печати нашей!

— Но он выбрался, — я переводила взгляд с него на Корнея и боялась еще больше.

— Как?! — почти прорычал Корней. — Как он выбрался?! И кто вы такие, что третесь здесь?! За ягодами на болото, говорите, ходили?!

Я посмотрела на Прохора и замахала руками, понимая, что сейчас они начнут обвинять нас:

— Нет! Нет! Это не мы! Это прапрадед мой! Он его поднял и теперь детей ему носит!

— Значит прапрадед твой, говоришь? — мне показалось, что меня сейчас задушат. — Ты что, головой повредила?!. Сколько лет тебе, что прапрадед твой жив?!

— Ну, это совсем грубо! — возмутилась Танька. — Какое тебе дело, сколько нам лет!

— А ну-ка быстро говорите, кто вы и что знаете! — Прохор был вне себя от ярости. — Я сказал, быстро!

Зайкаясь и перебивая друг друга, мы изложили им все, что произошло с нами, начиная с того момента как разбили ларец в церкви. Лица колдунов менялись с ходом нашего повествования, и к его концу на них было написано много чего...

— Значит, из будущего вы? — угрожающе спросил Корней. — С какого года, простите?

— Две тысячи восемнадцатого, — ответила я, и он закивал головой:

— Ну, ясно все. Я так и думал.

— Подожди-ка, Корней, — Прохор обошел нас, разглядывая как зверушек. — Не спешите их в сумасшедшие записывать... А откуда вы знаете, что силы наши к рассвету слабеют?

— Так сказали же! — раздраженно воскликнула Танька. — Нам, все это тетка

рассказала!

— Тетка значит, — Прохор уставился на нас своими глазищами. — Врете вы все. Что замыслили, а?

— А я тебе говорила! — повернулась я к Таньке. — Не поверят они!

— Да правду мы говорим! — Танька смотрела на них, надеясь, что их осенит. — Сходите на болото и сами все увидите!

— На болото нас заманиваете? — прошипел Корней. — Не выйдет!

— Корней! Я тут корзинку свою забыла...

Мы с Танькой обреченно прикрыли глаза и застонали в унисон. Принесла тебя нелегкая!

— А вы что здесь делаете? — красивые дуги Лидочкиных бровей, удивленно изогнулись. — Вы же в церковь собирались.

— А кто это? — Прохор в ожидании ответа сверлил нас глазами. — Ты знаешь их?

Колдуны явно хотели вывести нас на чистую воду.

— Конечно, знаю, — живо откликнулась Лида, будто знала она нас не несколько часов, а, по крайней мере, несколько лет. — Они у брата моего живут. Он говорит, что рассказали бабы эти, что сами из Аексеевки, от голода ушли. А на самом деле, врут они.

— А зачем тогда он их у себя держит? — недоуменно поинтересовался Корней. — Может они прохиндейки, какие. — Зачем-зачем, — оборотень-Лида так натурально зарумянилась и взмахнула длинными ресницами. — Не пристало мне, девушке молодой, о таких вещах говорить. Да и по хозяйству помогают. Уж говорила я ему, чтоб гнал их, но мужик он упертый, на страстях помешанный, вот и...

У меня рот открывался все шире и шире, пока я не почувствовала, как в него стал залетать теплый ветерок. Вот тварь!

— А к вам они зачем пожаловали? — Лида отошла от нас, будто боясь замараться. — Лгуньи.

— К нам? — Корней одарил нас таким взглядом, что у меня ноги похолодели. — Да мимо они шли, вот и заговорили. Пойдем Лидушка, я тебе корзинку отдам.

Они ушли, а Танька, наконец, выдавила из себя:

— Вот крыса! Ты слышала, что она наплела?!

— Идите-ка вы отсюда, по добру по здорову, — прорычал Прохор и подтолкнул нас. — Еще тут объявитесь, пеняйте на себя.

Нам ничего не оставалось делать, как в быстром темпе ретироваться, опасаясь не быть побитыми или того хуже, порченными.

— Прекрасно! — горько вздохнула я. — Мало того, что они нам не поверили, а еще теперь считают какими-то прош...

— Тихо-тихо! — прервала мою речь Танька. — Вот этого не надо! Это не самое плохое в нашем случае. Эта выдра расскажет Григорию, что видела нас на заимке и вряд ли он обрадуется.

— Скажем, что после церкви пошли в лес прогуляться, — предложила я. — А зачем она нас так опустила-то при них? Догадывается?

— Сомневаюсь. Может, увидела в нас соперниц? Дорогу себе расчищает? — предположила Танька. — Гадкая тварь. Одно слово — не человек.

Настроение у нас было испорчено напрочь, все наши попытки разрулить ситуацию зашли в тупик, и теперь оставалось надеяться на чудо.

Но в этот день чудес нам не светило...

Не успели мы выйти из леса, как увидели Плясова, Леньку и Лиду, ехидно улыбающуюся при виде нас.

— А как это она здесь оказалась? — прошептала Танька. — Вот уже нечисть...

Григорий был просто разъярен. Его большие кулаки сжимались, отчего побелели костяшки пальцев. На минуту я даже испугалась, что Плясов меня ударит, но он видимо не рискнул, боясь, что кто-нибудь увидит.

— Что вы делали на заимке? — от его голоса веяло жуткой злобой. — Отвечайте!

— Мимо шли, — стараясь говорить спокойно ответила я. — После церкви прогуляться захотелось.

— И неожиданно повстречали ее жителей? — ехидно оскалился Ленька.

— Она ведь тоже их неожиданно повстречала, — Танька кивнула на Лиду. — Сестра ваша.

— А это вас совсем не касается, — с угрозой в голосе произнес Григорий. — Идите домой, там поговорим.

Лида заулыбалась еще отвратительнее, и я не удержалась и одарила ее презрительным взглядом.

— Я тебе глаза вырву и съем, — еле слышно сказала она. Я услышала, но не обернулась. И так, дела становились все хуже.

Мы вернулись в дом и даже не успели собраться с мыслями, как Ленька, притащившийся следом, схватил Таньку за руку.

— Ты пойдешь со мной. Хватит по чужим дворам ошиваться.

— Никуда я не пойду! — Танька попыталась было вырвать руку, но его цепкие пальцы сжались еще сильнее.

— Пойдешь! — он потащил ее за собой, и я не могла это так оставить.

— А ну-ка оставь ее!

— А ты не лезь, не в свое дело! — огрызнулся он. — Смелая какая!

Я, было, кинулась на помощь, но меня сзади обхватили сильные руки и, выгнувшись, я увидела Плясова.

— Угомонись! Пришло время харчи отрабатывать!

Как я не вырывалась, он оказался сильнее и никто не спешил мне на помощь. Ленька утащил Таньку, а меня затолкали в дом, прямо в спальню, в которой недавно умерла прапрабабка.

— Теперь это наша спальня, — зло ухмыльнулся Григорий. — Обживайся. Вечером приду, чтоб характер свой прибрала и встречала мужа покладистой.

— Ты мне не муж, — с ненавистью ответила я, а он вдруг схватил меня за шею и сильно сжал.

— Это дело решенное. А будешь дергаться — велю выпороть. Или сам выпорю.

Он оттолкнул меня от себя и, задыхаясь, я упала на кровать. Григорий вышел и в замке повернулся ключ. Меня заперли.

Отдышавшись, я кинулась к окну, но и оно было забито наглухо, что совсем напугало меня.

— Чтоб тебя! — выругалась я и решила, что паниковать — не лучший выход. — Не возьмешь меня так просто!

Я принялась рыться в ящиках комода, и наконец, нашла шкатулку со швейными

принадлежностями, в которой обнаружила ножницы. Засунув их в замочную скважину, я крутила ими туда-сюда, пока что-то не клацнуло. Слава Богу, что в этом времени, замки полный примитив!

Глава 10

Меня просто трясло от страха и напряжения, когда я шла к входной двери, не забыв прихватить ножницы. Краем глаза я заметила свечку и стопку с краюхой хлеба на столе, отчего струхнула еще больше. Казалось, запах трупа все еще витал в этом доме.

— Ты чего?

Меня словно подбросило от звука женского голоса, и я повернулась, чувствуя, как кровь отливает от лица. На лавке стояла баба с кухни и поджигала лампадку возле иконы.

— Ничего, а что? — я судорожно соображала, что делать и уже понимала, что не позволю себя снова запереть. Пусть даже не приближается.

— Кушать, наверное, хочешь? — женщина слезла с лавки. — С церкви пришла, когда еще и ни разу не поела. Пошли на кухню.

Она не знает, что меня заперли!

— А что готовили? — с интересом спросила я, стараясь держаться непринужденно.

— Щи, кашу гречневую, курицу жарили, — ответила она и я улыбнулась.

— Хорошо. Пойду в уборную схожу и сразу за стол.

— Давай, теперь ты тут хозяйка, — вздохнула баба. — А наше дело маленькое...

Она вышла, а я шмыгнула следом и направилась в сторону деревянного туалета. Никто не смотрел на меня и, обойдя сие монументальное строение, я благополучно оказалась по ту сторону забора. Оставалось найти Таньку.

— Ой-еей! Помогите!!! Помогите!!! Доча пропала!!! Доченька мо-оя-яяя!!! Ой Господи!!!!

Я остолбенела, услышав этот крик и выглянув из-за угла Плясовского дома, увидела женщину, у которой Ленька чуть не украл ребенка. Она бежала по улице, вырывая на голове волосы, ее одежда была в беспорядке, а лицо залито слезами.

— Что случилось?! — из окна соседнего дома выглянула молодуха с красным от печного жара лицом. — Кто пропал?!

— Любашка моя пропала!!! — завывала она. — Я выскочила корову подоить, вернулась, а дитя нет!!! Аааа!!!! Куда идти мне, где помощи просить?! Горемычная я!

Больше слушать я не стала, и мысленно извинившись перед Танькой, помчалась к лесу. Куда я бежала, зачем и что буду делать, я не особо понимала, но знала одно — ребенок не должен погибнуть! Тем более что Плясов ушел недавно и был шанс, что Любашка еще жива.

Бежала я как оглашенная, ветки стегали меня по лицу, я несколько раз упала и разбила коленку, но остановить меня мог только локомотив или китайская стена. И то вряд ли. Показались первые скрюченные деревца, под ногами зашевелилась зыбкая почва, и я сбавила ход. Болото. И тут раздался детский крик. Испуганный, тоненький и жалобный, от которого у меня сердце заныло с невероятной силой.

Я ринулась было вперед, но словно в дурацком дежавю, меня схватили мерзкие руки.

— Ты куда, дрянь?! Вынюхиваешь?! Убью гадина!

Плясов швырнул меня на землю и поднял длинную палку. Его глаза превратились в щелки, а губы вытянулись в тонкую линию. Я понимала, что он будет бить меня, и попыталась вскочить, но первый удар вернул меня в лежащее положение. Боль показалась адской, но сдаваться было нельзя, иначе это конец. Прапрадед замахнулся снова, но я увернулась и, подскочив, кинулась ему под ноги.

С жуткой руганью Григорий рухнул и недолго думая, я воткнула ему в глаз ножницы. Он схватился за них и завыл как раненный зверь. В распахнутый в болезненном крике рот текла кровь с белыми кусками слизи и меря чуть не вырвало.

— Сука! Сука!!! Я тебя уничтожу!!!! Живьем в землю закопаю!!!!

Я не стала слушать этот ужасный вой и побежала дальше, морщась от боли. Я знала, что случится нечто ужасное, но остановить эту махину событий уже не мог никто...

Конечно же, я даже представить не могла, что из зарослей за всем происходящим наблюдает Лида и ее лицо, перекошенное злобой, становится похожим на морду зверя. Кровожадного, хищного и очень опасного...

* * * Лида немного подумала и быстрым шагом пошла к деревне. Что ж, соблазнить колдуна не получилось, все пошло не так. Но разве могла она оставить своего отца в беде? Она могла бы с легкостью убить эту примитивную смертную дуру, но ведь это ничего не даст и Корней с Прохором так и будут сидеть на своей заимке. Если они узнают, что отец выбрался из могилы, куда они его так безжалостно загнали, то все — они проиграли. Справиться с колдунами, сил нет, а из заимки их мог выманить только человек. Лида не сомневалась, что еще до наступления ночи Корней узнает, кто она и предпримет все меры, чтобы уничтожить. Сейчас она сделает то, что навсегда избавит их с отцом от этих мерзких колдунишек.

Она сразу же направилась в церковь и, увидев отца Сергия, крикнула:

— Батюшка! Родимый! Горе случилось!

— Что такое, дочь моя? — батюшка подошел ближе. — Чего голосишь в божьем месте?

— Колдуны с заимки детей воруют! Любашку утащили!!! Жрут, наверное, уже! — заплакала Лида, замечая, как бледнеет поп.

— Какие еще колдуны???

Лида плакала, и сквозь слезы было трудно разобрать, что она говорит.

Отец Сергей склонился над ней, пытаясь разобрать слова, и его лицо менялось на глазах.

— Я ходила в лес, думала груздей набрать на засолку. И вдруг слышу, ребенок плачет. Я пошла на этот плач, подумав, что заблудилось дите и тут вижу, что Корней на заимку Любашу тащит! Морда у него перекошена от злости, на руках когти. Ужас один! А еще я заметила, что на груди у него амулет висит — точно такой, как идол на болоте!

При этих словах батюшка отшатнулся от нее и перекрестился.

— Господи, спаси и сохрани. Знаю я этих нечистей! И избавиться от них очень не просто! Иди Лида, мне подумать нужно!

— А как же Любаша? — с притворным беспокойством спросила Лида, но батюшка отмахнулся:

— Иди. Нет ее в живых уже.

Лида послушно поплелась к дому Григория Плясова, довольно улыбаясь и радостно потирая руки.

* * * Танька пряталась за церковью, когда там появилась Лида.

— А ты сюда, зачем явилась?? — прошептала она, провожая ее глазами. — Все планы нарушила, тварюка!

Танька вспомнила Леньку, лежащего в своем подвале, и ухмыльнулась — решил хлюпик, что справится с ней. Ага, щас! Не дожидаясь пока он начнет приставать, Танька огрела его чугуновой сковородой так, что острый нос Леньки, впечатался в лицо.

Вернувшись в дом Плясова, она быстро оценила ситуацию и кинулась в церковь, чтобы попросить помощи. Тут и услышала все, что говорила Лида бабушке. Значит, повернула по-другому, чтоб колдунов извести. Но где же Валя? Стоп! Какая же она дура! Валя побежала выручать девочку!

Танька охнула и бросилась к лесу, надеясь, что с подругой за это время ничего не случится.

* * * Чем дальше я бежала, тем оглушительнее становилась тишина, окутывающая болото. Даже плач ребенка затих, рисуя в моей голове картины, одну страшней другой. Идол словно наблюдал за мной, возвышаясь над кривыми зарослями, и мне стало неуютно от взгляда его пустых глазниц. Казалось, что за каждым кустом сидит чудовище и сейчас набросится на меня, чтобы выпить кровь...

Стараясь не шуметь, не хрустеть ветками и почти не дышать, я обошла эту страшную статую и с изумлением увидела сидевших под ней девочек. Да-да, именно девочек, а не одну Любашку. Увидев меня, они приготовились плакать, но я прижала палец к губам и прошептала:

— Тише! Иначе чудовище услышит! Идите сюда!

Мальшки подбежали ко мне, и, не скрывая любопытства, я спросила:

— А кто из вас Любаша?

— Я, — девочка в белом платочке улыбнулась беззубым ртом. — А это Дося из Алексеевки!

Я даже рот открыла. Баба Дося??? Перед глазами мелькнула картина, как она ковыляет за косметикой в клуб. Ну и дела... И не знает дите несмышленное, что судьба ей сто шесть лет доброго здоровья отмерила.

Девочки прижались ко мне так сильно, что невозможно было и шагу сделать. С превеликим усилием, мне удалось их оторвать от себя и взять за руки.

— Пошли-ка отсюда. Да побыстрей.

Я потащила их к лесу, но тут за моей спиной раздался голос, вернее ужасный рык, от которого мое сердце свалилось в пятки.

— Куда собрались? А ну стойте!

Я остановилась и затолкав девочек за спину, подняла глаза на того, кто обращался ко мне.

По моей спине пробежали мурашки отвращения и страха, при виде ужасного монстра, стоявшего в нескольких шагах от нас. В этом чудовище я сразу узнала того мужчину из леса, даже меховая безрукавка была на его плечах, несмотря на жару. Косматая борода, страшные, холодные глаза, непонятного, постоянно меняющегося цвета и желтые клыки, торчащие из-под усов. Он вытянул к нам руки, на пальцах которых были огромные, бугристые когти, испачканные засохшей кровью, и оскалится. Дося завывала, и я пришла в себя.

— Бегите! — я толкнула их к лесу и снова развернулась к монстру, понимая, что сейчас мне придет конец.

* * * — Ты слышишь? — Корней замер и прислушался. — Что за крики с болота?

— Вот черт! — Прохор отшвырнул молоток и спрыгнул с крыши. — Точно что-то происходит! Пошли-ка проверим.

— Если бы оно воскресло, на кривой осине, опали бы листья, — сказал Корней, и мужчины посмотрели на одинокое дерево, с изогнутым стволом. — Мы бы знали.

— Да. Это так, — Прохор медленно пошел к осине. — Но эти странные бабы с деревни.

разговоры их о болоте...

— Да сказок местных наслушались, вот и несли невесть что...

— Зачем? — Прохор остановился возле зеленого дерева, шелестящего листочками. —

Зачем им это?

Он коснулся ствола осины и неожиданно все листья исчезли, серой дымкой растворившись в воздухе, лишь прозрачная пыль осталась витать возле голого ствола.

— Оморочка! — взревел Корней. — Нас оморочили!!!

Лицо Прохора стало каменным, будто высеченным из гранита.

— Что ж, пора на охоту.

Вооружившись топорами, освященными древними рунами, братья пошли к болоту, готовясь к самому худшему.

— Помогите! Помогите! — срывающийся от боли голос, заставил их остановиться.

— Кто тут? — Корней раздвинул еловые лапы и увидел истекающего кровью мужчину. У него отсутствовал глаз, а лицо было искажено адской болью.

— Что случилось с тобой? — Прохор присел рядом с ним на корточки и внимательно уставился на его лицо.

Мужчина с трудом разлепил единственный глаз и вдруг отшатнулся:

— Это вы! Прочь! Прочь от меня!

— Кто ты? — грубо спросил Прохор, недоуменно сдвинув брови.

— Ваша погибель! — ощерился тот, являя ужасную картину желтых зубов, окрашенных кровью. — Поздно! Все поздно!

Он захохотал, качаясь по траве, а братья переглянулись.

— Это ты, Его из могилы поднял? — Корней схватил мужчину за шиворот и поднял, отчего тот завыл как собака.

— Я! Я! Теперь никто его обратно не загонит!

— Оставь его, — сказал Прохор и поднялся. — Вша это глупая. Не до него сейчас.

Корней отпустил его, брезгливо вытерев руки о рубаху, и угрожающе произнес, склонившись над мужчиной:

— Беды ты наделал, тварь эдакая. Но сам от нее смерть и найдешь.

Братья пошли дальше, оставив его выть под пушистой елью.

* * * Танька бежала так, что ее светлые волосенки парили на ветру как белый парус, цепляясь за ветви деревьев. В голове пульсировала лишь одна мысль — Валя в опасности! Чем она могла ей помочь, Танька не знала, но оставить подругу в беде она не могла. Когда перед ней появилась фигура Лиды, Танька не успела остановиться и влетела в нее со всей мочи, отчего та даже не шелохнулась.

— Далеко собралась, недалекая? — прошипела Лида, меняясь в лице и превращаясь из молодой женщины в жуткое, злобное существо. — А ну-ка стой... Поговорим...

Танька лежала на твердой кочке и чувствовала, как ноют ее бока после падения. Жуткая Лида таращила на нее свои ужасные глаза и улыбалась так, словно собиралась съесть. Хотя может, так оно и было?

— Не о чем нам с тобой говорить, — Танька поднялась и сделала два шага назад. — Иди куда шла.

— А я тебя ждала, — промурлыкала Лида, клацая зубами. — Лезете куда не надо, вот и пришла пора расплачиваться.

— Куда это мы лезем? — спросила Танька, стараясь тянуть время, ища выход.

— Я бы за Корнея замуж вышла, детей от него родила, — Лида играла с ней как кошка с мышью. — Ну, как от него... Нет, конечно. Разве даст он отменное потомство для нашего рода...

— Так в чем дело? Ко мне чего прицепилась? — Танька ещё отступила назад.

— А я смотрю, ты не сильно удивилась, — прошипела Лида, готовясь к прыжку. — Что вы знаете? Что?

— Отвалила бы ты, подруга... — Танька растерянно огляделась и, сообразив, что помощи ей ждать неоткуда, кинулась на Лиду, целясь ей в глаза. Оборотень отшвырнул ее одной рукой, и ударившись о ствол дерева, Танька услышала хруст своих костей.

— Поиграюсь с тобой, и съем, дура, — весело произнесла Лида и по ее подбородку потекла слюна. — А потом и за Корнея возьмусь, хорош он очень... Тело крепкое, страстью полное...

Она резко замолчала и Танька с недоумением уставилась на большой топор, торчавший из ее лба. Две тонкие струйки крови потекли вниз по ложбинкам носогубных складок и Лида упала, неуклюже кренясь набок. Ее белый платок окрасился красным, и кусочки мозга брызнули на большие лопухи.

— Ой, мама! — завизжала Танька, вскакивая на ноги, и тут же упала снова, столкнувшись с Прохором.

— Спасибо не скажешь? — он наклонился и выдернул топор из головы Лиды. — Она бы тебя сожрала и костей бы не осталось.

— Спасибо, — Танька улыбнулась, и ее тут же вырвало в зеленые заросли.

* * * — Отец Сергей! Отец Сергей! — закричал бородатый мужчина в грязной рубахе, увидев скорченное тело Григория Плясова. — Сюда!

Толпа народа ломанулась к кричавшему мужчине и по ней пробежал испуганный шепоток.

— Гриша, как же так, Гриша, — отец Сергей упал перед Плясовым на колени и потряс его за плечи. — Кто это сделал с тобой? Кто, Гриша?

— Колдуны с заимки, — прохрипел Григорий, цепляясь за батюшку. — Они, ироды, ребенка на болото потянули...

— Дождемся ночи! — донеслось с толпы. — Смерть колдунам!!! Они детей наших жрут! — Смерть колдунам! Смерть колдунам!

Батюшка Сергей помог подняться Григорию Плясову и обратился к народу:

— Братья и сестры! Нам нужно бороться с нечистью, поселившейся на нашей земле! Ибо они сожрут всех детей! Мы должны собраться и стать единым целым!

— Господь с нами! — закричала какая-то женщина, размахивая платком. — Сами ляжем, а тварей этих уьем!!!

— Сжечь заимку! — зазвучало с толпы. — Сжечь заимку!

— Сжечь! Сжечь! — вторили голоса. — Подождем нечистую силу!

Я стояла словно каменное изваяние, зная, что уже никогда не выберусь из этого чужого для меня мира. Что сейчас сделает это ужасное существо, не имело значения, ведь все, что бы оно не сделало, принесет мне боль и жуткие страдания. И ради чего все это? Я мысленно откостерила Таньку за ее неумное любопытство и тут услышала:

— Ну что, тварь, готова поделиться своей кровью со мной?

Господи, как он оказался сзади??? Я ощущала его зловонное дыхание, и меня сковало от дикого страха. Мерзкое чудовище готовилось напасть, и я почувствовала, как по моей шее потекла теплая слюна, отчего волна омерзения захлестнула меня.

— А ну-ка отойди от нее! — раздался звонкий голос Таньки и я радостно встрепенулась, но тут же острые клыки впились мне в шею.

Боль стальными тисками охватила меня, и я закричала, дернувшись вперед, но цепкие лапы этого зверя держали очень крепко. Я билась в этих руках, ощущая запах своей крови и захлебываясь от собственного крика, но тут хватка ослабла, отчего я упала на землю и поползла, не оборачиваясь, чтобы не видеть окровавленную морду монстра, приготовившегося к финальному прыжку.

Но меня никто не преследовал, острые когти не рвали мое тело, и я все-таки посмотрела через плечо. Монстр стоял ко мне спиной, а за ним я увидела Корнея и Прохора, которые явно собирались прикончить его. Танька суетилась за их спинами, выискивая меня глазами, и я махнула ей рукой.

— Братья! — хрипло прорычало существо и оскалилось. — Молодцы что пришли ко мне, покончим со всем сразу. Вот только я доем свой завтрак...

Оно повернулось ко мне и сделало шаг, но тут же рухнуло на землю с торчащим топором между лопаток.

— Беги сюда! — поманил меня пальцем Корней. — Быстрее, пока он не встал!

Я вскочила на ноги, не обращая внимания на боль, и побежала к ним, замечая, как дергаются руки этого чудовища в человеческом обличье.

— Да он тебя покусал! — запричитала Танька, разглядывая мою шею, и тут же обратилась к Прохору: — Она в такое же не превратится?

— Идите отсюда! — рявкнул он, и мы вытянулись в струнку. — На заимке нас ждите!

— Хорошо, — закивала Танька, и мы быстренько понеслись прочь от этого неприятного места, оставив мужчин разбираться с монстром.

Стало хмариться и небо заволочло свинцовыми тучами. Погода словно предчувствовала беду, надвигающуюся на это место. Запах смерти поселился в этом лесу, щекотал ноздри, и мы как две гончие собаки чувствовали его всем своим существом.

Заимка была пустынной и какая-то странная, оглушающая тишина окружала все вокруг.

— Я чувствую, что грядут какие-то страсти, — прошептала Танька, будто боясь, что ее кто-то услышит. — Мне страшно...

— Интересно, а где Лида? — я очень боялась ее появления.

— Лида сдохла, — зло сказала Танька. — Мозги по всем кустам раскидало...

— Да? — меня это обстоятельство очень порадовало, хотя радоваться смерти было, наверное, не очень тактично, но ведь это была Лида! И я снова порадовалась. Ее еще не хватало...

Мы уселись на скамейку под домом и, оторвав от подола кусок ткани, Танька перевязала мне шею.

— Хоть бы заражения не было...

— Не каркай!

— Я переживаю о Корнее с Прохором, ведь тот раз Прохор погиб, — тихо произнесла Танька. — Дай Бог все будет хорошо...

— Я думаю так и будет, — поддержала я, хотя сама очень боялась, ведь если они погибнут, то нас здесь ожидают нелегкие времена...

Время приближалось к вечеру, а Корнея с Прохором все не было. Это выводило нас из себя и нам казалось, что лес таит угрозу, которая застыла за каждым деревом. Внезапно Танька повернула голову в сторону и схватила меня за руку:

— Идет кто-то! Слышишь? Колдуны возвращаются!

Я прислушалась и действительно услышала чьи-то осторожные шаги. Но как только я хотела сказать, что вряд ли братья будут красться к своему дому, как получила оглушительный удар по голове...

Все поплыло перед глазами и стены заимки закачались, будто борта корабля.

Когда я распахнула веки, то сразу же зажмурилась от яркого света свечи, которую поднесли к моему лицу.

— Очухалась, мразь, — голос Плясова резанул ухо своей ненавистью. — Подстилка.

Но в данный момент меня больше интересовала Танька, чем злоба Григория и я пошарила руками по дощатому полу.

— Танька! Таня!

— Ммм... — застонало рядом, и я расслабилась. — Где я?

— Заткнитесь! — рявкнул Плясов, и я с трудом поднялась, чуть не плача от боли в шее и голове.

Он сидел за столом, и я ужаснулась, глядя, как он трясется от злобы и скорее всего от раны, которую я ему нанесла. Глаз его был перетянут повязкой, окровавленной и заскорузлой, лицо было бледным, почти желтым, тонкие губы плотно сжаты, а орлиный нос стал еще острее.

— Сейчас, сейчас, — повторял он, сжимая кулаки. — Сейчас все закончится. Колдуны пошли на болото, да? Ну, их там верная смерть ждет! А если нет, то я об этом позабочусь! А вас, вас я убью. Убью жестоко.

Он повернулся и его единственный глаз злобно блеснул, отчего Танька испуганно пискнула, прижимаясь ко мне. Ситуация развивалась довольно стремительно и не по тому сценарию, которого бы нам хотелось, что не прибавляло настроения. Выхода было два — надеяться, что братья вернутся и спасут нас и спастись самим. Я прикинула, что родственник сейчас испытывает невероятные муки и убежать от него будет вполне возможно, только нужно собраться с силами.

Но моим мечтам, не суждено было сбыться. Дверь распахнулась, и в комнату вошли люди из деревни, среди которых был и отец Сергей.

— Помогите нам! — воскликнула Танька, с надеждой глядя на вошедших, но тут же заткнулась, увидев в их глазах почти что ненависть.

— Молись о прощении, заблудшая душа, — сказал батюшка, осенив нас крестным знаменем. — Ваша смерть послужит очищением сему месту.

— Какое очищение?! — завопила я, стараясь подняться. — За что это вы нас убивать

собрались?!

— А ты не ори, — из кучки людей выступила матушка Прасковья. — Знаем мы все от Гриши. И о ваших шашнях с нечистой силой, с колдунами этими проклятыми, и о том, что вы не из Алексеевки. Все знаем.

— Глупцы! — громко засмеялась Танька. — Дурачит вас ваш Григорий! Это он, сам, нечисть из могилы поднял! И детей чудищу этому водил, с дружкой своим!

Из-за широкой спины матушки выскочил Ленька с перевязанной головой и наотмашь ударил ее по лицу.

— Проклятая лгунья! Богоотступница! Ну, ничего, попляшите скоро и колдуны ваши не помогут!

* * * А мерзкая тварь все не умирала. Прохор истекал кровью, хлеставшей из раны на животе, а Корней дрался одной рукой, ибо вторая как плеть повисла вдоль тела. Чудовище поднималось после каждого удара и измазанное своей же кровью, походило на оживший труп с огромными ранами на голове. Из его рта вытекала кровавая пена и пузырилась в оскаленном рту.

— А дочка-то моя, должна была на заимке хозяйкой стать! — прорычало оно, хохоча. — Детей бы тебе, Корней, родила. Ну как тебе. От меня конечно!

— Мерзость проклятая! И слова твои мерзкие! — зарычал Корней и ударил его топором. — Сдохла твоя дочь. Вон, в лесу валяется с проломленной башкой!

— Не-ет! Нет! Ты лжешь, проклятый колдун! — зарычало существо и бросилось на Корнея. — Твоя смерть — лучшее, что я буду вспоминать!!!

Прохор собрался с силами и кинулся ему под ноги, почти заревев от боли. Монстр рухнул на жухлую траву и в его глазах мелькнул ужас, когда Корней занес над ним свой топор. Но это длилось всего лишь секунду — лохматая голова покатила по болотным кочкам и исчезла в трясине.

— Ты уже ничего и никогда, вспоминать не будешь, — выдохнул Корней, глядя на дергающееся чудовище. — И никогда не вылезешь из своей вонючей могилы.

Он с трудом подтянул его к трясине, и она благодарно чавкнула, принимая еще теплое тело.

— Я сейчас сдохну, — Прохор сжимал рану, из которой сочилась кровь, и своей бледностью походил на мертвеца. — Помоги, брат...

— Сейчас... потерпи. — Корней кинулся к нему и, порывшись в мешочке, привязанном к поясу, высыпал ему в рот какой-то порошок. — Через минуту кровь остановится, и ты сможешь дойти к заимке. А там все поправим.

Прохор со стоном откинулся на землю и тут же хлынул ливень, смывая кровь с травы и камней...

* * * Нас с Танькой вытащили из дома и пинками погнали к горбатой, засохшей осине. Всякий пытался приложиться к нам, кто кулаком, кто палкой, а сил уворачиваться уже не было, и мы терпеливо сносили удары, морщась от боли.

— Что, не нравится?! — Ленька бегал вокруг нас, щерясь щербатым ртом. — Сейчас по-другому запоете! И колдуны вам не помогут, уже не их время!

— Уйди, убогий, — Танька окинула его презрительным взглядом, и он ударил ее, краснея от ненависти.

Плясов дернул меня с такой силой, что мне показалось, будто рука вылетела из сустава и, швырнув к осине, привязал колючей веревкой, найденной на заимке. Склонившись так

близко, что я почувствовала запах крови, исходивший от его повязки, он сказал:

— А ведь все могло быть иначе. Да теперь, что об этом жалеть... Так и сгинешь в этом лесу. Вот только я сначала глаза тебе выколю, чтоб ты почувствовала какво это...

Я дернулась в ужасе, а он криво усмехнулся и повернулся к толпе.

— Как вы хотите этих ведьм убить?

— Жестоко! — крикнул кто-то. — Чтоб неповадно было детей жрать! Мучить их, пока дух не испустят!!!

И тут с неба полило с ужасной силой. Холодные струи хлестали, словно плети и народ засуетился, стараясь укрыться от дождя.

— Пусть помокнут! — завизжал Ленька. — Никуда не денутся! Пошли все в дом!

— А вдруг колдуны явятся? — пискнула какая-то баба, но Плясов оборвал ее тяжелым, хриплым голосом: — Пускай. Мы же их ждем... Сил нет у них.

Все ринулись в дом, так бережно строившимся Корнеем и мне стало противно, что вся эта жестокая, звериная стая, будет находиться в нем, оскверняя своим присутствием крепкие, светлые стены.

— Нет их в живых уже, — грустно прошептала Танька, и наши связанные руки сплелись в крепком, почти прощальном порыве. — А скоро и нас не будет.

Холодный дождь хлестал по лицу, но это было ерундой по сравнению с тем, что ждало нас впереди. Григорий Плясов будет издеваться над нами до тех пор, пока мы не истечем кровью.

— Вот если бы взять и умереть сейчас! — всхлипнула я. — Чтоб не чувствовать как их руки прикасаются ко мне!

— Рано еще помирать. И хватит воду разводить, ее и так с неба льет довольно...

Мы с Танькой завертели головами, и мое сердечко забилося в радостном предчувствии. Но тут же моя радость померкла, когда из-за куста шиповника показались Корней с Прохором.

Прохор практически висел на брате, а тот еле передвигал ногами, и его левая рука была неестественно вывернута. Они были в крови и болотной грязи, которую не мог смыть даже дождь. Я с ужасом поняла, что помощники из них никакие и снова чуть не заплакала.

— Вас тут ждут! — взволнованно прошептала Танька. — Убить хотят!

— Да знаем мы, — ответил Корней и осторожно опустил брата на землю. — Давно почувствовали.

Он подошел к нам и принялся неловко разрезать веревку большим ножом.

— Уходите туда, откуда пришли. Опасно здесь, — сказал он. — И спасибо, что предупредить хотели.

— Да куда же мы пойдём? — я пожала плечами. — Мы же вам говорили, что это вы нас послали сюда из будущего!

Корней посмотрел на нас долгим, пронизательным взглядом и вздохнул:

— Как бы оно ни было, уходите отсюда. Сейчас мы вас защитить не сможем.

— Не пойдём мы, — упрямо произнесла Танька, трогая синяк, расплывавшийся под глазом. — Наше место здесь.

— Да гони ты их к чертям собачьим... — слабо выдохнул Прохор. — Дуры бабы, лезут на рожон...

— Не пойдём мы, — набычилась Танька.

Мне было страшно, но бросить раненых мужчин на растерзание, я не могла.

— Может, есть какой-то способ? — в надежде на чудо, спросила я.

— Есть... — задумчиво протянул Корней. — А ведь и правда есть!

— Что это за способ? — мы с Танькой напряглись, понимая, что вряд ли это будет что-то простое.

— Сила наша уходит, и нет ее до самого восхода солнца... — ответил Корней. — Но есть один способ вернуть ее и даже умножить... Нужно взять некие травы, сердце оборотня и кровь двух женщин, которые дадут ее добровольно.

— Ну, можно сказать, что последнее у вас есть, — твердо сказала я. — А где взять сердце оборотня?

— Совсем мала проблема, гляди-ка, — Корней извлек из кожаного мешочка еще бьющееся сердце. — Угадайте, чье оно?

— Лида??? — мне стало муторно, тошнота подступила к горлу. — Но как? Разве может оно до сих пор биться?

— Может, — кивнул Корней. — Оно бьется тринадцать часов после смерти и если его съест какое-нибудь дикое животное, то оборотень обязательно вернется к жизни через это животное. Поэтому, сердце всегда вырезают.

— А я-то гадала, чего это ты там задержался... — ахнула Танька. — Ужас какой!

— Вот поэтому, колдовское дело такое непростое, — хмыкнул Корней. — Может, все-таки уйдете?

— Нет, — вздохнула я. — Делайте свое дело.

Прохор стонал, лежа на земле, а Корней колдовал, собрав нашу кровь в большой ковш, который стоял на старом колодце за заимкой. Что-то происходило в этом ковше, под тяжелый шепот Корнея. Оно закипало и бурлило, окутывая нас сладковатым запахом плоти...

Глава 12

Первый выпил из ковша Прохор, и мы испугались, увидев, как действует страшное зелье на колдуна. Он рычал, цеплялся ногтями за мокрую землю, выгибался дугой, и его лицо искажала гримаса жуткой боли, от которой у нас все скукоживалось внутри.

— С ним все будет в порядке? — взволнованно прошептала Танька, с жалостью наблюдая за муками колдуна.

— Все будет хорошо, — успокоил ее Корней и, хлебнув с ковша, аккуратно поставил его на землю, после чего упал рядом с братом.

Мы с Танькой жались друг к другу под хлипким навесом возле колодца, а братья ползали по грязи, испытывая всю гамму чувств от выпитого зелья. Зрелище это было не для слабонервных, и я старательно отворачивалась, чувствуя, как мое сердце отзывается на муки Корнея.

— Живы все-таки, — прошипело рядом и мы в ужасе увидели Григория Плясова, медленно приближающегося к нам. В его руке блестел огромный охотничий нож и он явно собирался им воспользоваться. — Приползли твари, помощнички ваши!

Он окинул корчившихся братьев презрительным взглядом и стал подбираться к нам, поигрывая ужасным орудием убийства. На его лице блуждала дикая ухмылка, в которой не было ничего человеческого. Его душу давно забрал дьявол.

— Все-таки подпортил их хозяин с болота. Ишь, как ломает колдунишек-то. Помрут, как пить дать. Но начну я с вас.

- Зачем ты все это затеял? — спросила я, и мы попятились от него, понимая, что шансов у нас не так много. — Не добьешься ведь ничего. Сдохло твоё чудовище и дочка его тоже!

— Врете вы все! — выплюнул он со злобой. — А сдохло, значит другое найдем! Я никогда не останавливался! Всегда своего добивался!

— Для чего??? — я не могла понять, что двигало им, заставляя творить такие ужасные вещи.

— Дуры вы, бабы, потому что! — снова оскалился он в жуткой улыбке. — Я силы ищу! Надоело мне простым человеком по земле шастать!

— Ошибаешься, — Танька покосилась на колдунов, не теряя надежды на спасение. — Какой же ты человек? Тварь, такая же, как и та, что на болоте!

— Замолчи! Замолчи! — сквозь стиснутые зубы прошипел он и махнул ножом. — Шалавы!

— Господи, и это мой родственник, — в ужасе прошептала я, обращая внимание, как меняется его лицо под действием ненависти, становясь с каждой минутой все отвратительней и ужасней.

— Что ты там мямлишь?! — гаркнул он и снова махнул ножом, и его лезвие просвистело прямо перед моим лицом. Плясов рассмеялся каким-то сумасшедшим смехом и облизнул потрескавшиеся губы, на которых чернела засохшая кровь...

— Гриша, что здесь? Что, лярвы эти отвязались?! — за его спиной появился Ленка и уставился на нас скользким, возбужденным взглядом. — Режь их Гриша! Режь на ремни!

И тут на наших глазах он начал подниматься над землей, испуганно вращая вытаращенными глазами.

— Гриша! Гриша!!! — завопил он, размахивая руками. — Помоги!

Григорий резко повернулся и так и застыл с открытым ртом. Нож вывалился у него из рук, и Танька тут же схватила его, воспользовавшись моментом.

— Что, что это такое??? — он попытался опустить Леньку на землю, но вдруг неведомая сила швырнула его и приложила о сруб колодца так, что тот громко захрипел и затих, сложившись как кукла.

Плясов закрутился на месте, ворочая одним глазом, и заорал, брызгая слюной:

— Люди! Люди! Колдуны явились!!!

Вся толпа деревенских вывалила на улицу, но было видно, что их запал поубавился. Люди с ужасом смотрели на Ленькин труп и на вопящего Григория, но никто не двигался с места. Ни Прохора, ни Корнея не было видно, они будто испарились, оставив после себя тянущиеся следы на мокрой земле.

— Как-то я пропустила момент, когда они пропали! — прошептала Танька. — Фокусники блин!

— Что случилось Григорий? — первым решился выступить отец Сергей. Он старался держаться спокойно и важно, но разве это было возможно в такой ситуации. — Кто Леньку убил?

— Не понимаешь кто, батюшка??? — завизжал родственник, теряя последние остатки самообладания. — Колдуны убили!!!

— А кто баб этих отвязал? Они??? — батюшка повернулся к нам и его глаза блеснули неприятным, жутким светом.

— Истинно тебе говорю! — Плясов кинулся к нам, но Танька выставила перед собой нож и он резко остановился. — Думаешь, сможешь меня моим же ножом убить? Кишка тонка!

— А ей не нужно! — крепкий, уверенный и бархистый голос Прохора, заставил всю толпу шумно вздохнуть. — Я тебя убью. Голыми руками.

Люди заволновались, и я чувствовала, что они боятся, хотя раньше были уверены, что в этот поздний час сил у братьев нет.

Я выглянула из-за большой фигуры Плясова и увидела Корнея и Прохора. Они выглядели очень неплохо для умирающих, а Корней держал за руки девочек — Любашу и Досю.

— Господи! Любашка! — закричала ее мать, и девочка бросилась к ней. — Жива! Жива моя кровинушка!

— Меня дядя Ленька на болото свел, — заплакала Любаша, хватаясь цепкими ручонками за материн подол. — А потом дядька Гришка пришел и с чудищем говорил! И Дося там была!

— А как же ты выбралась??? — мать девочки целовала ее в мокрые щечки. — Как сбежала?

— Она нас спасла, — Любашка ткнула в меня пальчиком и посмотрела на братьев, отчего ее глазки потупились. — А эти красивые дяденьки, нас под деревом нашли и сюда привели.

Толпа молчала, глядя на Григория Плясова, а он побледнел и замахал руками:

— Это не правда, это колдуны... Все ложь! Ложь! Оморочили девчонку! Ересь несет!

Люди, все так же молча, пошли стеной на Григория, который попятился и упал, зацепившись за старое ведро. Будто загнанный зверь он зарычал и отчаянно, срываясь на хрип, крикнул:

— Да что вы понимаете! Гнилые душонки! Я мог бы стать великим, а не ковыряться в том дерьме, в котором вы роетесь всю жизнь! Черви! Черви!

Корней встал между ним и толпой и поднял руки, останавливая людей:

— Не трогайте его! Не опускайтесь до убийства! Его жизнь и так накажет!

— На его руках кровь! — крикнул кто-то. — Пусть сдохнет!

— Я как погляжу, они тут любят с людьми расправляться, — пробурчала Танька. — Только дай, на клочья разорвут.

С этим я была согласна, совсем недавно они хотели "кокнуть" нас, не удосужившись даже проверить, виноваты мы или нет.

— Нет. Никто, никого не убьет, — Корней выставил вперед руку, и невидимая волна энергии сгустилась перед толпой, не давая пройти. — Будьте людьми.

Пока мы с Танькой умилялись такому благородству, Григорий вырвал из рук подруги нож и с размаха ударил им Корнея, который этого совсем не ожидал. Все замерли, по толпе пронесся испуганный вздох, а я чуть в обморок не грохнулась, увидев, что из спины колдуна торчит лишь рукоятка.

Нет! Только не это! В этот момент, я была готова разорвать проклятого предка голыми руками, но спина Корнея внезапно напряглась, и лезвие сантиметр за сантиметром покинуло его плоть. Колдун медленно повернулся, и Григорий завыл, хватаясь скрюченными пальцами за лицо. Завыл безысходно и жутко. Он все понял.

Прохор схватил его за шиворот и потащил в лес. Никто не сказал и слова. Дождь закончился и по лесу поплыл молочно-белый туман, окутывая своими щупальцами стволы деревьев.

— Господи, как все это страшно, — Танька выглядела измотанной и подавленной, ее полные слез глаза, были неестественно большими. — Я так устала...

Устала... устала... устала...

Я хотела спросить, зачем она повторяет это слово, ведь я не глухая и не дура, но мои веки стали закрываться, превращаясь в свинец. Голова закружилась, и мне почудилось, что вот-вот и я потеряю сознание.

Но это состояние стало отступать, и в моих ушах зазвучал знакомый голос из прошлой жизни:

— Мать честная! Что с вами приключилось?!

Я взмахнула ресницами и уставилась на сторожа, дядю Васю, который смотрел на нас во все глаза. Стоп! Стоп! Какой сторож?! Я вспомнила, как он и Петька тащили меня на заимку, и приготовилась вопить, но тут до меня дошло — мы дома! Я быстро повернулась и увидела Таньку с плавающим взглядом. Все ее бланши были на месте, один из них, стал даже краше.

Я покрутила головой и поняла, что мы стоим посреди церкви, с которой все началось. Почему???

— Кто же вас так отделал? — дядя Вася с сочувствием наблюдал за нами. — Как вы сюда попали?

— Дверца была открыта, — промямлила я и он хмыкнул:

— Вот черт старый, опять забыл закрыть. А вы и рады нос сунуть!

— А где руки? — Танька бросилась к кресту, но ларца там не было. Ни его, ни останков.

— Какие руки? — сторож смотрел на нас как на психбольных. — Чьи руки???

— Колдунов! — раздраженно рявкнула подруга, и дядя Вася перекрестился:

— Да ты что такое в божьем доме говоришь?! Может вас в райцентр отвезти, в больницу? Так я сейчас Петьку попрошу...

— Не надо в больницу! — отмахнулась Танька. — Где мы находимся?

— Да как где??? В церкви старой, что большевики под клуб переделали! — сторож чуть не плакал от происходящего. — Да что с вами?! Я её закрываю всегда, чтоб не шастал никто, а на великие праздники, здесь батюшка службу служит!

До меня начало медленно, но доходить...

— А косметику привезли? — спросила я и он кивнул:

— Да привезли... Уж часа полтора, как в актовом зале сидят со своими помадами! Вам точно помощь не нужна?

— Нет! — рывкнули мы и помчались на выход.

Нам повезло, и нас больше никто не видел, что в нашем случае, было сущим благом. Выскочив на улицу, мы сощурились от яркого солнца, отбивающегося от снега, и застучали зубами. И так, мы вернулись! Страшные, жестокие люди старой деревни остались в прошлом вместе с оборотнями и это ой как радовало.

— Давай домой! Задубеть можно! — Танька прыгнула в снег в своих древних башмаках и, задрвав юбки, побежала первая. — Бегом, Валька! Заболеешь!

На узкой тропинке мы узрели бабу Дося, медленно ковыляющую домой и осторожно обошли ее, надеясь, что она нас не заметит, но старуха оказалась глазастой.

— А ну, стойте. Вы чего голые? — она разглядывала нас, жуя губу, и хмурилась.

Мы подошли ближе и Танька, вздохнув, ответила:

— Да вот, замерзли, домой бежим.

— Оно и понятно! Голыми шастать!!! — она вдруг замолчала и еще пристальней посмотрела на нас. В ее старческих глазах промелькнули отблески воспоминаний. — Свят! Свят! Ой, Господи! Свят! Свят!

Дося резво обошла нас и, забыв опираться на клюку, ломанула по сугробам как снежный барс, не иначе.

— Вспомнила! — обрадовалась я. — Лишь бы ее кондратий не хватил.

— Он меня сейчас хватит! — Танька прыгала на месте, похлопывая себя по плечам. — Домой!

В доме было тепло и уютно, мы переоделись и наконец, усевшись возле печки, решились на разговор.

— Сейчас тот день, когда косметику привезли. Правильно? — начала я размышлять, "поплыв от тепла". — Глюками это быть не может, одежда с нами, да и все это тоже...

Я указала себе на лицо, намекая на синяки.

— Значит, если следовать логике, братья спокойно умерли в своем времени и их сейчас здесь не существует, — предположила Танька. — Так?

— Так, — согласилась я. — Но мы сейчас проверим.

— Как?

— Тетка идет.

Тетка ввалилась в дом с бутылем молока и удивленно уставилась на нас.

— А что это с вами?

— На дверь налетели, — ответила Танька, глядя на нее чистым, наивным взглядом. — Здравьете.

— Обе что ли??? — тетка недоверчиво нахмурилась, а я быстро спросила:

— Теть Клав, а что за история с заимкой?

— Что в лесу? — она явно не понимала, что происходит и видимо старалась как-то связать наши бланши и заимку.

— Ну да! — я нетерпеливо поерзала на стуле, раздражаясь ее медлительности.

— А я почему знаю? — она пожала плечами. — Жили там люди какие-то... Так это давно было. Два брата что ли, не помню. А что?

— А прапрадед мой, Григорий Плясов, что с ним случилось? — спросила я, и мы уставились на нее, ожидая ответа.

— Ой, это страшная история, — вздохнула тетка. — Его какие-то бандиты в лесу убили. Шею свернули. Дед наш, остался сиротой. Его после отцовой смерти, бабушка местный с матушкой, как своего воспитали. Вот так вот. Так что у вас с рожами-то???

— На дверь налетели! — гаркнули мы в один голос и кинулись к вешалке.

Мы не замечали усталости, боли в ногах и мчались к заимке, проваливаясь в сугробы. Даже переговариваться не хотелось, и лишь наше хриплое дыхание, нарушало тишину леса.

Когда между деревьями показались очертания строений, моя душа рухнула вниз — старые стены, покрытые мхом, перекошенная крыша... Все было, как и до появления колдунов — угрюмые, забытые Богом развалины.

"Пусть они будут там! Пожалуйста! Пожалуйста!" — мысленно взмолилась я, но надежда таяла с каждой секундой этой оглушающей лесной тишины.

— Нет там никого, — выдохнула Танька, останавливаясь возле высокой сосны. — Всё. Это всё.

— Да погоди ты... — я все еще хотела верить в то, что Корней с Прохором здесь, в нашем времени. — Может внутри они.

— Да ты сама-то, веришь, в это? — она привалилась спиной к шершавому стволу, тяжело дыша. — Прошло их время. Мы помогли им и прожили они долгую и счастливую жизнь.

— Я должна посмотреть, — слезы застилали мне глаза, когда я направилась к разрушенному строению. Ну, почему все так не честно? Ведь можно же было оставить их здесь!

К кому я мысленно обращалась, было непонятно мне самой, но чувство несправедливости, просто распирало меня. Столько пережить, чтобы остаться ни с чем!

"А что ты хотела? — сразу зажужжал внутренний голосок. — Вернёшься домой, а тут колдун красавец тебя поджидает? Ха — три раза!"...

Танька оказалась права. Заимка была в том же заброшенном виде, как и до нашего "похода" в церковь — запустение, плесень и сквозняки, залетавшие в разбитые окна. Ни теплоты золотистых стен, ни шкафов с колдовскими зельями... Ни-че-го.

— Ну, что? — подруга так и стояла возле сосны, хмуро разглядывая заснеженные верхушки деревьев. — Убедилась?

— Пошли домой, — я поплелась по уже протоптанной дорожке и услышала позади себя скрип снега под Танькиными шагами. Настроение было таким гадким, что хотелось выть.

— Сейчас мяса пожарим, салатик настрогаем, винца бахнем... — монотонно забубнила подруга, шмыгая носом. — Мне просто нужно бахнуть. Жизненно необходимо. Я мужика потеряла... И какого мужика!

Выйдя из леса, мы направились к деревне, стараясь не смотреть в сторону клуба, который как напоминание о несбывшихся мечтах, возвышался в стороне. Мне даже начинало казаться, будто это сон и если бы не присутствие подруги, то, скорее всего, я бы убедила себя в этом.

Тетка ушла, не дождавись нас, но это меня совершенно не расстроило, стоило лишь вспомнить, как она повела себя — становилось гадко. Танька стянула шубейку и засуетилась возле холодильника, выуживая оттуда продукты.

— Нет у тебя ни майонеза, ни колбасы! Как ты живешь???

— Зато мясо есть... — пробурчала я, наблюдая за ней, сидя на пуфике. Делать ничего не хотелось — если ей так хочется, пусть сама суетится. — Майонез — вредно.

— Да мне уже все равно, — подруга вздохнула и тоже опустилась на стул. — Толку от

этих диет... Перед кем красоваться?

Я глядела на ее унылое лицо с огромным синяком и меня, совершенно неожиданно, начал разбирать смех. Она зыркнула на меня, а потом засмеялась следом, запрокинув голову. Мы хохотали минут пять, не меньше и остановились, лишь, когда перестало хватать воздуха.

— Это истерика, — сделала я вывод, вытирая слезы. — Нужно валерьянки выпить. У меня ее в аптеке — хоть обпейся.

— Какой валерьянки? — Танька поднялась и приказала: — Жарь мясо, я за вином схожу.

— С таким лицом? — я показала на свой синяк. — Разговор по деревне не оберёшься. Тетка, небось, уже пошла сплетни носить.

— Домой я сгоняю, — отмахнулась она. — У меня две бутылки кагора к восьмому марта приготовлены.

Подруга ушла, а я взялась за мясо, поглядывая в окно. Все-таки у Таньки был талант расшевелить меня. Взбалмошная баба...

Погода снова начинала портиться и солнце то и дело закрывали набегающие тучи. На душе было муторно, постыло как на заброшенной заимке... Интересно, женился ли Корней? Как прожил свою жизнь? Счастливо ли? Чего скрывать, я бесповоротно влюбилась в этого колдуна из прошлого, с диким нравом и глазами, в которых бушевало пламя силы и знаний. После такого, другого мужика и не захочешь. Да и где их взять-то?

Хлопнула дверь и я услышала звон бутылок, сопение Таньки и ее бубнеж, когда она стягивала валенки.

— Опять व्यюжит, — сказала она и потянула носом. — Мммм... мяском пахнет. Я майонез принесла и колбасу. Сейчас оливьешку сделаем. Ваааль, пока ты мясо жарить, я в душ, ага?

— Да иди уже. Только салат я сама делать не буду! — крикнула я ей вслед. — Поняла?

— Поняла! — откликнулась Танька и исчезла за дверью ванной комнаты.

Вспомнив, что на окне совершенно сухая герань, я набрала в кружку воды и, отодвинув штору, поднесла ее к горшку с цветком. В этот момент мое внимание привлекли две женщины, стоявшие на дороге, одна из которых, держала большую дорожную сумку. Я ее не знала, но что-то смутно знакомое проскальзывало в повороте головы и в горделивой осанке с прямой спиной. Мое сердце, стало биться чаще, и когда незнакомка повернула лицо в мою сторону, я вскрикнула, чувствуя, как холодная вода льется с подоконника мне на ногу.

— Таня!

— Что? — плеск в ванной прекратился.

— Иди сюда! Быстро! — мне казалось, что мир сейчас рухнет или перевернется с ног на голову.

Танька выглянула из ванной и недовольно поинтересовалась:

— А подождать нельзя? Я голая как бы!

Но увидев мое лицо, она прошлепала мокрыми ногами к окну, заворачиваясь в полотенце. и посмотрела на улицу:

— Ты что там увидела?

Тут же ее глаза стали огромными, а рот приоткрылся, принимая форму бублика. Она задернула штору и белыми, обескровленными губами, прошептала:

— Это что, шутка такая, да? Ее же убили!

Дрожащей рукой, я отодвинула край занавески и снова посмотрела на беседующих

женщин. Тетка Павлина, продавщица из нашего сельпо и... Лида.

Ошибиться было невозможно — я на всю жизнь запомнила это красивое лицо с большими, темными глазами и хитрым, изучающим взглядом из-под угловатых бровей.

— Залезь обратно! — Танька дернула меня от окна и прижалась к стене. — Она же увидеть может!

— Ты думаешь, если она здесь появилась, то не знает о нас? — прошипела я и кинулась к сковороде с мясом, которое уже начинало пригорать.

— Но как она выжила?! Колдуны ей сердце вырезали! — подруга вытягивала шею, боясь подойти к окну. — И что рядом с ней Павлина делает???

Я помчалась в коридор и, заперев дверь на замок, задвинула ее еще и на засов, словно это могло спасти нас от оборотня. Паника накатывала волнами, и справиться с ее приступами, было очень тяжело. Танька что-то бубнила, сидя под окном и мне, в первый раз за все время, захотелось плакать. Спасать нас было некому.

— погоди, давай мыслить логически, — подруга взяла себя в руки и постаралась успокоить нас, а скорее себя, более или менее правдоподобной версией. — Может, это и вовсе не она, а просто похожая баба! Бывает же такое!

— Конечно, бывает, — скептически ответила я. — Только вот явилось это чучело сюда, в один день с нами и она не "просто похожая", а вылитая!

— Тогда, — писклявым от страха голосом, протянула Танька. — Прохор и Корней, тоже могут живыми оказаться!

Вот это, уже было приятной новостью или вернее, предположением. Ведь действительно, если Лида жива, то, что мешало колдунам вернуться обратно? А можно ли с прошлого вернуться в будущее? Черт, как все запутано!

— Смотри! Павлина повела ее куда-то! — Танька подглядывала одним глазом за происходящим, оттопырив зад. — Вот что это все значит?!

— Это значит, что фиговые времена приближаются, — вздохнула я, и откупорила бутылку вина, обреченно думая о будущем. — Пережрет всю деревню и поминай, как звали.

— Так, пойдём-ка сходим в магазин! — подруга швырнула полотенце на верёвку и натянула джинсы. — Павлина с обеда шла! Это точно!

— А это? — я снова показала на синяк. — Сейчас начнется, что да как!

— И что? Пусть хоть слово кто скажет! — Танька боялась, это было видно по бледности ее лица и дрожащим рукам. — Сидеть и прятаться в доме — тоже не выход! Я не хочу ждать, когда эта Лида явится сюда и сожрет нас!

Я, конечно, не понимала, каким образом мы сможем остановить оборотня, обладающего недюжинной силой, но не согласиться с подругой не могла. Если больше знаешь — то есть возможность, хоть что-то предпринять.

Забросив приготовление еды, голодные и испуганные, мы пошли к магазину, стараясь держаться возле заборов, чтобы не отвечивать. Начавшаяся метель отлично помогала нам в этом.

Тетка Павлина уже открыла магазин и курила папиросину, стоя в небольшом тамбурке. Сероватый дым плавал густыми лентами, пробираясь в нос и я чихнула.

— А что это с вами? — она удивленно уставилась на наши лица, что я и предполагала.

— На дверь налетели. — Танька поджала губы и недовольно поинтересовалась. — Хлеб есть?

— Откуда? — продавщица затушила окурок и открыла дверь, ведущую в магазин. — Все

дороги замело. Нет ничего, даже сухарей.

— А мука есть? — спросила я и она кивнула:

— Килограмм пять осталось. Всю заберёте?

— Заберём, — подруга покрутилась возле витрины с конфетами и, не вытерпев, поинтересовалась: — А что это за девушка с вами была? Неместная вроде.

— Неместная. Фельдшер новый, — охотно ответила Павлина, взвешивая муку. — Я ей дорогу к поссовету показала. Теперь хоть врач в деревне будет! А то невелик выбор — либо в аптеку за советом, либо к подруге твоей, ветеринарше!

Она захохотала, взвешивая муку, а мы переглянулись — фельдшер???

Мы уже подходили к дому, неся по очереди, пять килограмм муки, когда Танька вдруг сказала:

— А ведь в этом есть свои плюсы...

— В чем? — я не очень понимала, о чем она. — В том, что Лида оборотень — фельдшер?

— Если бы она просто за нами, сюда приперлась, то вряд ли бы на работу устраивалась! — заявила подруга, натягивая варежки на покрасневшие руки. — Прибила бы нас втихую и поминай, как звали. А то фельдшер!

— А ведь ты права... — согласилась я с ее речами. — И, правда, можно же было явиться в деревню ночью, сделать свое дело и уйти... Значит не мы ее цель! Не за нами она пришла!

— Зачем тогда? — Танька остановилась и выдохнула: — А если она живая, то, что мешало колдунам выжить?

— И где они, по-твоему? — у меня в душе, тихо запели птички, словно боясь спугнуть пробивающийся лучик надежды.

— Вот этого я не знаю! — она схватила меня за руку и потащила к дому. — Пойдем уже! Сейчас все обсудим!

Не смотря на появление Лиды, настроение немного улучшилось, ведь перед нами маячила перспектива, снова увидеть Корнея и Прохора. Танька все время о чем-то думала, и когда мы уселись за стол, наконец, сказала:

— Нужно к ней идти.

— К кому? — я сначала не поняла, а потом воскликнула: — К Лиде??? Для чего???

— Да. Пойдем, познакомимся и заодно, в глаза ее поглядим, — тоном, не терпящим возражений, объявила подруга. — Сразу пойдем, чего ей надо.

— По глазам ее поймешь? — скептически поинтересовалась я, но подруга не собиралась сдаваться, развивая свои идеи:

— По крайней мере, будет видно, узнает она нас или нет!

— А то, что она может, умело притворяться, ты не предполагаешь? — поинтересовалась я, стараясь разглядеть в ней ту безуминку, которая вечно толкала ее, а следом и меня, на разнообразные авантюры.

— Меня не проведешь. — Танька плеснула нам вина и сказала: — Сегодня отдохнем, а завтра начнем действовать. И это... я у тебя поживу, ладно?

— Конечно. Мне самой страшно, — сразу согласилась я. Да и как могло быть иначе?

Уставшие от всех приключений, мы через час осоловели, и я из последних сил приняла душ, вяло вода мочалкой по многострадальному телу. Нужно было выспаться, чтобы со свежей головой разбираться с новыми проблемами в виде неожиданно объявившейся фельдшерицы.

Дверь мы снова заперли на засов и подперли ее столом-тумбой, еле сдвинув ее с места. Окна прикрыли ставнями и улеглись в зале, оставив включенным телевизор.

— Я боюсь засыпать, — прошептала Танька, прижимаясь спиной к теплой грубке. — Прямо знобит от страха.

— Лиду боишься? Так она ведь не за нами пришла... Сама ведь сказала, — съязвила я, глубже забираясь под одеяло и поджимая под себя холодные пятки, будто Лида сидела под

кроватю и ждала момента, чтобы схватить меня за ногу.

— Я уже всего боюсь, — прошептала Танька. — Не засну я.

Через полчаса мы уже похрапывали, разметавшись на смятых простынях, а в окно сыпал нескончаемый снег, погружая деревню в метровые сугробы.

Этой ночью никто не пытался проникнуть в дом, чтобы растерзать наши сонные тела и утром, отдохнувшие и посвежевшие, мы начали сомневаться в том, что увидели.

— Может и не Лида это вовсе? — я старательно вспоминала лицо нового фельдшера. — Похожа просто?

— Что гадать? Пойдем и узнаем. — Танька замазала свои фингалы тональным кремом и выглядела очень довольной. — Может действительно — ошиблись мы.

Одевшись потеплее, мы отправились в медпункт, который находился аккуратно возле кладбища. Меня всегда удивляло это странное соседство и похоже не меня одну, Танька, глядя на облезлое здание, поежилась:

— Придумали тоже! Медпункт и кладбище!

— А теперь и Лида, — добавила я. — Полный набор.

Мы вошли на территорию и шмыгнули в сторону, подальше от окон.

— Ну что, готова? — подруга остановилась возле старой машины скорой помощи и выглянула из-за ее ржавого бока. — Пошли?

— Чего уж...

Смело распахнув скрипящие двери, мы шагнули внутрь небольшого помещения и замерли, вдыхая запах хлорки и медикаментов. Облезлый линолеум был чисто вымыт, на выкрашенных голубой краской стенах, висели плакаты с призывом к вакцинации и предупреждающие о карах небесных, если кому-то вдруг вздумается не соблюдать гигиену тела. В общем, ничего паранормального или хотя бы необычного, в медпункте не было.

— Валя? Татьяна? — из-за угла появилась пожилая санитарка тетя Люся, волоча за собой деревянную швабру. — Случилось чего?

— К врачу нам надо. — Танька немного расслабилась — присутствие тети Люси успокаивало. — Говорят фельдшер новый у нас.

— Да, слава Богу, прислали! — женщина засияла при упоминании долгожданного медработника. — Такая умная, добрая! Молоденькая! Повезло нам!

Если это действительно была Лида, то да, повезло всем невероятно. Я уже ощущала это везение пятой точкой и мандражирующей душой.

— Тетя Люся, кто там? — раздался женский голос, и из кабинета вышла стройная девушка в белом халате. Солнце, льющееся из окна, освещало ее сзади, и нам не видно было ее лица, как бы мы не присматривались.

— Пациенты к вам пришли, Елена Валерьевна, — ответила санитарка и повернулась к нам: — Идите, жалуйста.

На ватных ногах мы направились к кабинету и девушка, усаживаясь за стол, крикнула:

— По одному, пожалуйста!

— Ага, сейчас... — прошептала подруга и, заглянув в кабинет, сказала: — Мы с одним и тем же.

Она подняла голову, и у меня все похолодело внутри — Лида! Точно она!

— В каком смысле? — на ее лице появилось недоумение.

— Гематомы. — Танька указала на свои синяки, а потом на мои. — Хотелось бы, чтобы сошли быстрее.

Предлог, конечно, был так себе, ведь я все-таки провизор и уж должна была знать, чем можно намазать синяки!

— А что случилось? — она встала и подошла к нам, отчего мы с Танькой непроизвольно шагнули назад.

— Ударились, — ответила я, пристально наблюдая за каждым ее движением. — Вчера. Если она и обратила внимание на наше странное поведение, то вида не подала. Повернув мое лицо к свету, Лена-Лида рассмотрела гематомы и поинтересовалась:

— Надеюсь это не домашнее насилие?

— Нет, — у Таньки это вышло как-то резко. — Мы не замужем.

— Голова не болит, не кружится? — она что-то записала в блокноте и когда мы отрицательно покачали головами, протянула нам листок: — Вот, рецепт мази.

— Спасибо, — я взяла рецепт и еще раз, внимательно посмотрела на нее. Точно Лида! Или ее двойник! Да разве такое возможно?

— Я могу еще чем-то помочь? — Елена Валерьевна нетерпеливо застучала ножкой, обутой в модный ботинок. Мы ее явно раздражали своей ерундой.

— Нет. Еще раз спасибо. — Танька попятилась и выскочила из кабинета, а я помчалась за ней.

— Лидка это! — горячо зашептала подруга, стоило нам отойти подальше. — Я глаза эти, вовек не забуду!

— Ей сердце вырезали! — не унималась я. — Она, по-твоему, без него ходит?

— Я не знаю, — честно призналась Танька и задумчиво добавила: — Если она из прошлого явилась, то за один день врачом сделалась? Тоже странно. Фигня какая-то!

Мы вернулись домой и полдня ломали головы над появлением Лены-Лиды, но путного в них ничего не приходило. Я уже начинала сомневаться в том, что это она.

— Я предлагаю, сходить на заимку. — Танька смотрела в окно и с наслаждением жевала булку.

— Зачем? — я недоуменно уставилась на нее. — Ходили ведь вчера!

— Нужно поосмотреться, а вдруг там что-то такое, чего мы не заметили! Послание из прошлого! — выдала она и насупилась, видя мое недовольство. — Ты ничего не хочешь делать! Досидимся в теплом доме, пока поздно не станет! Не бывает таких совпадений и не объявляются люди просто так, а в случае Лиды — оборотни!

— Ладно, ладно! Пойдем на заимку! — огрызнулась я, соглашаясь с ней по поводу Лиды, но, не понимая, что можно выискивать на развалинах. — Когда?

— Вот прямо сейчас и пойдем. — Танька встала и, допив чай, широко улыбнулась. — Чтоб я уже спокойной была.

Мне до жути хотелось забраться под одеяло и пролежать неделю, не меньше, но натянув шубейку, я потащилась за подругой, понимая, что все происходящее, игнорировать нельзя.

Ветер гудел в верхушках сосен, они скрипели, сбрасывая на нас снежные пластины, отчего мы вздрагивали и оглядывались. Слишком свежо было предание, обо всех страстях, произошедших в этом лесу. Морозец пощипывал щеки, забирался за воротник, и я плотней затянула шарф, чувствуя, как горят колени под шерстяными колготами.

— И что ты здесь найти хочешь? — почему-то шепотом спросила я, глядя на почерневшую дверь, открытую настежь. — Пугает меня это место!

— Вот сейчас и разберемся. — Танька первая вошла в дом и чтобы не отставать, я тоже шагнула через порог.

Пошарившись по углам, мы естественно ничего не обнаружили, и я даже расстроилась, ибо успела заразиться надеждами подруги.

— Может, на чердак полезем? — предложила она, разглядывая потолок. — Вдруг там что-то найдем?

Танька повернулась к окну и вдруг присела, дернув меня за собой.

— Фельдшерица!

— Где?! — я подлезла под подоконник и испуганно уставилась на подругу. — Черт! Сами к ней в пасть полезли!

Мы высунули носы, подтянувшись к окну, и увидели Елену Валерьевну, которая шла в сторону болота, проваливаясь в сугробы. На ней были новенькие валенки, короткий пуховик и теплые лосины, красиво обтягивающие ее точеные бедра.

— На болото полезла! — прошептала Танька, наблюдая за ней с плохо скрытой завистью. — Вот теперь, у меня вообще нет сомнений!

Боялись мы зря — фельдшерица была занята тем, что упорно преодолевала сугробы и не обращала внимания на заимку. Ее лицо было сосредоточенным и каким-то злым, словно она была чем-то раздражена.

— Ишь, как припекло! И сугробы нипочём! — возмутилась Танька, наблюдая за девушкой. — Плохие у меня предчувствия! Очень плохие!

— Если хорошенько подумать, то на болоте ей кроме как искать своего папашку — делать нечего, — предположила я, будучи внутри себя уверенной в этом на все двести процентов. — А так как, убит он давно, то видимо поднять его хочет! К жизни вернуть!

— Этого еще не хватало! — подруга отвернулась от окна, и устало прижалась спиной к стене. — Когда же это закончится... Какая-то бесконечная история...

— Делать что-то нужно, — я конечно пока не понимала, что конкретно, но позволить, чтобы оборотень из болота ожил, допустить было нельзя. — Остановить ее мы не остановим, а если полезем, то жалеть она нас не станет.

— Чего же она сейчас нас жалеет? — задумчиво протянула Танька. — Не пойму я. Будто и не знает, кто мы, смотрит своими глазками наивными, обманщица!

— Может не к спеху ей с нами возиться! Дела у нее поважнее! — я даже думать не хотела о том, что начнется, если оборотень с болота вернется в мир живых. — Сдались мы ей, если папашку она оживлять затеяла!

— Пойдем в Алексеевку, — вдруг сказала Танька и замолчала, уставившись в стену.

— Зачем??? — я никогда не попадала в ход ее мыслей и теперь тоже в изумлении воззрилась на подругу. Чем нам мог помочь поход в Алексеевку?

— Говорят, в Алексеевке ведьма живет, — выдала Танька и завертелась, удобнее устраиваясь на разбитой табуретке. — И вот что мне в голову пришло! Пойдем к ней и попросим, чтобы она колдунов воскресила!

Подруга порозовела, глаза ее заблестели, и было видно, что она в восторге от своей идеи.

Я несколько секунд смотрела на нее, а потом расхохоталась:

— Ты серьезно???

— А что? — подругу ни капли не смущала та ерунда, которую она говорила. — Старая Дося рассказывала, что ведьма эта, такая сильная — грозу может вызвать и бесов изгоняет!

— Да пусть она хоть распрекрасная будет! — я начинала нервничать, ведь это уже были не шутки. — Ты как себе представляешь, давно умерших людей воскрешать?!

— А как Корней и Прохор воскресились? И Лидка? — парировала Танька. — Значит, можно!

— Сравнила! Колдунов настоящих и бабу-шептуху! — хмыкнула я. — Небо и земля! И вообще, нельзя мертвецов воскрешать!

— У тебя лучше идея есть? — она задрала брови и вопросительно уставилась на меня. Я молчала. — Значит, решили. Идем в Алексеевку.

— Погреться-то можно? — проворчала я, поднимаясь и выпрямляя затёкшие ноги. — Пообедать? Чаю выпить?

— Пошли, только быстро, — деловито согласилась Танька. — Кто знает, что у этой клыкастой на уме? У нас каждая минута на счету!

Осторожно выглянув из-за угла, мы свалились с высокого крыльца в снег и быстро пошли обратно, надеясь, что Лида не догонит нас на полпути. О том, чтобы остаться с ней наедине в замерзшем лесу, даже подумать было жутко.

Дома было тепло и уютно, хотелось стянуть с себя все одежды и залезть в горячую ванну, а не бегать по морозу, но я лишь тяжело вздохнула и сильнее прижалась к печному боку. Может плюнуть на все и сидеть вот так, не думая ни о чем? Кто мы такие, чтобы бороться с этой лавиной зла в одиночку?

— Давай, не спи! — Танька сунула мне кружку с чаем и залежавшийся сухарь. — У тебя вообще ничего сладкого нет! Нужно пирог сегодня испечь. С яблоками, например или с малиной.

— Как ты умудряешься еще и о пирогах думать... — сонно произнесла я. — В тебе столько активности... Раздражаешь прям.

— И хорошо! — заявила подруга, отпивая горячую жидкость и морщась. — Тебя никто, кроме меня не расшевелит.

— Ты хоть знаешь, где эта ведьма живет? — от обжигающего чая, я начала приходить в себя, представляя, как мы требуем от ошалевшей старушки, чтобы она колдунов воскресила. Пошлет нас куда подальше или собаку спустит.

— Найдём! В Алексеевке ее каждая собака знает! — Танька абсолютно не заморачивалась по этому поводу. — Спросим у людей. Язык до Киева доведет.

Может язык бы и довел нас до Киева, но дорога в Алексеевку, была куда более трудной. Соседняя деревня находилась недалеко, нужно было пройти широкое поле, на котором летом зрела пшеница и миновать лесочек с редкими, грустными осинами. Поздней весной, летом и частично осенью, это даже могло принести удовольствие, но вот в остальное время, когда начиналась распутица или все засыпало метровыми сугробами — сие путешествие, казалось пыткой. Вот и в этот раз мы брели в заснеженной безмолвной тишине, слыша, как где-то противно каркает ворона.

Раскрасневшиеся, с мокрыми носами, мы еле добрались до осинника и, обхватив руками заиндевелые стволы, повисли на них, стараясь унять тяжелое дыхание. Мне хотелось выразить свои чувства крепкими словечками, но я благоразумно молчала, все-таки я девушка с высшим образованием как-никак!

— А еще обратно идти... — прохрипела я и одарила Таньку убийственным взглядом. — Тань, если мы зря прёмся туда, не обижайся.

— Будто это одной мне надо! — буркнула она и "отлипла" от дерева. — Пошли. Мороз крепчает.

Алексеевка выглядела уныло и мрачно. Даже сияющий наряд зимы не красил ее. Покосившиеся домишки, скрипучий журавель на черном колодце и худые собаки, выглядывающие из дыр в заборах. Все это навевало тоску и безотчетный страх, будто шли мы не по жилой деревне, а по кладбищу.

— Никогда мне не нравилась эта Алексеевка! — Танька передернула плечами. — Неприятная деревенька! Мурашки по коже от нее.

С этим нельзя было не согласиться, я тоже всегда испытывала смешанные чувства, когда приходилось бывать здесь. Отчего такие чувства овладевали мною, понять было сложно и я, просто старалась меньше ходить сюда.

Приметив старуху, одиноко бредущую по дороге, я подтолкнула Таньку и кивнула в ее сторону:

— Давай у нее спросим. Где тут еще людей искать?

Мы ускорились и, догнав бабульку в цигейковом полушубке, громко поздоровались. Она обернулась, опираясь на клюку, и сощурила ясные, пронизательные глаза:

— И вам не хворать. Вижу лица незнакомые. Пришлые девки.

— Мы из соседней деревни, — Танька улыбнулась ей, но старуха, даже бровью не повела, оставаясь такой же серьезной. — Можно вопрос вам задать?

— Задайте, — она нетерпеливо затопталась на месте. — Только недолго, а то у меня времени нет.

— Нам... ммм... ведьма нужна, — выдавила из себя Танька и я грешным делом подумала, что старуха сейчас или рассмеется ей в лицо, или даст палкой по башке. Но к моему удивлению, бабка пожевала нижнюю губу и сказала:

— За мной идите. Сестра я ейная.

Вот так дела! Такого удачного стечения обстоятельств мы точно не ожидали. Пристроившись позади довольно активной старушки, мы радостно переглядывались, а она резво шагала по снегу, размахивая палкой, чуть ли ни на метр вперед. Вид у нее был довольно колоритный, с такими ведьмовскими штучками, о которых часто пишут в детских книгах — одна бородавка на носу, одна на подбородке, из которой торчала толстая, седая волосина, острый зуб, приподнимающий верхнюю губу и кустистые черные брови, с редкой проседью.

— И зачем вам, моя Лукася понадобилась? — вдруг спросила она, взглянув на нас через плечо. — Неужто приворот? Или гадание на судьбу?

— Нет, — я покачала головой. — Ни то, и ни другое.

— О как! Порча что ли? — старуха зацокала языком. — Эх, бабы, бабы... Лезете вы куда не надо, а потом плачете!

— И не порча это, — возмущенно возразила Танька. — Мы таким не балуемся!

— А что ж тогда? — бабка удивленно остановилась. — Отсушка? От водки зелье?

— Нет, — мы засмеялись, глядя, как она перебирает варианты. — Нам нужно нечто, более сложное.

— Более сложное... — проворчала старуха, разглядывая нас оценивающим взглядом.. — Чего уже придумали...

Мы завернули в проулок и уперлись в забор из покосившихся досок, за которым притаился небольшой домишко, с синими ставнями и белеными стенами. Несмотря на древний вид, домик был ухоженным с чистым двором и вполне крепкими сараюшками.

Старушка распахнула двери, и первая вошла в темноту коридора. Моих ноздрей коснулся запах трав и сладковатой ванили. Включив свет, бабка снова показалась в дверном проеме:

— Проходите. Я сейчас Лукасе скажу, что клиентки пришли.

Она скрылась за цветастыми шторками, а Танька хмыкнула:

— Клиентки... И где только услышала...

— Ну а что? Лукася эта, услуги ведь оказывает, значит, мы клиенты Бизнес мутит... — прошептала я, разглядывая небольшой чистый коридорчик. — Смотри как чистенько. Молодцы бабули.

Шторки зашевелились, и мы снова увидели нашу новую знакомую.

— Пошли. Ждет.

С непонятым трепетом мы двинулись за старушкой и, миновав большую комнату с

круглым столом и часами-ходиками, оказались в маленькой кухоньке с весело горевшей печью и мурчащим котом на подоконнике. Возле печи стояла еще одна старушка в черном платке и белоснежном переднике. В ее руках была большая ложка, которой она что-то помешивала в закопченном котелке, и по комнате расплывался малиновый дух. Старуха посмотрела на нас и у меня по спине побежали мурашки страха — взгляд ее, был таким цепким и пронзительным, что становилось не по себе. В отличие от сестрицы она выглядела довольно благолепно, но я сразу поняла, что это обманчивое ощущение.

— Кисель любите? — неожиданно поинтересовалась она и я кивнула, не зная, что сказать. — Это хорошо. Садитесь за стол.

Мы боязливо уселись на выкрашенные голубым табууреты и сложили руки на коленях, будто школьницы.

Лукася налила нам по стакану киселя из желтой кастрюли и села напротив.

— И чего надобно от меня? Глаза испуганные, руки нервные, не иначе как злом пришли. Только за зло я беру много — самой потом "отмываться" тяжело.

— Мы с необычным делом. И не зло это, — сказала Танька и замолчала, видимо не зная как объяснить наши хотелки. — Скажите, а можно человека воскресить?

— Что??? — ведьма уставилась на нас, как на ненормальных. — С ума сошли что ли??? Какого еще человека???

— Люди эти, могут как раз настоящее зло остановить! — быстро заговорила Танька. — Беда будет, если оно выберется из мира мертвых!

Лукася не сводила с нас хмурого взгляда и перебирала в руках длинную ленту с узелками.

— Вот чую, что вы с болью своей пришли, с переживаниями, а в толк взять не могу, что от меня хотите, — сказала она и перевела взгляд с меня на Таньку. — Призвать могу человека, а вот из мертвых поднять — нет у меня такой силы. Да и вообще, есть ли она у кого-то? Пейте киселек-то.

Мы с Танькой взялись за кисель, а она снова вернулась к своему котелку.

— Пусть призовет тогда! — горячо прошептала мне на ухо подруга. — Может они, как и Лида, живые! Может, в мире этом находятся, да не знают, что оборотни опять в нашей деревне кучкуются!

— Серьезно? — я скептически взглянула на нее. — Вот сейчас ты фигню городишь!

— Пусть призовет! — прошипела Танька и я пожала плечами, понимая, что взывать к разуму моей чересчур активной подруги, бесполезно.

Глава 16

— Что думаете, сидите? — ведьма сняла свое варево с печи и повернулась к нам. — Домой пойдете, или еще чего решили?

— Призовите тех, кто нам нужен! — воскликнула Танька и испуганно вцепилась в стол. — Мы вам заплатим!

— Так вы мертвых хотели, или не так? — старуха прищурилась. — Если сейчас я мертвых призывать буду, кто знает, что случиться может!

— А если вы их не призовете, то тогда точно всем кирдык будет! — парировала Танька и, чтобы поддержать ее, я сказала:

— Вы понимаете, здесь зло появилось, пострашней, чем мёртвые, которые на ваш призыв придут.

— А рассказать мне все, от начала до конца — не хотите? — Лукася хмурилась, и было видно, что она сомневается.

— Мы бы с удовольствием, вот только не хотим, чтобы раньше времени кто-то пострадал, — выдала Танька, глядя на ведьму жалобными глазами. — Ну, пожалуйста...

— Что ж, хорошо, — неожиданно согласилась ведьма. — Я призову. Только запомните, если явившиеся на мой зов, чего захотят, отказать вы им не можете. А если откажете — все прахом пойдет.

— В каком смысле, "чего захотят"? — это условие меня немного напрягло.

— А вот так вот, — старуха сложила руки на животе и повела бровями. — Побочный эффект. Призывать я буду по вашему желанию, значит, с вас и спрос.

— Да и черт с ним! — Танька горела желанием вернуть колдунов и была готова на все. — Исполним мы их просьбы!

— Погоди, погоди! — я все же не спешила соглашаться на заведомую авантюру. — А если мы что-то не исполним из того, что они захотят?

— Тогда, станут все наперекор вам делать, — объяснила Лукася. — На противное. Нужны ли они будут в таком случае? Вы же для дела серьезного, их призвать хотите, а повернется всё в другую сторону — вззоете. Это я вам точно говорю.

— Да что они от нас захотеть могут? — Танька раздражённо заерзала на табурете. — Нормальные люди ведь! Призывайте!

— Хорошо, — вздохнула ведьма и полезла в ящик старинного буфета. — Я предупредила, а вам решать. Только, что выйдет из этого, одному дьяволу известно.

От ее слов мне стало не по себе, я взглянула на Таньку, но та старательно отворачивалась, и мне стало понятно — от этой затеи подругу никто не отговорит. Даже я.

А Лукася уже разложила на столе странные вещи и принялась стучать пестиком в деревянной ступке, размельчая какую-то траву. Я окинула взглядом все, что лежало передо мной, и увидела несколько сушеных летучих мышей, такую же жабу с высунутым языком, плесневелые ягоды в стеклянной баночке и желтоватый рог с обломанным концом.

Ведьма поставила на стол, большую, с закопченными стенками кастрюлю и, высыпав туда траву, подожгла ее. По комнате поплыл едкий дым, раздражая слизистые, и мы закашлялись.

— Ничего, терпите, — усмехнулась Лукася и, выдернув у жабы язык, швырнула его к траве. — Сами это затеяли...

В кастрюлю полетели когти летучей мыши, ягоды, целый рог и под конец, прошептав какое-то заклинание, ведьма плюнула на все это дело и в кастрюле громко зашипело.

— Имена их говорите! — крикнула она и дрожа от непонятого возбуждения, я заглянула в кастрюлю:

— Прохор! Корней!

Дым вытянулся в узкую, плотную струйку и просочился в предусмотрительно открытую форточку. Поднялся ветер, загудел на чердаке и несколько раз хлопнули ставни, пугая нас до колик в животе. По дому пронесся сквозняк, в котором слышался чей-то неразборчивый шепот, и я резко обернулась, готовая увидеть что угодно. Но в доме снова воцарились тишина и покой.

— Все. Ждите теперь, результата, — ведьма закрыла кастрюлю крышкой и засунула ее под стол. — Обратного пути уже не будет.

— Сколько мы вам должны? — тоненьким голоском, спросила Танька, но Лукася отмахнулась:

— Себя берегите. Потом рассчитаемся.

Мы поблагодарили ее и, увидев в дверях кухни сестру Лукаси, встали. Старушка провела нас до самой калитки и, закрыв ее за нами, сказала:

— Осторожнее будьте. Призывная магия работает так, что сама ведьма результата не знает.

Переглянувшись, мы пошли прочь, сутулясь от холодного ветра, и я вдруг подумала: А не сделали ли мы хуже?

Возможно, и Танька думала так же, но признаться в этом она конечно не могла.

— Вот придут зомби, будешь им о Лидке рассказывать, — сказала я, и подруга резко повернулась ко мне:

— Какие зомби? Ты чего???

— Так уже и кости их истлели, — объяснила я, своей активной подруге. — Какие же они придут?

— Не так все будет! — она нервничала, и это было видно невооружённым взглядом.

— А ты откуда знаешь, как? — я остановилась и потерла замерзшие щеки. — Если даже ведьма не знает!

— У меня предчувствие! — не унималась она и, схватив меня под локоть, потащила дальше. — Пошли уже! Ты видишь, как погода испортилась!

Действительно, непогода разыгралась не на шутку и разговаривать, когда в рот залетал снег, было не очень удобно. Закрыв шарфами носы мы потопали вперед и когда блёклый, туманный шар солнца опустился к горизонту — вышли к первым домам своей деревни.

Я даже застонала, стоило мне присесть возле печки и вытянуть ноги. Это было невероятное удовольствие. Танька сняла с себя валенки, а потом стянула с меня, чем заслужила мою искреннюю благодарность.

— Спасибо. Ты — настоящий друг.

— Давай поспим, — она громко и широко зевнула. — Нам отдых нужен. Неизвестно, что нас в будущем ждет. Вечером чего-нибудь приготовим и поедем хорошенько, но сначала — сон.

Я была не против и быстренько раздевшись, плюхнулась на диван, вдыхая родной, уютный запах своих подушек.

Мне снились оборотни, кладбище и Прохор с Корнеем отчего-то обряженные в черные

мантии. Они размахивали орущим петухом и распевали песни.

Я проснулась и резко села, сообразив, что за окном громко орет соседский петух — эта придурашная птица всегда вопила позже всех. Иногда, я даже думала, что у него сбился отсчет куриного времени.

Танька сопела рядом, было зябко и, опустив ноги на холодный пол, я поняла, что печь потухла. Сонно моргнув в сторону настенных часов, я удивленно присвистнула — семь! Мы легли после обеда и проспали до самого утра! Но это было вполне объяснимо — слишком уж много свалилось на наши головы и привычная, спокойная, скучная жизнь, превратилась в бесконечную беготню и переживания.

Осторожно, чтобы не разбудить Таньку, я оделась и, накинув старое пальто, пошла за дровами, захватив большую корзину. Нужно было приготовить завтрак, сварить кофе, да и остывшие стены не располагали к уюту. Спускаясь с крыльца, я размышляла о том, что обязательно надо натаскать дров на веранду — кадушка опустела, а бегать на улицу за каждой охапкой — дурная работа. Сделав с десяток шагов к сараю, я услышала голоса и остановилась, прислушиваясь. В соседском дворе? Так не живет там никто... Лет десять уж, как дед Тимофей помер. Но голоса действительно доносились с соседской усадьбы. Я сначала подошла к калитке и выглянула на дорогу — ого! Возле палисадника покойного Тимофея, стоял шикарный "гелик", на мощных колесах и отсвечивал полированными боками под тусклым утренним светом. Изнывая от любопытства, я протиснулась между своим сараем и соседским забором и заглянула в чужой двор, надеясь хоть одним глазом увидеть тех, кто прорвался на этой чудо-машине в нашу занесенную снегом, деревню.

— Гав!

От неожиданности я закричала и, отпустив штакетины забора, рухнула в снег. Но когда мои глаза устремились вверх, я чуть в обморок не упала, увидев Прохора. Он стоял по ту сторону и смотрел на меня с насмешливым интересом. Испуг начал проходить и я даже обрадовалась, поняв, что призыв Лукаси сработал, но тут же во мне зашевелилось подозрение — что-то было не так. Эти глаза с каким-то злым, агрессивным блеском, ухмылка — надменная и ехидная и татуха, опутавшая смуглую шею заковыристым узором...

— Любопытные деревенские жители пожаловали... — мужчина оскалился, показывая белоснежные зубы. — Да, бабуля?

Бабуля?! Я вскочила на ноги, заливаясь краской стыда и обиды. Если я в платке и старом пальто, значит — бабуля?! Пока я задыхалась от возмущения и подыскивала правильные слова, к забору подошел еще один мужчина и, конечно же, им оказался Корней. Высокий, в кожаной куртке, подбитой мехом, с выбритой головой и рыжей ухоженной бородой, он разительно отличался от того Корнея, которого я знала.

— Что тут? — его равнодушный взгляд скользнул по мне. — Аааа... Местный колорит. Они засмеялись и исчезли за забором, хрустя снегом в сторону дома.

Дрожа от удивления, возмущения и злости, я покидала дрова в корзину и помчалась домой, горя желанием "обрадовать" подругу.

Танька уже проснулась и сидела возле чайника, закутанная в одеяло.

— Ты где ходишь? Холодно...

— Ну что, танцуй, — я швырнула корзину с дровами на пол. — Сработал ведьмин призыв!

— Как сработал? — Танька побледнела. — Корней с Прохором здесь?

— Вот это уже, другой вопрос! Они ли это!

Глава 17

— Это как? — Танька даже из одеяла вылезла. — Ты их видела?

— Как тебя! — я даже кулаки сжала, вспомнив их наглые лица. — Но эти, совершенно отличаются от тех, Прохора и Корнея!

— Все равно я не пойму... — подруга начинала злиться. — Ты можешь толком объяснить?!

— Приехали они на "гелике", раздетые, в татухах все! — объяснила я и добавила: — Не наши это! Хоть и похожи очень!

— Что же это творится! — Танька помчалась к вешалке и, натянув шубейку, схватилась за дверную ручку. — Сейчас я сама посмотрю!

Я, конечно, не могла отпустить ее одну, ведь все происходящее набирало какие-то чумовые обороты, и бросилась за ней.

Подруга выскочила из калитки и, нахмурившись, уставилась на автомобиль.

— Вряд ли, колдуны из прошлого сразу сюда на "гелике" свалились!

Она обошла машину, заглянула в тонированные стекла и потянулась было к ручке, но все же не рискнула — убрала руку.

— А я тебе о чем! — выдохнула я. — Не наши это!

Танька подошла к соседскому забору и закричала, повиснув на шпакетинах:

— Хозяева! Эй!

— Ты что затеяла??? — я испуганно посмотрела в чужой двор. — Зачем ты их зовешь???

— Нужно разобраться! Мы же должны знать, кто на этот призыв явился?!

— В лоб спросим? — поинтересовалась я, но Танька не успела ответить, так как на дорожке, ведущей к калитке, показался Корней. Он шел вразвалочку, засунув руки в карманы спортивных штанов, и выглядел таким холеным, что мне стало дурно. Пижон!

— Что? — он уставился на нас тяжелым взглядом, и Танька на секунду растерялась, а потом сказала:

— Мне вот подруга сказала, что в соседнем дворе, люди чужие ходят...

— И? — выражение его лица так и оставалось холодным и неприступным. Но я вдруг поняла, что в нем есть нечто глубоко скрытое, какая-то темная сущность, проглядывала из этих ледяных глаз.

— Что, "и"? — Танька недоуменно моргнула. — Вы родственники Тимофея покойного?

— А хоть и родственники, — хмыкнул мужчина. — Это все?

— Нет, — подруга явно нервничала, раздражаясь от такого общения. — Меня — Таня зовут, а подругу — Валя. Мы живем по соседству.

— Слушайте, Таня с Валец, — он взялся руками за колышки забора и наклонился к нам. — Шли бы вы домой.

Я смотрела на эти чистые, красивые руки, на одной из которых блестело кольцо с волчьей мордой и меня начинал пробирать страх. Что мы наделали?

Танька открыла, было, рот, чтобы возразить, но я схватила ее и потащила прочь. Уже во дворе я прошептала:

— Не стоит закусываться с ними! Не простые они!

— Да, ты права, — согласилась она и покосилась на соседский забор. — Пойдем домой.

Растопив печь, мы сварили кофе, и пока жарилась яичница, сустились возле шторки,

пытаясь разглядеть, что творится у соседей. Окно из спальни смотрело аккуратно на их двор, но там была тишина.

— И как теперь узнать, кто это? — Танька уныло ковыряла вилкой яичницу. — По внешнему виду — точно Корней, но вот внутри у него...

— Ты тоже заметила? — встрепенулась я. — Такое ощущение, будто в нем тоже колдовское что-то есть.

— Как же все запутано! — простонала подруга и швырнула вилку на стол. — И самое обидное, что мы не при делах!

Послышался звук подъезжающего автомобиля и, не сговариваясь, мы бросились к окну. К соседскому дому подъехала Нива председателя, и из нее собственной персоной вывалился Николай Лаврентьевич, сжимая подмышкой портфель. Его красное лицо выражало ярую заинтересованность и напор.

— Нет, ну можно спокойно позавтракать! — возмутилась Танька и снова помчалась к вешалке за шубейкой. — Пошли, послушаем!

Притаившись возле сарая, мы наострили уши и вскоре услышали голоса.

— Приветствую, приветствую! — загудел председатель своим "трубным" баритоном. — Наконец-то! Прибыли!

— Николай Лаврентьевич? Угадал? — раздался голос Прохора, и Танька закатила глаза, закусывая губу.

— Именно так! — подтвердил председатель и подобострастно поинтересовался: — Прохор Андреевич? Ага, ага... Я ведь, только Корнея Алексеевича имел счастье лицезреть и то, по скайпу! Вы вчера так неожиданно позвонили! Я растерялся! Но сразу сообразил, что нашей деревне очень не хватает пасеки и сыроварни!

Голоса начали удаляться, видимо Прохор повел его в дом, а мы переглянулись.

— Пасека и сыроварня??? — я нахмурилась, стараясь понять, что к чертям происходит. — Ты что-нибудь понимаешь???

— Эти Корней и Прохор после вчерашнего призыва резко захотели в нашей деревне, бизнес организовать! — зашептала Танька, и тут же пожав плечами, протянула: — Получается, что они из этого мира? Ой, дурдооом...

— И как они нам помогут Лидку уничтожить?? — это меня заботило, сильнее всего. — Пчел на нее натравят?

— Пасека и сыроварня — это прикрытие! — зашептала подруга, зыря на меня влажными от возбуждения глазами. — А сами они, другими делишками занимаются!

— Да пусть они, чем хотят, тем и занимаются! — прошипела я. — Нам-то они, как помочь могут?!

— Не знаю. — Танька насупилась, а потом вдруг замерла и сказала: — Слышишь? Это что, телефон звонит?

Действительно, в доме звонил телефон и, выбравшись из своего укрытия, мы поплелись обратно.

— О, Раиса Львовна... — подруга посмотрела на экран своего телефона, который перестал звонить, и подошла ко мне. — Что ей надо?

— Небось обзванивает всех, чтобы концерт не вздумали игнорировать, — недовольно предположила я, вспомнив Раису — завклуба, с ее вечно удивленно-приподнятыми бровями.

— Точно! — Танька скривилась. — Я и забыла, что сегодня концерт к двадцать третьему февраля! Туда ещё перетяся... Давай не пойдем!

— Ага, как же! Раиса потом весь мозг выключает, — я уселась за стол и подпёрла кулачком голову. — Перезвони ей, а то не дай Бог, сама явится. С нее станется...

Танька вздохнула, но перезвонила, и как только раздался голос завклуба, включила громкую связь.

— Татьяна! Алло! Алло!

Подруга покачала головой, и устало произнесла: — Да, Раиса Львовна.

— Ты помнишь, что сегодня концерт?! Явка обязательна! — завклуб трещала противным голосом, от которого у меня сводило зубы. — Билет — двести рублей! Слышишь, Татьяна?!

— Сколько??? — Танька возмущённо уставилась на экран. — Чтобы послушать революционные песни Доси и рассказ моего коллеги о спаривании коз?!

— Так, ты мне тут не умничай! — разозлилась Раиса. — Танцы еще будут! Знакомство с бизнесменами, которые в нашей деревне сыроварню организуют! Чтоб была! И подруги твоей, это тоже касается! Я всё сказала!

Послышались гудки, и Танька раздражённо засунула телефон в карман шубейки.

— Все не слава Богу! Сейчас нам только на концерты ходить!

— Ну а что, — я вдруг подумала, что это неплохая идея. — Заодно на наших новых соседей посмотрим, послушаем их... Как эти грубияны с людьми беседовать будут.

— Когда она уже успела их на свой шабаш пригласить? — изумилась Танька. — Вот же неугомонная!

— Да скорей всего, председатель договорился и ей позвонил, — догадалась я. — Ты слышала, как он перед этими "сыроделами", прогибался?

— Денежки ему посулили, вот и носится с ними как с писаной торбой! — возмущенно воскликнула Танька. — Только не знают они, что это мы их сюда позвали!

— Мы-то их позвали, да только чудится мне, что у этих Корнея и Прохора, свое на уме. Помогли мы им и только.

— Думаешь, фигну мы сделали? — прошептала подруга и в ее глазах, снова промелькнул страх.

— Кажется да...

Как бы ни было, но дело уже сделано и оставалось, лишь подстраиваться под грядущие события, что мы и собирались делать.

Под вечер, морозец окреп, и окна покрылись плотным белым узором, сверкающим под светом торшера. Мы перебирали вещи, разбросанные на диване, и не могли прийти к единому мнению.

— Я предлагаю пойти в джинсах, — гнула я своё, но Танька, лишь отмахивалась:

— Нет! Нужно выглядеть достойно!

— Перед кем? — мне не хотелось наряжаться в неудобные шмотки, чтобы красоваться перед кучкой деревенских жителей.

— А Прохора с Корнеем ты уже со счетов сбросила? — удивилась подруга, прикладывая к себе платье из мягкой ангоровой шерсти.

— Ты их видела??? Они на нас как на деревенских дурочек смотрят! — я попыталась остудить ее пыл. — Это тебе не колдуны из прошлого!

— Мы их вызвали, значит, какое-то отношение к колдунам, они все-таки имеют! — Танька мечтательно улыбнулась. — Просто нужно подход к ним найти!

— Ты еще не забудь, о чем нас ведьма предупреждала! — напомнила я ей. — Мы

должны делать все, что они захотят! Осторожнее нужно быть!

Танька быстро взглянула на меня — похоже, что в ее голове эта информация благополучно потерялась.

Наложив макияж и, оросив себя новыми духами, мы закутались в шали, натянули шубейки и валенки. Танька добилась своего, и мне пришлось уступить ей и надеть платье. Только теперь, я весело, чуть ли не вприпрыжку бежала по сугробам, чувствуя, как острые иголки мороза впиваются в мои коленки. Клуб издалика светился окнами, и было видно, как по белоснежному покрывалу тянется народ, предвкушая развлечение. По моему мнению — очень сомнительное...

Сдав в гардероб верхнюю одежду и, оплатив свое присутствие на этом празднике, мы уселись в первом ряду и приготовились к просмотру. Танька скомкала шаль, чтобы подложить ее под голову, а я, съехала чуть ниже, устраиваясь поудобнее. А если честно, мы надеялись немного подремать.

На деревянную сцену, вышла Раиса и, тряся шиньоном, радостно объявила:

— С праздником, наши дорогие мужчины! Концерт, начинается!

— Четко и по делу, — хмыкнула Танька и зевнула. — Ей только концерты вести.

Я повернула голову и сразу же заметила фельдшерицу, она сидела через два кресла от нас и внимательно смотрела на сцену, словно на нее должен был выйти Лепс или на худой конец, какая-нибудь звезда областной филармонии.

Одета она была в светлый свитерок и темную, чуть выше колен юбку, открывавшую стройные ноги в узких сапожках. Милые локоны вокруг симпатичного лица придавали ей вид невинной школьницы, и меня просто передернуло от возмущения — притворщица!

— Смотри! Колдуны здесь! — прошептала Танька, тыча меня в бок, и я посмотрела в другую сторону — действительно, Прохор и Корней аккуратно двигаясь мимо первого ряда, подошли ближе и уселись рядом с нами.

Оба мужчины были в джинсах и теплых свитерах, с одним различием — у Прохора свитер был черного цвета, а у Корнея — тёмно-синего. Повяло шикарным парфюмом и я заметила, как Танька покосилась на них, недовольно поджав губы. Лишь один раз Корней взглянул в нашу сторону и сразу же заинтересовался Леной-Лидой, даже не удосужившись поздороваться. Он выглянул из-за нас несколько раз и раздражённо уселся обратно, мы видимо мешали ему. Ну и пересели бы ближе к этой чертовой фельдшерице!

В это время на сцену вышла баба Дося и устроившись на стуле, который ей предусмотрительно вынесли, поставила на колени баян. Немного почмокав губами, она растянула меха и грянула:

— *"Слышали деды — война началась. Бросай свое дело, в поход собирайся! Смело мы в бой пойдем за Русь Святую и как один прольем кровь молодую!"*

Эту песню Дося пела на каждом концерте независимо от повода, будь-то день Победы или восьмое марта и никто не осмеливался предложить ей сменить репертуар. Я снова посмотрела на мужчин, сидевших рядом, и увидела, что они улыбаются, с трудом сдерживая смех. Конечно, Досина "Святая Русь" достала уже всех и меня в том числе, но их усмешки мне были неприятны. Вот не имели они права смеяться над Досей! Она наша и смеяться могли только мы!

— Что смешного? — я не выдержала и, выглянув из-за Таньки, одарила колдунов, возмущенным взглядом. — Вообще-то, человек старается!

Корней, удивленно взглянул на меня и, не переставая улыбаться, шепотом спросил:

— Одноклассница выступает?

Я даже рот раскрыла от подобной наглости, а Прохор хохотнул в кулак.

— Не могли бы вы отсесть??? — прошипела Танька, вспыхнув от злости, но Прохор немного склонился к ней и сказал:

— Если вам что-то не нравится, вы всегда можете уйти.

— Не связывайся с ними! — я поняла, что с этими, непонятно откуда взявшимися

хамами, мы общего языка не найдем. — Они же грубияны!

— Подруга права, — кивнул Прохор, услышав мои слова. — Лучше не связывайтесь.

Все происходящее напоминало какую-то не очень смешную комедию, а появление Лиды, вносило в эту комедию элементы ужасов. Настроение испортилось катастрофически, и концерт стал похож на пытку. После Доси выступило трио "Кулебяка" — три пенсионерки спели "Там, где клен шумит" и "Оренбургский пуховый платок", а потом, Раиса лично декламировала стихи Бродского.

Фельдшерица сидела все в той же позе страшной заинтересованности к происходящему, но один раз я все же поймала ее любопытный, изучающий взгляд, брошенный на колдунов. Резко повернув голову, я увидела, что Корней тоже смотрит на нее и в этот момент у меня все перевернулось внутри. Только этого не хватало! Неужели они нравятся друг другу??? Интересно, знает ли фельдшерица их? Нас? Помнит из прошлой жизни или это другая Лена-Лида??? И тут на меня "свалилось" прозрение, от которого я чуть не подскочила на месте: они все, и фельдшерица, и Прохор с Корнеем — потомки участников тех давних событий, такие же, как и я — потомок Григория Плясова!

Не в силах держать эту информацию в себе, я склонилась к Таньке и зашептала ей на ухо все, что пришло мне в голову. Тем временем Раиса, распалившись от своего же выступления, орала со сцены:

— *Как хорошо, что некого винить, Как хорошо, что ты никем не связан, Как хорошо, что до смерти любить Тебя никто на свете не обязан!!!*

— Точно! Как же ты права! — воскликнула Танька, выслушав меня, и испуганно замолчала, глядя, как все головы поворачиваются в ее сторону. Завклубша изумленно уставилась на нее, а потом, недоуменно протянула:

— Это не я, а Бродский...

— Он очень прав, — подруга покраснела и вжалась в кресло. — Аж за душу взяло.

Сбоку от нас раздался хохот, и я с тихой яростью посмотрела на колдунов — Прохор, смеясь, запрокинул голову, а Корней хлопал себя по колену, гогоча на весь зал. Остальные тоже начали посмеиваться, даже фельдшерица мило улыбалась, скаля свои красивые ровные зубы.

Домямлив стихотворение до конца, Раиса пригласила на сцену Прохора и Корнея, объявив, что новые жители деревни поведают о своих планах по поводу бизнеса и расскажут, как всем нам станет хорошо жить.

Мужчины поднялись на сцену и довольно четко и ясно рассказали о том, что хотят отстроить заимку в лесу и открыть там сыроварню, а вместе с ней и пасеку. По их мнению, сыр будет пользоваться невероятным спросом и деньги потекут рекой, что, конечно же, отразится и на процветании самой деревни.

Все восхищенно слушали их, разинув рты, но мы с Танькой скептически относились ко всем этим обещаниям, ведь прекрасно знали, что появились они здесь не просто так и чьими потомками являлись. Им задали несколько вопросов, и Раиса пригласила мужчин остаться на посиделки, мол, столы уже накрыты и жители деревни будут рады пообщаться в непринужденной обстановке. Свою лепту в виде двух банок домашней тушёнки, огурцов и домашнего вина, мы внесли еще месяц назад и теперь имели полное право гулять со всеми, хотя, не очень-то и хотелось.

— Останемся, — Танька не спускала с колдунов взгляда. — Мы должны быть в курсе всего происходящего!

С предвкушающими гулянье односельчанами, мы потянулись в соседний зал, выполняющий функцию банкетного, и как только расселись за столами, услышали визгливый голос завклуба.

— Благодаря Прохору и Корнею, на нашем столе появятся деликатесы! — Раиса сияла как лампа Ильича. — Наши дорогие гости пожаловали с гостинцами!

В комнату внесли ящики с вином, мясными нарезками, фруктами и дорогими консервами, отчего неизбалованные жители радостно загудели.

— Вот же показушники! — прошептала Танька, с неприязнью наблюдая за тем, как все это великолепие расставляют на столах. — Где и взять-то успели???

— И не говори! — согласилась я. — Призвали на свою голову! Их предки такими не были!

— Нужно к Лукасе сходить, — вдруг заявила Танька. — Может она, чего нового скажет. Посмотрит в свои предсказульки!

Тем временем колдуны устроились рядом с фельдшерицей, по очереди ухаживая за ней и было видно, что ей это нравится. Зато нас все это, раздражало невероятно.

— Видимо, придется самим с этой Ленкой разбираться! — прошипела подруга, зыря на смеющуюся троицу. — Какой толк от них?! Хоть собирайся и на болото иди!

— Зачем?? — на болото не хотелось, и я быстро предположила альтернативу: — На болото нужно не просто идти, а за этой проследить, чтобы понять, зачем она туда бежит!

— Точно! — Танька моментально поддержала мою идею. — Засядем возле медпункта, и как только она выйдет, пойдем за ней!

И вот тут случилось следующее... Моя тетка, с хрустом жуящая квашеную капусту, вдруг сказала:

— А вы знаете, что в Алексеевке дитёнок пропал?

В этот момент, в теплый зал, будто зима пробралась, и повеяло ее морозным дыханием по плечам и затылкам.

— Как пропал? — я почувствовала, как у меня холодеют ноги. — Когда???

— Так сегодня утром, — охотно ответила она. — Я ходила в Алексеевку, чтобы кроля купить у Сидорихи, а там суета! Девочка в первый класс должна была пойти в этом году... Маша, вроде как звали... Мамка ее в магазин за хлебом послала и не вернулась бедняжка. Всю округу прочесали, но как сквозь землю провалился дитёнок.

Все загалдели, принялись обсуждать происшествие, а мы покосились на фельдшерицу, которая сочувственно кивала головой, слушая тетку. Но мы-то понимали, кто в этом замешан!

— Смотри-ка! Сразу за свое взялась! — Танька еле сдерживалась, чтобы не вскочить с места и не броситься на нее. — Неужели оживила все-таки, предка своего?! И несколько дней не прошло с ее появления, а уже дети пропадают!

— А если это Прохор и Корней? — от этого предположения мне самой стало не по себе. — Они ведь тоже утром появились...

Я ляпнула это и сама себе не поверила, но нужно было рассматривать все варианты, даже самые невероятные!

— И что, кинулись детей похищать? — Танька нахмурилась. — Не они это! Зачем им?!

— Да кто знает, что у этих сыроваров на уме? — я пожалала плечами. — Вдруг они к злу повернулись?

— А где они, кстати? — подруга завертела головой, ища Прохора с Корнеем. — Когда

они уйти успели?

Я тоже огляделась, но, ни Прохора, ни Корнея не увидела. Странно...

— Они исчезли, сразу после того, как тетка о девочке из Алексеевки сказала! — догадалась я и Танька побледнела.

— И что? Спасать помчались или перепрятывать? — она осторожно высунулась из-за широкой спины тракториста и прошептала: — Фельдшерица сидит, как ни в чем не бывало! И глазом не повела!

— Может она уверена в том, что девочку не найдут, вот и спокойная! — мне очень не хотелось верить, что колдуны причастны к этому происшествию. Пусть они были грубиянами и хамами, но ведь нельзя быть гадами, имея таких предков...

— Как жаль, что мы ничем помочь не можем! — вздохнула Танька. — Куда ночью бежать? Не на болото же...

Я не могла с ней не согласиться, ведь действительно, в этом не было смысла. Мало того, что помочь мы вряд ли бы смогли, еще бы и сами сгнули на болотах.

А за столом, уже говорили о другом, смеялись и поглощали халявные деликатесы, моментально забыв и о девочке, и о своих благодетелях.

— Пойдем домой? — прошептала Танька. — Не могу на эти рожи смотреть!

Никем незамеченные, мы покинули сие мероприятие и, забрав вещи из гардероба, потопали по искрящему снегу. Ярко светила луна, щипал щеки морозец, и я с тоской подумала, что где-то, замерзает бедный ребенок. Если он еще жив, конечно.

— Ты тоже о девочке думаешь? — подруга, будто прочла мои мысли.

— Да. Самое обидное, что от нас толка никакого, — вздохнула я. — Куда бежать? Где искать?

Танька молчала примерно пару минут, а потом сказала:

— А если она у фельдшерицы дома?

— В смысле? — я даже остановилась. — Ты сейчас предлагаешь влезть к ней в дом?

— А что? — Танька похлопала себя по бокам, согреваясь. — Все равно фельдшерица в клубе.

— Ты представляешь, что будет, если нас застукают?! — мне даже дурно сделалось от такой перспективы. — Это уголовное дело!

— Да какое там дело?! Вся деревня жрет на празднике! — хмыкнула Танька. — Они пока не выпьют все, что там имеется, из-за стола не выйдут!

Это было правдой, но кто мог дать гарантии, что Лидкина родственница не захочет уйти раньше!

— А если там ребенок погибает? — привела подруга контраргумент.

— Танькаааа... — простонала я, не в силах спорить с этим. — А ты знаешь, где она живет?

— Так в пристройке, возле медпункта. Где еще? — удивилась Танька. — Там всем врачам жильё выделяют.

Свернув с основной дорожки, мы направились в сторону кладбища и чем ближе подходили к медпункту, тем сильнее нервничали. Темнота, конечно, была хорошей подругой, но и пугала основательно, сворачиваясь густыми тенями под почерневшими заборами. Я даже представить не могла, как мы проникнем в закрытое помещение — не

разбивать же нам окна, в самом деле!

Сумрак и тишина царили возле медпункта, лишь тусклая лампочка тихо поскрипывала на обледеневшем проводе, освещая ступеньки и облезлую дверь. словно в готическом романе, увитые сухими ветвями перила, убегали в темноту, предостерегая нас, и мы остановились, глядя перед собой и не решаясь сделать первый шаг.

— И где здесь вход в пристройку? — зашептала я, чувствуя себя не очень уютно.

— Не знаю! Может нужно с другой стороны посмотреть? — предположила Танька и добавила: — Как можно жить в таком месте? У нее ведь окна на кладбище выходят!

— Так ей, наверное, нравится, — хмыкнула я. — Ее пейзажик.

— Я могу вам чем-то помочь?

От этого голоса по моему позвоночнику, промчалась стая ледяных мурашек, и медленно повернувшись, я увидела фельдшерицу, стоящую в нескольких метрах от нас. Она выглядела спокойной, на ее красивых губах играла легкая улыбка, но я чувствовала, исходящее от нее напряжение.

— О нет! — воскликнула Танька, и ее голос прозвучал на таких высоких нотах, что у меня зачесалось в ушах. — Мы в гости идем. А вы, почему не на празднике?

— Голова разболелась, — ответила она и шагнула к нам. — Хочется в тишине побыть. А здесь все способствует. Да?

К чему она это сказала? Намекает на что-то?

— Наверное, — ответила я, и мы тоже шагнули, только назад. — На любителя антураж.

— В гости, говорите, идете? — странная фельдшерица не оставляла попыток приблизиться к нам и с каждым шагом все сильнее укорачивала расстояние между нами. — Так все ведь в клубе.

Что ей нужно?! Чего она наступает на нас?! Я уже триста раз пожалела, что поперлась сюда, ведь помочь нам, было некому. Темнота, безлюдное место, кладбище... Если сейчас она вздумает убить нас, ей точно никто не помешает.

Ответить мы не успели — из темноты показался свет фар и через секунду, возле нас притормозил "гелик" соседей. Захлопали дверцы, и у меня даже дух перехватило, когда я увидела Корнея с ребенком на руках. Девочка была завернута в его куртку, лишь светлая косичка свисала наружу тоненькой ленточкой.

— Ребенку помощь нужна! — рявкнул Прохор и его взгляд, скользнув по нам, на секунду наполнился изумлением, но тут же его внимание переключилось на врачиху.

— Сейчас! Секундочку! — она бросилась к дверям медпункта и зазвенела ключами. — Сейчас! Сейчас!

Наконец, дверь поддалась, и они вбежали внутрь, а мы недоуменно переглянулись.

— Это что было? — Танька нахмурилась, поглядывая на "гелик", а потом, ломанула следом за ними. Все еще находясь под впечатлением от эффектного появления Прохора с Корнеем, я понеслась за ней и несколько раз упала на скользких ступеньках, кляня их, на чем свет стоит.

Из кабинета врача лился свет и, прижавшись к стенам по обе стороны дверей, мы заглянули внутрь. Девочка лежала на кушетке, а фельдшерица стягивала с нее курточку.

— Что случилось? Где вы ее нашли?

— На заимке, в груде старых одеял, — ответил Прохор. — Странно, что никто не додумался обыскать заимку! Ребенок болен и горит!

— Кто мог догадаться, что ребенок из Алексеевки, на нашей заимке? — прошептала

Танька и пожала плечами. — Хотя, наверное, должны были проверить...

— Вопрос — кто ее туда приволок? — шепнула я в ответ и задумчиво произнесла: — Кто-то искусно притворяется.

— Пошли отсюда, — подруга отлипла от стены и шагнула в темноту. — С девочкой все в порядке и вряд ли, что-то снова случится. Мы ведь видели, что ее принесли сюда.

Словно в подтверждение ее слов мы услышали голос врачихи:

— Я позвоню участковому, пусть придет. Нужно сообщить родным девочки. Но я настаиваю на госпитализации ребенка, похоже, у нее воспаление легких.

Домой мы вернулись замерзшие и злые. Но ясно было одно — фельдшерица скрывала свою истинную личину, и если бы не появление колдунов, то нам точно грозило знакомство с настоящей Леной.

— Мне на секунду показалось, что она нас сожрать хочет. — Таньку передернуло. — Я даже начала молитвы вспоминать!

— Я думаю, эта тварь, поняла, что Корней и Прохор отправились искать девочку, — сказала я и тут же, воскликнула: — А это говорит о том, что все-таки они что-то знают! Не могли они вот так, от фонаря, пойти и найти девочку на заимке! Значит, были уверены, что ее на болото потащили!

— Завтра пойдем к Лукасе! — твердо сказала Танька. — Нужно, чтобы она посмотрела, что внутри у этих потомков пришлых!

Громкий стук в дверь заставил нас, чуть ли не подпрыгнуть.

— Кого это принесло? — мои нервы были уже ни к черту, и я с опаской посмотрела в темный коридор.

— Надеюсь не врачиху! — замогильным голосом, прошептала Танька и, зыркнув на нее недовольным взглядом, я пошла к двери.

— Кто там?

— Соседи, — когда дверь распахнулась, я от неожиданности, чуть не упала. — Вечер добрый.

Они надвигались на меня, а я пятилась от них, пока не оказалась в кухне. Прохор вошел за мной, а Корней заполнил весь дверной проем своими плечищами.

Танька раскрыла рот, глядя на нашу "компанию" и, протянув руку, Прохор захлопнул его, надавив на подбородок.

— Что вы делали возле кладбища? — спросил он, когда возмущенная такой бесцеремонностью Танька, подскочила со стула.

— Не возле кладбища, а возле медпункта! — возразила я и тут же, опомнившись, протянула: — А вам какое дело?

— Подозрительные вы какие-то, — Корней сощурился, разглядывая нас. — Почему ушли с праздника?

— К любовникам на свидание спешили! — огрызнулась Танька. — Или нам отчитываться нужно?!

— На кладбище? — уточнил Прохор и, надувшись, она прошипела:

— А это уже наше личное дело, где интимные встречи устраивать!

— Судя по среднему возрасту мужской половины в вашей деревне, вы любите постарше, — ехидно произнес Корней и оскалился белозубой улыбкой. — Всех дедушек уже соблазнили?

— Вам как раз переживать не стоит! — Танька злилась и глотала по полслова. — Вы не

в нашем усе!

— Могу вас заверить, что ваши усы тоже не в нашем вкусе, — хохотнул Прохор, а Корней засмеялся следом, заставляя нас краснеть и злиться еще больше.

— А почему вас не интересует тот факт, что возле медпункта, мы не одни были? — я тоже прищурилась, глядя на Корнея. — Там и врачиха наша ошивалась.

— Насколько я понимаю, Лена живет там, — его губы изогнулись в презрительной усмешке. — А вот вы, зачем-то врете.

— А вы что, полиция, чтобы вам правду говорить? — к Таньке вернулась речь. — До свидания! Дорогу найдете?

— Я за тобой слежу, поняла? — перед тем, как развернуться и пойти к дверям, Прохор уставился на подругу злыми глазами и прошипел: — И если вы что-то скрываете...

— Не пойму, — громко произнесла я им вслед. — Когда вы из сыроваров в детективы переквалифицировались?!

— Змея, — услышала я и чуть не задохнулась от возмущения.

— Это он меня змеей обозвал?!

Утром, быстро позавтракав, мы отправились в Алексеевку, пылая праведным гневом. Гневались мы сами на себя, ведь ведьма предупреждала, что из этой затеи, может выйти не совсем то, что нам хотелось. Теперь перед нами стояла задача выяснить, кто явился на призыв и каким силам они поклоняются. Лукася должна была помочь, по крайней мере, мне так представлялось.

— Нужно что-то предпринять, — Танька злилась и шагала таким размашистым шагом, что я еле поспевала за ней. — Иначе, поднимет фельдшерица предка своего из болота и начнет ему людей скармливать! Две деревни рядом, если экономнее будут, хватит надолго!

— Вообще не смешно, — мне не нравились такие разговоры, но ждать действительно было нельзя. — Если сейчас Лукася скажет, что соседи наши хорошие, то я им все расскажу! Не справиться нам самим!

— А если нет? — Танька зыркнула на меня из-под ресниц. — Если плохие они, тогда что?

— Давай по мере поступления проблем будем их решать?

Мы остановились в осиннике, чтобы передохнуть и тут я заметила между деревьями женскую фигуру. Она быстро шла, ссутулив плечи и не глядя по сторонам. На женщине было синее пальто, темный платок, а на руках светлые пуховые варежки.

— Смотри, идет кто-то.

— Баба какая-то. Пусть идет, — отмахнулась подруга, погруженная в свои мысли. — И нам хватит стоять, пошли.

Я еще раз посмотрела в ту сторону, где была незнакомка, но там уже никого не было. Видимо женщина спустилась ниже, и теперь ее скрывал густой кустарник. Ничего подозрительного в этом, конечно, не было, но почему-то у меня екнуло сердце. Слишком подозрительной выглядела ее походка, будто крадучись, она шла от дерева к дереву, и явно ей не хотелось, чтобы ее увидели.

Алексеевка, как всегда производила гнетущее впечатление и, топая по пустой улице, мы тщетно пытались углядеть хоть кого-то. Будто вымерли все. Пронизывающий ветер закручивал снежные вихорьки и даже собаки не лаяли, учуяв чужих.

— Здесь вообще люди на улицу выходят? Или сидят в своих темных домишках, выглядывая из-за шторок... — прошептала я. — Мороз по коже от всего этого.

Калитка, ведущая во двор ведьмы, оказалась открытой настежь, и у меня внутри шевельнулся червячок подозрения. Но когда мы обнаружили, что дверь дома тоже распахнута, подозрения превратились в уверенность — что-то произошло. Это чувство, когда щемит от предчувствий внутри — было удивительно знакомым. И это было плохо.

— Хозяева! — Танька заглянула внутрь, не переступая порог, и позвала еще раз. — Эй! Есть кто?!

Из глубины дома раздался стон и, бледнея, мы переглянулись.

— Только не это... — прошептала я, пятой точкой, чувствуя неприятности. — Да что ж творится-то!

Сначала мы нашли сестру ведьмы. Она лежала под часами-ходиками, и под ней расплывалось кровавое пятно. Танька присела рядом, пощупала пульс и подняла на меня глаза:

— Всё.

— Умерла? — прошептала я, глядя на бедную старушку с каким-то странным оскалом на застывшем лице.

Снова раздался стон, и мы кинулись на кухню, в которой нас встречала в первый раз, Лукася. Ведьма лежала на боку возле печки и держалась за сердце. Губы ее посинели, под глазами залегли темные круги, а тело сотрясала крупная дрожь.

— Книга... Книга на чердаке... Под сундуком... — прошептала она и обмякла, расслабленно вытянувшись. Глаза Лукаси, уставились в потолок, и я всхлипнула, покрываясь холодным потом от страха.

— Уходить нужно отсюда. — Танька посмотрела в окно. — Пока нас тут не застукали.

— Мы не будем полицию вызывать? — я находилась в какой-то прострации и подруга встряхнула меня, схватив за плечи:

— Валя, какая полиция? Ты хочешь, чтобы нас первыми загребли?!!

— Но мы ничего не делали! — я искренне недоумевала, за что нас могут "загрести".

— А ты, поди, докажи! — Танька направилась к двери, а я вдруг вспомнила слова ведьмы.

— Лукася о какой-то книге говорила! Наверное, это что-то важное!

— Точно! Ты молодец, что напомнила! — Танька задрала голову и прошептала: — Где же вход на чердак?

— Может в коридоре? — предположила я. — У меня так.

— Да? — подруга пошла в коридор. — А у меня в спальне...

Лаз на чердак действительно находился в коридоре и, зацепив его шваброй, я потянула за ручку. Мы еле успели отскочить, когда узкая лестница с грохотом съехала вниз и жалобно заскрипела, покачиваясь. Клубы пыли как облако накрыли нас, и стало ясно, что на чердак часто не лазили.

— Давай быстрее, у меня сердце не на месте! — Танька нервничала, а я вместе с ней. Ведь если сейчас кто-то явится сюда, то объяснить, что мы делаем здесь, будет очень сложно.

В верхней одежде было неудобно, но все же мы залезли на чердак и завертели головами, выискивая в старом хламе сундук, о котором говорила Лукася.

— Вот он! — я заметила темный угол сундука с медными накладками и подошла к нему, согнувшись почти пополам — уж очень низкими были потолки на чердаке.

С трудом мы сдвинули его с места и увидели, что одна доска пола отличается от других, будто ее часто извлекали оттуда — блестящие следы от постоянного трения, явственно говорили об этом.

Легко поддев ее, я заглянула в темное подполье и увидела сверток.

— Книга! — Танька приподняла уголок плотной ткани и достала сверток. — Тяжёлая...

— Все, уходим, — я вернула доску на место, мы поставили на нее сундук и полезли вниз.

Жуткая тишина дома, в котором находились покойники, заставляла мое сердце сжиматься от страха и как только мы оказались на крыльце, я облегченно выдохнула. Покинув двор Лукаси, Танька прикрыла калитку и посмотрела на дорогу:

— Тихо. Хоть бы не встретить никого!

— Пойдем по тропинке, — я показала ей узкую стежку, вытопанную в снегу. — Срежем половину пути, и лишний раз светиться не будем.

Мы быстро пошли к осиннику и когда оказались в его зарослях, я вспомнила о странной женщине, которую встретили на пути в Алексеевку.

— Тань, помнишь, мы бабу встретили, когда сюда шли?

— Ну? — она посмотрела на меня через плечо.

— Чего она по дороге не пошла? Тоже на тропинку свернула. Скрывалась от любопытных глаз?

— Да ладно... Может просто, местная жительница, — предположила подруга. — Или ты иначе думаешь?

— У меня странное чувство, что она шла из дома Лукаси, — я сама не понимала, откуда взялась эта уверенность, но четко знала, что это правда. — И возможно, эта баба убила старух!

— Баба, двоих сразу? — Танька нахмурилась, а я тихо произнесла:

— Такая как Лида — запросто.

— Или как Ленка... — добавила подруга и ее глаза стали увеличиваться в размерах. — Но зачем?

Этот вопрос остался без ответа, так как мы, не сговариваясь, прибавили шаг, вглядываясь в зловещие заросли, окружавшие нас. Версия о оборотнихе, убившей старух, накрепко засела у меня в голове, и мне с каждой минутой казалось, что это так и было.

Уже дома, раздевшись и сделав себе горячий чай с лимоном, мы с волнением тарачились на книгу, завернутую, как оказалось, в черный платок. Она лежала посреди стола как жуткое напоминание о смерти двух женщин и ни одна из нас не решалась к ней прикоснуться. Возможно, я себя накручивала, но мне казалось, что от книги идет какая-то странная энергетика, заставляющая сжиматься сердце.

— Все равно я думаю, что мы не правильно поступили, — прошептала я, не сводя глаз с книги. — Не по-человечески.

— Мы уже ничем не могли им помочь, — Танька, похоже, сама мучилась угрызениями совести, но пыталась мыслить логически. — А вот проблем на свою голову могли найти запросто! Забыла, как нас в прошлом травили?

Этого я по гроб жизни не смогла бы забыть, да и повторить желания не было.

— Если их убила врачиха, то напрашивается вопрос — зачем? — подруга подперла голову кулачком и размышляла с угрюмым выражением лица. — Чем ей бабки помешали? Если это спонтанный выбор, то очень странный, тебе так не кажется? Можно было кого-то помоложе выбрать, а тут бабки, да еще и одна из них ведьма!

— А меня больше волнует вопрос, кто следующий! — я встала и закрыла дверь на засов. — Сначала девочка, теперь вот старухи! Недели даже не прошло! Расскажем всё колдунам!

— Давай хоть на книгу посмотрим... — Танька протянула руку и развернула платок. — Ваааль, смотри...

Я вытянула шею и замерла, ощутив нарастающий холодок внутри. Книга, лежавшая перед нами, была настолько старой, что её страницы приобрели коричневый цвет, а обложка из кожи потрескалась и покрылась белыми разводами. На ней виднелся какой-то рисунок, но разглядеть его мы не успели, потому что под окнами раздался крик:

— Валя! Валька!

— Тетка! — я выглянула из-за шторы. — Какого хрена ей надо?!

— Принесла нелегкая! — Танька схватила книгу и помчалась с ней в другую комнату. — Пусть заходит, а то решит, что мы прячем что-то!

Тетке особого приглашения не надо было и, увидев меня в окне, она потопала во двор. Вскоре ее шаги послышались на крыльце, и хлопнула входная дверь, которую я предусмотрительно открыла.

— Чего делаете? — она повела взглядом по комнате и задержала его на Таньке, которая вернулась на кухню и мило улыбалась ей. Сквозь зубы.

— Чай пили, — я кивнула на стол. — С нами может, почаюете?

— Давай, — тетка уселась на табурет и, пыхтя и отдуваясь, сказала: — Я новостей принесла. Обалдеете.

— Что случилось? — мои пальцы, сжимающие ручку чайника, побелели от напряжения. В последнее время я не радовалась новостям. Танька тоже замерла, пожирая тетку нетерпеливым взглядом.

— Ну!

— Гля, разнукалась она! — возмутилась тетка, но все же сказала:

— Помните, я за дитенка говорила, что в Алексеевке пропал?

— Помним. Его ведь нашли, — ответила я, но она довольно хмыкнула:

— Нашли! Так другое приключилось! Сама девочка живёхонька, в больнице лежит и не знает, что осиротела!

— Как осиротела? — Танька чуть чаем не поперхнулась. — Родители ее, что ли умерли? Да ну, не может быть... Это ведь черти что тогда!

— Умерли... — тетка практически сияла, наслаждаясь нашей реакцией. — Убили их!

Раскрыв рты, мы смотрели на нее и медленно сходили с ума.

— Кто убил? — наконец прошептала я. — Когда?

— Да кто ж знает? — удивилась она, поедая печенье прямо из пакета. — Девочку ведь эту, бабки воспитывали. Она Лукасю мамкой звала! Аааа, вы, наверное, не знаете кто это... А я мелю языком!

Танька закашлялась и, подумав, что она подавилась, тетка несколько раз ударила ее по спине, отчего подруга взвыла.

— Вы мне позвонок сломаете!

— А кто это? — я сделала вид, что плохо понимаю о ком речь, но предательская дрожь уже охватила мои конечности... — Мне кажется, я слышала что-то...

— Ведьмой она была! — растягивая слова, произнесла тетка и ее глаза загорелись тем самым пламенем, который так часто горел у всех сплетниц. — Тайными знаниями обладала! Приехал сегодня из Алексеевки мужик один, он вениками банными торгует... Ладно, не суть, не надо вам оно! И рассказал он, что нашли мертвую Лукасю.

— Знаю я, о ком вы, — Танька дурочку играть не стала. — Мне Дося о ней рассказывала. Так что случилось с ней?

— Говорят, Лукасю и сестру ейную — нечистая порешила! — зашептала тетка, выпучив глаза. — Куколе, голову размозжили, а Лукася от страха померла!

— От страха? — я громко глотнула чай, чтобы промочить пересохшее горло. Что могло

так напугать ведьму, отчего она дуба врезала?

— Увидела она нечто такое, из-за чего сердце и не выдержало! Может даже дьявол приходил, собственной персоной! — теткин голос сорвался на тихое шипение. — С чем знались, от того и померли!

— Девочка как у них оказалась? — спросила Танька. — Не мать же ей Лукася!

— Нууу нет, конечно! Годков то Лукасе оё-ёй! — тетка перестала улыбаться и добавила: — Было. А Машку эту, она из города привезла! Ходили слухи, будто дочь ейная, гулящая была, с матерью не зналась, а как девочку родила, померла на второй день. Лукася и Куколя собрались, да поехали в город. Вернулись через неделю с Машкой на руках. Вот так...

— За что убили-то их? Старухи ведь? — я растерянно посмотрела на тетку, которая покраснелась от тепла печки и горячего чая. — Может, обокрали?

— Нечего там красть было, — она тут же отмела эту версию. — Хотя... У ведьм всегда тайники имеются... Да только кажется мне, что убили ее за дела темные! Может, кого прокляла или порчу навела!

— А сестра ее причём? Девочку осиротили... — Танька ничего не понимала, в принципе, как и я.

— Кто знает их дела темные? — пожала тетка плечами и обвела нас страшным взглядом: — Местные это сделали...

— Почему? — в один голос протянули мы, напуганные до коликов в животе.

— А чужих, обязательно бы кто-то заметил! Думаете, так легко снегом сюда прийти и снегом уйти? По лесу! По такому ветру? До райцентра — пешком не дойдёшь, а уж до города и того невероятнее!

— И подозреваемые есть? — осторожно поинтересовалась я, мысленно соглашаясь с ее словами.

— Нет пока, — с сожалением ответила тетка. — В Алексеевке все друг друга знают, так же, как и мы туточки. Разберутся.

Мы замолчали, размышляя об услышанном, а она вдруг хлопнула себя по коленкам:

— Главное забыла! Хочу на похороны сходить. Да тяжело мне уже такой путь топтать в одиночку...

— И зачем вам? — Танька пожала плечами. — Не ходите. Не близкие же померли.

— Щас! — возмутилась тетка. — Когда я еще на похоронах, да поминках у ведьмы побываю??? Пойду, и не отговаривайте! А вы со мной пойдёте! Чтоб опереться на кого было!

— Да не можем мы! — я с трудом представляла, как снова увижу мертвых старух. На такие мероприятия я вообще не любитель была ходить, а в этот раз так тем более не горела желанием.

— Это, с каких пор, такое неуважение к пожилым людям в вас проросло? — ахнула тетка и запричитала: — Слышала бы сестричка моя, покойница, как ты со мной! Дожилась! Племянница родная отворот старухе больной сделала!

Все, старая пластинка заиграла с новой силой, и теперь я точно поняла, что от похода в Алексеевку, не отвертеться. Танька тоже приуныла, а тетка повеселела, увидев наши лица — ее концерт сделал свое дело.

— Значит так, завтра я зайду за вами. Чтоб готовы были. Нужно ещё узнать во сколько это мероприятие состоится, — она поднялась, смахнула крошки с подола и натянула пальто. — Спасибо за чай, Валентина. Бывайте здоровы.

Тетка ушла, а мы так и молчали, "обрадованные" перспективой побывать на похоронах.

— Прикинусь, что у меня температура, — Танька хмуро взглянула в мою сторону. — Не потащит же она меня больную?

— Ну, уж нет, милая! — возразила я. — Хочешь дома отлежаться, пока я по Алексеевке, шастать буду? И не мечтай. Со мной пойдешь.

Танька расстроено отвернулась, а потом вдруг сказала:

— А ты заметила, что история начинает развиваться в каком-то ином ключе?

— В каком смысле?

— Сначала я подумала, что девочку украли, чтобы монстру на болото отвести, а теперь, после смерти ведьмы, которая являлась опекуницей Маши, думаю, что в другом тут дело! — заявила Танька. — Что-то нужно было от них убийце.

— Помнишь бабу, которая по осиннику шла? — я была на сто процентов уверена, что видела врачиху. — Вот она их и кокнула! Но не нашла то, что искала!

— Конечно не нашла! — хмыкнула подруга. — Книга-то, у нас!

— Да. Врачиха книгу искала и если она узнает, что мы там были — нам не сдобровать, — прошептала я. — За эту чертовую книгу она старух убила, а с нами точно церемониться не будет! Прикончит и глазом не моргнет!

— Вот и проверим! — Танька прищурилась. — Если ей действительно нужна книга, то она не оставит попыток ее найти и уж точно на похоронах объявится! Давай рассмотрим ее хорошенько?

— Боюсь я. Опять кого-нибудь принесет! — я опасливо выглянула из-за шторки и плотно задвинула ею окно. — Давай ночью!

— Ну, давай, — согласилась Танька и спросила: — Что с соседями делать будем?

— На похороны сходим и тогда уж точно решим, — вздохнула я и, вспомнив о сиротке, задумчиво протянула: — Слушай, а девочка ведь теперь, одна совсем... Бери и делай, что хочешь.

— Думаю, пока она в больнице с ней ничего не случится, — успокоила меня подруга. — Нам нужно понять, чего именно добивается Лидкина родственница. Какая цель у нее?

— Если на болото бегают — ясная цель, — меня даже передернуло, стоило вспомнить чудовище, ожидавшее лакомство в виде детей. — Но ты права, тут есть еще какая-то загадка. И возможно, книга поможет разгадать ее.

В этот момент из глубины комнаты послышался тихий стук, будто кто-то стучал костяшками пальцев по дереву.

— Что это? — Танька медленно поднялась со стула и заглянула в дверной проем. — Ты слышала?

— Слышала, — ответила я, и стук раздался снова. Играюче-призывной, он просто щекотал натянутые нервы. — Откуда это?

Танька шагнула в комнату и тут же вернулась обратно бледная и испуганная.

— Это книга! Я спрятала ее в шкаф! — она закусила губу. — Стучит оттуда!

— Вот зачем мы ее притащили сюда! — я тоже заглянула в комнату и заметила, что дверца шкафа, действительно дрожит от стука. — Ещё этого в моем доме не хватало!

— Может она хочет, чтобы мы ее достали? — Танька потеряла плечи, словно ее знобило. — Почитали...

— А если там не книга? — от этой мысли, мне стало плохо. — Сидит какая-то гадость и стучит!

— Хватит пугать меня! — подруга решительно подошла к шкафу и распахнула его. Стук тут же прекратился. — Ну вот. Нет тут никого...

— И чего ей надо? — я приблизилась к шкафу и заглянула внутрь. Книга лежала на полке с постельным бельем и на фоне ярких простыней и наволочек, выглядела довольно зловеще.

— Не знаю! Может сказать что-то хочет... — Танька вытащила ее и зыркнула на меня испуганными глазами. — Ты дверь закрыла?

— Черт! — я помчалась в коридор и, задвинув засов, с облегчением выдохнула. Хотя, если логически поразмыслить, то вряд ли этот засов сдержит колдунов или врачуху... Но с ним все равно было спокойнее.

— Давай на чердак залезем. — Танька неслышно подошла ко мне, и я чуть не подпрыгнула:

— Ты чего подкрадываешься? У меня сердце чуть не выскочило!

— Так что там, с чердаком? — она пропустила мимо ушей мой возмущенный вопрос и нетерпеливо поглядывала на потолок.

— Зачем тебе мой чердак? — удивилась я и недовольно добавила: — У меня там колдовских вещей — нет!

— Спрячемся там и книгу рассмотрим! — Танька потрясла книгой. — Нас никто врасплох не застанет!

— Может ночи дождемся? — неуверенно произнесла я, но подруга, сразу же отвергла мое предложение:

— А что, ночью никто прийти не может? Это, во-первых! А во-вторых — книга опять стучать начнёт!

— Нет, все-таки ночью, будет безопаснее! — гнула я свою линию. — Свет кругом выключим, а на чердаке окошка нет, никто и не поймет, что мы там заседаем. А сейчас только сядешь и начнётся "паломничество", то тетка, то соседи, то еще кто-нибудь явится!

Мои слова оказались пророческими — под окнами, снова раздался крик:

— Валентина! Валентина!

— Ну, ты посмотри! — Танька бросилась к окну и тут же испуганно отскочила от него. — Участковый!

— А этому, что надо? — я открыла форточку и крикнула: — Дома я! Дома! Что случилось?!

— Кое-какие вопросы к тебе имеются! — хмуро сказал он и спросил: — Подруга твоя с тобой?

— Со мной, — буркнула я и закрыла окно. — Какие к нам могут быть вопросы?

Танька уже спрятала книгу и, открыв дверь, вернулась на кухню.

— Приперся... Лучше бы на врачуху внимание обратил!

Павел Николаевич вошел в дом тяжелым шагом и, расстегнув бушлат, уселся на табурет.

Посмотрев на нас из-под густых бровей, он спросил:

— Что в Алексеевке сегодня утром делали?

— А что? — Танька немного побледнела, но вела себя вызывающе. — Нельзя что ли?

— Ты мне тут гонор не показывай! — рявкнул он, стукнув кулаком по столу. — Убийство произошло, а вы возле дома убитых ошивались!

— И что это доказывает? — я струхнула основательно. Еще не хватало, чтобы нас обвинили в убийстве. Этого моя душа точно не вынесет.

— Что-то вы не особо удивились! — с крайним подозрением воскликнул участковый и его глаза пристально уставились на Таньку. — Странно!

— Ничего странного, — хмыкнула Танька, выдержав его взгляд. — Тетка уже поведала нам о том, что Лукасю убили. Не вы первый, Павел Николаевич!

— Так что вы там делали? — грозно поинтересовался участковый, не переставая шевелить бровями. — Ну?

— Гадать ходили! — сориентировалась я. Ну а что? Версия вполне рабочая. — Постояли, покричали под калиткой, нам никто не открыл и мы ушли восвояси.

— И не видели никого? — пристально посмотрел на нас участковый. — Может, проходил рядом кто? Подозрительный?

— Баба какая-то в осиннике шастала! — Танька уже нервничала и, сложив на груди руки, сверлила его убийственным взглядом. — В синем пальто и светлых рукавицах!

— Разберёмся. — Павел Николаевич поднялся и, застегивая бушлат, сказал: — Я вызову вас, для дачи показаний. В участок.

— Вызывайте, — согласилась я, желая, чтобы он поскорей ушел.

Он пошел к дверям и, обернувшись на пороге, сказал:

— Не ходите вы, где попало! Придумали тоже, гадать! Тьфу! Грех на душу берут и ради чего?

Участковый вышел, а мы, дождавшись, когда его плотная фигура покажется на дороге, снова заперлись на засов.

— Ты гляди, как закрутилось! — воскликнула Танька, уперев руки в бока. — И все из-за этой фельдшерицы!

— Дрянь какая! Проклятая оборотничиха! — у меня зла не хватало на все это. — Покоя нет нам!

— Нужно в интернете глянуть, можно ли оборотня в человеке распознать! — Танька схватила телефон и, высунув язык, принялась печатать.

— А то ты и так не знаешь! — удивилась я столь странному желанию. — Что там распознавать?!

— А вдруг ошибаемся мы... — неожиданно сказала подруга. — Вдруг она не такая...

— Танькааа... — предупреждая протянула я. — Не начинай!

— Смотри! — она вылупилась на экран и затараторила:

— У оборотней повышен уровень тестостерона, что может выражаться в излишнем количестве волос на теле. Монобровь, густые волосы на груди, ногах и ладонях, пышная кучерявая шевелюра — всё это является звоночками для ваших опасений! Поняла?

— Это что, средневековье? — я скептически усмеялась. — Об эпиляции не слышала?

— Ладно! — Танька не сдавалась. — На оборотнях есть шрамopodobный символ! Традиционно считается, что символ имеет форму пентаграммы. Охотники древности верили, что пентаграмму можно найти где-нибудь на теле ликантропа, чаще всего на руке или груди!

— Рискнешь ей под одежду заглянуть? — Танька смешила меня своей дуростью. — Где ты ее голую увидишь? Или попросишь показать?

— Благодаря многочасовым брождениям в ночи, вервольфы могут похвастаться недюжинной силой! — снова прочла подруга и добавила, взглянув на свои руки: — Указательный палец у оборотня длиннее среднего! Ты видела ее пальцы?

— Нееет... Зачем мне ее пальцы?!

— Немецкие легенды утверждают, что оборотень превратится обратно в человека, если вы бросите ему на голову кусок железа или стали, когда он находится в своей животной форме! — Танька нахмурилась, видимо представляя, как швыряет в голову фельдшернице старинный утюг, принадлежавший еще ее бабке. — Бледная кожа! Повышенная жажда! Ссадины на руках и ногах, вызванные бегом на четвереньках! Вой по ночам! Навязчивая идея бродить по лесу и кладбищам!

— Что она и делает! — сказала я, дождавшись, когда она закончит. — Живет возле кладбища, по лесу бегают! Еще и бабок старых убивает! Не такая... Ты еще подружись с ней! Кстати, а почему книга стучать перестала?

— Может и не перестала, — пожалала плечами Танька. — Я ее под подушку положила, а сверху второй накрыла. — Вот и не слышно.

— Посмотри лучше, как злого колдуна вычислить, — я увидела в окно "сыроваров" и подошла ближе, наблюдая, как они усаживаются в свой "гелик". — Или нет такого?

— Есть. — Танька засунула в рот конфету и забубнила: —

Всю пасхальную неделю колдунов можно встретить в лесу. Ходят они туда за первыми весенними сморчками, которые собирают в колдовских целях! Бред какой-то... В большие церковные праздники колдуны никогда не выходят на улицу, закрывают окна шторами. Колдуна можно узнать по глазам: взгляд напряженный, белки красные. Это потому, что колдуны используют свою внутреннюю энергию, чтобы управлять с ее помощью человеком. Если перед зеркалом поставить церковную свечу, то колдун в зеркале будет виден, но вверх ногами. Ровно в полночь колдун в зеркале не отражается. Если перед колдуном в вытянутой руке держать перевернутый острием вверх нож (обязательно с серебряным лезвием) и при этом читать молитву — колдун начнет сквернословить. Вербной веточкой очертите вокруг колдуна круг. Он не сможет из него выйти, пока не совершит заклятие. В присутствии колдуна волосы на голове встают дыбом, кожа покрывается мурашками. Если положить в карман маленькую иконку, то, разговаривая с вами, колдун не сможет поднять на вас глаза и будет смотреть в землю.

— Обалдеть... — протянула я, выслушав эту тираду. — Это серьезно, что ли?

— Не знаю, — подруга пожалала плечами. — Но мурашки от них у меня точно есть.

— Не от этого твои мурашки, — хмыкнула я. — Ох, не от этого...

Время подбиралось к двенадцати, и Танька все больше нервничала.

— Ну что, пора книгу рассматривать! Терпежу уже нет!

— Да что ты там увидеть хочешь? — я немного боялась открывать эту странную вещь, но посмотреть на ее "внутренности", все же стоило. Хотя бы ради следственного эксперимента.

— Не знаю! Только вот не зря она в наших руках оказалась! — Танька вытащила книгу из-под подушки и прижала ее к себе. — Там тайны тайные!

Я даже улыбнулась, глядя на ее лицо с большими, блестящими глазами. Лара Крофт, не иначе...

Сложив в плетёную корзинку свечи, бутерброды, чай и, конечно же, бутылочку вина, мы закрыли все входы и выходы и полезли на чердак.

— А я ведь никогда у тебя на чердаке не была... — прошептала подруга, разглядывая небольшое, обшитое деревом помещение. Мы зажгли свечи, и они отбрасывали теплые, золотистые блики на стены. — Хорошо, однако, здесь...

С этим я была согласна — мой чердачок был уютным, и мне даже иногда хотелось сделать еще одну комнату, но руки не доходили. Здесь стоял старый комод, который неизвестно кем и как был доставлен туда, в него я сложила старые вещи и покрывала, потерявшие вид, несколько стульев с поломанными спинками, а в углу лежал большой надувной матрас — я иногда в сильную жару, забиралась сюда и читала романы, накрывшись легкой простынькой.

Танька прошла по немного облезшему ковру и довольно протянула:

— Да тут жить можно!

Я достала несколько покрывал, положила их на матрас и указала на него:

— Прошу.

Забравшись на это импровизированное ложе, мы положили книгу перед собой и уставились на нее, не решаясь раскрыть.

— Опасно с такими вещами шутить... — прошептала я, снова ощущая эту странную энергетику, исходящую от книги. — Говорят, кто книгу колдовскую откроет — умрет страшной смертью.

— Кто говорит? — подруга поджала губы, выражая полное недоверие к моим словам.

— Читала я о таких книгах! — я вспомнила информацию из инета и поведала ее Таньке: — Вообще вокруг гримуаров ходило большое количество легенд... По одним поверьям читать гримуары, может только их хозяин, и бумага этих книг имеет багряный цвет, обжигающий глаза! Колдовская книга способна поставлять самых разнообразных демонов — от мелких духов до верховных существ адской иерархии! Раскроет ведьма гримуар на нужной странице и дух тут как тут! А если книга откроется случайно, неподготовленный к встрече с демоном человек, оказывался в большой опасности... По другой версии колдовская книга живая, её обязательно нужно кормить, разумеется, ничем иным как кровью.

— Ну, все, хватит! Это уже совсем ни в какие ворота! — Танька взялась за края жесткой, грубой обложки и... ничего не случилось. Под ней оказались плотные страницы, исписанные частым почерком. Чернила потускнели от времени, но все же разобрать написанное, было довольно легко.

— Да тут целый талмуд! — подруга полезла за вином и, разлив его по кружкам, взглянула на меня: — Полистаем? Демонов вроде нет.

— А разве не за этим мы залезли сюда? — я придвинула книгу поближе, радуясь, что сказки из интернета оказались действительно сказками. Ну, или это была совершенно другая книга... — Что тут у нас...

Мои глаза полезли на лоб, когда я начала разбирать написанное и Танька испуганно прошептала:

— Что там?

— Вызываю и выкликаю из могилы земной, из доски гробовой. От пелен савана, от гвоздей с крышки гроба, от цветов, что в гробу, от венка, что на лбу, от монет откупных, от червей земляных, от веревок с рук, от веревок с ног, от иконки на груди, от последнего пути, от посмертной свечи. С глаз пятаки упадут, холодные ноги придут по моему выкрику, по моему вызову... — прочитала я и поежилась. — Брррр... Что это за гадость?

— Похоже на вызов мертвого... — Танька покосилась на меня. — Я надеюсь, ты сейчас никого не вызвала?

— Типун тебе на язык! — я испуганно заерзала на матрасе. — Вот умеешь ты радости добавить!

— В книге заклинания — это понятно, — подруга перевернула с десятков страниц. — Зачем она врачихе? Ерунда ведь...

Я выпила вино и тоже перевернула несколько коричневатых, пропавших воском страниц. И тут мне попались несколько строчек, которые привлекли мое внимание: "... после этого, оборотень встанет из могилы..."

— Танька! — вскрикнула я и та чуть не поперхнулась от неожиданности:

— Ты в своем уме?

— Смотри, что я обнаружила! — вода пальцем по строчкам, я нашла начало и прочла: — "Кто думает оборотня в этот мир привести, должен пойти на кладбище, взять землю с сорока могил, сорок веточек с деревьев мужского рода и принести жертву на могиле оборотня. Для этого перережьте козе горло. Отложите голову в сторону, срежьте шерсть. Останки козы закопайте на кладбище. Возьмите подготовленное ведро со смолой, положите туда шерсть козлиную, голову, землю и веточки, все это разместите на могиле оборотня. Трижды ударьте левой ногой об землю и скажите: "К мертвому в избу стучусь. Да в гости не пойду, да тебя мертвец, сюда зову!"

После этого необходимо поджечь все содержимое ведра. Дождитесь, когда огонь станет менее ярким и все вокруг затянется дымом. После этого скажите: "Яко жертву приношу, кровью окропленную. Ты, душа черная, жертвой призванная. То выйди ко мне, да не через час, а в эту же минуту. И явись тако на жертвенницу, да черну дымицу, да лик свой покажи, да в мир воротись, да в силе вернись!"

Как только слова будут сказаны, ждите. Скоро придет оборотень, ибо вы его позвали. Да помните, когда восстанет он в силе своей, ему жертву нужно принести. Живую, да с кровью горячей".

— Теперь точно ясно, кому книга понадобилась... — прошептала Танька и залпом выпила вино. — Сомнений больше нет...

— Эта тварь в Алексеевку поперлась, потому что знала о книге! Ищет она способ, чтобы предка своего проклятого с преисподней вытащить! — сказала я и посмотрела на книгу с ее зловещим содержимым. — И девочку для жертвы украла!

— С девочкой фигня выходит, — задумчиво произнесла Танька. —оборотню, ведь кровь свежая нужна, а девочка, еще чуть-чуть и замерзла бы.

— И то так... — согласилась я. — Как же все запутано!

— Мы слишком часто это повторяем, — хмыкнула Танька. — Только она ведь не успокоится, пока книгу не найдет. Рыскать начнет!

— Вот это-то и страшно!

Я перевернула все страницы и нашла содержание, в котором были пронумерованы все заклęcia и к какой теме, они относились.

— Смотри-ка, тут и любовная магия есть! — мне прям интересно стало, что в этом мрачном сборнике кладбищенских ритуалов, говорится о столь светлом чувстве.

— А ну! Чего там? — Танька сразу воспряла и полезла к книге. — Может, воспользоваться придется.

— Не дай Бог! — воскликнула я и прочла: "Если вы хотите приворожить мужчину, сорвите на кладбище букет ландышей. Найдите могилу с именем возлюбленного..."

— Оооо, нет! Хватит! — Танька принялась плевать. — Еще этого не хватало! Всё на кладбище зовут, вроде как мест больше нет!

Мы еще долго сидели над книгой, допили вино, чай, доели бутерброды и заснули прямо на матрасе, укрывшись старыми покрывалами.

Нас разбудил крик тетки, которая тарабанила в окна и по ходу злилась.

— Валька, вы что, прятаться удумали?! А ну открывайте!

— Явилась... — прошептала я, потягиваясь. — Никакого покоя...

Мы слезли с чердака, и я пошла открывать дверь, недоуменно взглянув на часы — восемь утра!

— Спице что ли? — она окинула меня недовольным взглядом. — Я ж сказала, что на похороны пойдем!

— В восемь утра? — из кухни выглянула Танька, сонно моргая и широко зевая. — Не рановато ли?

— Похороны к часу! — тетка сняла валенки и потопала на кухню. — Я пришла, чтобы напомнить!

— Да мы помним! — я чуть не застонала, представив какой нас ожидает день. — Такое забудешь...

Тетка налила себе чаю, который заварила Танька и сказала:

— А странные ведь дела творятся! Лукасю и сестру ейную, никто с райцентра забирать не приехал! Будто и не было убийства!

— Как это не было? — удивилась я. — Участковый ведь был там?

— Был! И лицо умное делал! — возмущенно шлепнула о стол руками тетка. — А сегодня в магазине говорят, что он будто бы сказал, что мол, Куколя упала, голову разбила, а Лукася, увидев горе такое, сердцем не выдержала!

Мы с Танькой переглянулись. Как так-то?! У него ведь вчера другая версия была! К нам прибежал, грозился! Да что происходит?!

— Ну и дела... — протянула Танька и, обратившись к тетке, прищурилась. — А какой врач осматривал их?

— Какой, какой... Наша, новая! В Алексеевке ведь и медпункта нет! — тетка подкатила глаза, выражая полное возмущение. — Она и сказала нашему палицмэну, что нет никакого криминала. А он и рад такому повороту! Зачем ему лишние проблемы? А я вам говорю,

нечисто здесь! Вся деревня шепчется, что начались дела лихие — Машка пропала, потом Лукася с Куколей померли! Ой, нечисто!

Тетка ушла собираться на сие малоприятное мероприятие, а мы снова загрустили, переваривая всю ту кашу, которая варилась вокруг нас. Как назло портилась погода, поднялся ветер и задувал так, что дребезжали стекла.

— Отличное начало дня! — Танька недовольно прихлебывала чай. — Переться черт знает куда, по такой погоде!

— Дело ведь нужное, — я тяжело вздохнула. — Сама говорила.

— Говорила... — подруга тоже вздохнула. — А эта фельдшерица, подставная, лихо следы замечает, а наш участковый под ее дудку поет!

— Расскажем все сегодня. Колдунам в смысле, — твердо сказала я, и она не стала спорить:

— Хорошо.

Время приближалось, и вскоре хлопнула входная дверь. Тетка в пуховом платке и парадно-выходном пальто появилась из коридора, сияя румяными щеками.

— Готовы?

— А чего нам готовиться? — буркнула я. — Шубу надела и вперед.

— Вот и замечательно, — она похвалила нас, будто первоклассниц. — Нужно помогать старшим.

— Кто ж их хоронить будет? — спросила я, когда мы уже шли по полю, сутулясь от пронизывающего ветра. — Родных ведь нет.

— Говорят, наши бизнесмены все организовали, — ответила тетка и поцокав языком, выражая свое восхищение, добавила: — Хорошие ведь мужики! И красавцы какие!

— Чего это они так стараются? — удивленно шепнула Танька, но она услышала и воскликнула:

— Потому что люди хорошие! Если человек добро делает, значит обязательно нужно в этом темную сторону искать!

— Да ничего мы не ищем! — Танька надулась, видимо ее раздражала "доброта" колдунов. — Просто интересно!

Возможно, мы бы еще долго обсуждали благотворительность наших соседей, но тут, вздымая снежный веер, возле нас остановился "гелик".

— За вовка промовка... — тихо сказала подруга и отошла подальше.

Окно джипа опустилось, и мы увидели лицо Корнея с вполне миролюбивой улыбкой.

— В Алексеевку?

— А куда ж еще? — кивнула тетка. — Эта дорога только туда ведет. На похороны идём.

— Садитесь. — Корней вышел из машины и открыл перед нами дверь. Прохор, молча, наблюдал, сидя за рулем.

— Ой, спасибо сынок! — тетка, будто это не у нее болели ноги, запрыгнула в теплую машину, а нам ничего не оставалось делать, как последовать ее примеру.

Автомобиль сорвался с места, и Прохор спросил, поглядывая на нас в зеркало заднего вида:

— А вы знали этих бедных женщин?

— Нет! — резко ответила Танька, и он изумленно приподнял брови.

— Тут все друг друга знают, — тетка толкнула ее локтем. — Пусть не лично, но все ж,

столько лет рядом живем.

— Ну да, в маленьких деревнях всегда так, — согласился Прохор. — Говорят, гадалкой она, что ли была?

— Ведьмой она была! — с готовностью поддержать этот разговор, ответила тетка. — Самая настоящая!

— Да вы что? — Корней повернулся к нам и почему-то уставился прямо на меня. — И книга у нее ведьмовская была?

— Какая книга? — тетка пожала плечами. — Этого я не знаю.

— У каждой ведьмы есть книга колдовская, — Корней не сводил с меня глаз. — Это так легенды говорят. И в этой книге всякие страшные заговоры и вызовы, и если она попадет в руки глупого, ничего непонимающего человека, то быть беде.

— Ничего себе... — протянула я, с трудом извлекая звуки из ватного горла. — И такое бывает?

— И не такое бывает... — Корней вел себя очень странно, и я грешным делом подумала — он знает, что книга у нас!

Мы подъехали к дому Лукаси и разговор о книге на этом прекратился. Я быстренько вылезла из машины, помогла тетке и отвернулась от колдунов, не в силах терпеть их пристальных взглядов.

— Смотри! — прошептала Танька, дергая меня за рукав. — У меня мурашки!

Я взглянула на двор ведьмы и увидела две гробовые крышки, обтянутые черной тканью. Они так резко контрастировали с белизной снега, что действительно было жутковато, и я отвела глаза. Возле дома сновали люди, кто-то заходил внутрь, кто-то выходил.

— Ну, что замерли? Пошли, — тетка первая шагнула в открытую калитку, а мы, скрепя сердце, пошли следом.

В доме пахло тем страшным и муторным, что всегда сопровождает такие мероприятия и по моей спине пополз холодок. В большой комнате с ходиками, стояли два гроба, возле которых находились несколько женщин, и только когда тетка поздоровалась, я поняла, что одна из них, фельдшерица.

— Она уже здесь! — зло прошептала Танька, прилипнув ко мне. — Вот что она здесь делает? Книгу ищет!

В дверях показались колдуны, и врачиха моментально приободрилась, ее глаза приобрели соблазнительный блеск, а на щеках появился румянец. Ты смотри, как ее растащило!

Я решила не обращать на нее внимания и подошла ближе к гробу Лукаси. Старухины глаза были закрыты, но лицо, само по себе, выражало страх — рот перекошен, брови застыли в приподнятом положении и это очень пугало. Взглянув на Куколю, я даже дыхание задержала: ее лицо почернело, рот провалился, а на руках, были видны ссадины. Фельдшерица протянула руку и подтянула покрывало, словно специально скрывая эти царапины. Это еще что такое?

Танька взяла меня за руку и сделала шаг назад, но наткнулась на Прохора, и возмущенно подняв глаза, прошипела:

— Что вы под ногами вертитесь?!

Красивое лицо Прохора вытянулось. Он уставился на подругу грозным взглядом и нахмурил брови, отчего между ними образовалась глубокая складка. Мы аккуратно обошли их, и вышли из комнаты.

— Они не злые колдуны! — прошипела Танька, прижавшись носом к моему уху. — Я проверила!

— Как?

— Помнишь, мы читали, как злого колдуна обнаружить? — она порылась за пазухой и извлекла маленькую иконку. — Я подготовилась!

— И что? — если честно я плохо помнила тот список ерунды, что мы откопали в интернете.

— Если с такой иконкой подойти к колдуну, он не сможет в глаза посмотреть! Будет взгляд прятать! — раздраженно объяснила подруга. — А ты видела, как они тарасились?!

— Ты в это веришь? — скептически поинтересовалась я и она кивнула:

— Верю!

Мы стояли за старинным громоздким шкафом и если посмотреть из комнаты, то нас можно было и не заметить. Что и произошло. В коридор выскользнула фельдшерица, и мы застыли, боясь пошевелиться. Елена Валерьевна уставилась в потолок и ее лицо, исказила довольная гримаса, будто она нашла то, что искала. Но после этого случилось совсем невероятное — фельдшерица подпрыгнула и прилипла к потолку как большая паучиха. Танька вытаращила глаза и закрыла рукой рот, чтоб не заорать, а я, наоборот открыла его, медленно офигевая от происходящего. Врачиха дернула чердачную дверцу и, не раскрывая ее полностью, влезла в образовавшийся проем.

— Мама дорогаяяя... — протянула подруга и схватилась за сердце. — Господи, спаси и сохрани!

С чердака послышались звуки двигающейся мебели, шаги, а потом короткий рык разочарования и злобы.

— Не нашла книжку-то! — довольно протянула Танька и тут же испуганно сказала: — Пойдем отсюда! Лучше к людям поближе держаться!

Мы вернулись в комнату, и снова оказались под пристальными взглядами соседей. Они стояли возле стены, а над ними висела репродукция картины "Ленин и Сталин в Горках". Я покосилась на Таньку и заметила, что она еле сдерживает улыбку. Мне самой хотелось смеяться, но не в такой же ситуации, ей Богу... Сжав плотнее губы, я поняла, что колдуны обратили внимание на нас и Корней повернул голову к картине, а потом, что-то сказал Прохору и тот тоже оглянулся. Они оба прищурились и на их скулах задвигались желваки — мы их явно раздражали. Чтобы не бесить их еще больше, мы пошли ближе к тетке и встали за ее спиной. В этот момент в дверях появилась фельдшерица, и тетка услужливо сказала:

— Елена Валерьевна, у вас юбочка в побелке. С правого бока пятно.

— Спасибо, — врачиха, даже не старалась скрыть разочарования. Ее щеки горели, глаза возбужденно блестели, а волосы выбились из хвоста. — Где-то стену обтёрла.

Но мы-то с Танькой знали, что она и где обтирала...

Больше фельдшерица из комнаты не выходила, и было очень заметно, что она нервничает и бесится. Леночка, конечно, улыбалась всем, кто подходил к ней, сочувственно кивала, но нас одурачить она уже не могла. Время подходило к выносу покойниц, и в коридоре началась какая-то суматоха. Через минуту в комнату вошел батюшка, а за ним невысокий, щуплый дьячок, волоча неподъёмное кадило. Я взглянула на врачиху и заметила, как она испуганно дернулась в сторону двери, но проем уже забили люди с улицы и протолкнуться сквозь эту толпу, было просто нереально. Оно и понятно, все интересовались похоронами ведьмы, да и поминки в маленькой деревне — событие, сродни развлечению. И поешь, и выпьешь, и сплетни послушаешь.

Колдуны стояли спокойно, и это тоже говорило в их пользу, ведь по классике жанра, злые ворожбиты, должны были корчиться в присутствии духовного лица, а тем более с церковной утварью наперевес. Но, ни Корней, ни Прохор и взглядом не повели, даже когда по комнате поплыл удушающий запах ладана. А вот Леночка еле держалась... Танька со злорадством наблюдала за ней и, склонившись ко мне, прошептала:

— Смотри-ка, не очень-то хорошо нашей врачихе!

Фельдшерица была бледна как стена, руки ее дрожали, и она комкала край свитерка, чтобы скрыть это. Темными пятнами на этом обескровленном лице горели глаза, и мне даже показалось, что была бы ее воля — перегрызла бы всех и дьячка, и батюшку и даже колдунам бы досталось.

Наконец, сестер понесли из дома и она чуть ли не первая выскочила на улицу, а когда тетка схватила ее за руку, возмущенно воскликнув: — Куда перед покойником?! — злобно взглянула на нее, но темп поубавила.

Кладбище находилось совсем рядом и, пройдя вверх по дороге, мы оказались на заросшем погосте, который похоже давным-давно не чистили. Ветер пронизывал до костей, мороз набирал обороты, и быстренько попрощавшись с покойниками, люди потянулись к выходу из кладбища, а в прозрачном, звонком воздухе раздались глухие удары — замёрзшая земля падала на гробы.

— А где ж поминать будут? — тетка пристроилась к какой-то бабуле и та, взглянув на нее блеклыми глазами, сказала:

— Так в столовой, что при магазине была. Там помещение большое, все поместятся.

Я поискала глазами колдунов и фельдшерицу, и увидела их, идущих чуть позади. Леночка вцепилась в локоть Корнея и притворялась умирающим лебедем. А может и не притворялась — батюшкино кадило сделало свое дело.

— Она, как и родственница ее — Лидка, на Корнея глазом накинула. — Танька тоже заметила, что врачиха уделяет внимание именно Корнею. — Прямо зов предков!

Но что еще было странным, так это взгляды колдунов, которые они периодически бросали в нашу сторону. Практически прожигали насквозь своими мистическими очами, и я ощущала как колет между лопатками.

Столовая была старой, еще советских времен, с большими окнами, рамы которых заткнули ватой, спасаясь, таким образом, от сквозняков. Квадратные, с фанерными столешницами столы, составили в ряд и накрыли скатертями, а выщербленные полы вымыли до блеска. В воздухе витал запах борща и компота из сухофруктов.

Мы вымыли руки, и расселись на холодные стулья с неудобными спинками. Корней и Прохор устроились рядом с нами, по обе стороны, а врачиха уселась ближе к Корнею. Танькино лицо сделалось недовольным и, сжавшись, она не двигалась, чтобы не зацепить Прохора. А тот, будто не замечая ее стеснения, развалился на стуле, касаясь коленями ног подруги.

— Прижиматься обязательно надо? — услышала я ее шипящий голос. — Я не люблю, когда меня трогают чужие люди!

— Если бы я тебя трогал, ты бы по-другому запела, — тихо ответил Прохор и Танька сдавленно охнула.

— Ты слышала?! — она повернулась ко мне. — Это ведь нахальство!

— А что ты хочешь от этих грубиянов? — пожалала я плечами. — Мужичье.

— Ты бы полегче с выражениями, — шепнул мне на ухо Корней и по спине пробежали мурашки от его влажного дыхания. — Лучше борщ ешь.

По ряду уже передавали тарелки с борщом и, сунув ему горячую тарелку в руки, я еле сдержалась, чтобы не вывернуть колдуну ее на колени. Странное желание... Они раздражали нас, а это говорило об одном — я видела в нем его предка, и что греха таить — млела.

Все съели кутью, выпили за упокой души и принялись стучать ложками. Борщ оказался вкусным, с хорошим куском мяса в каждой тарелке и я снова подумала, что колдуны не поскупились. Рюмки опять наполнили, и за столом завязался разговор.

— Что не говори, а Лукася хорошая баба была, — сказала женщина в розовой пушистой кофте. — Всегда помогала...

— И гадала хорошо, — поддержала ее соседка. — Вот как она сказала, так и сбылось у меня по жизни.

— Бабское это дело, в гадания верить! — фыркнул участковый и погладил свою фуражку, лежавшую возле тарелки. — Ерунда! Что ж она, сама себя от смерти не уберегла?

— Так может это так не работает, — предположила я, и он повернулся ко мне.

— Вам-то, правду нагадала?

Все головы повернулись к нам, а тетка удивленно протянула:

— А когда это вы гадать ходили?

— На днях, — услужливо проинформировал ее участковый и снова посмотрел на нас. — На что гадали?

— На любовь! — рявкнула Танька и раздраженно вытерла рот салфеткой. — На что еще женщины гадать могут?

Прохор с Корнеем уставились на нас и я поежилась под этими подозрительными взглядами.

— На днях, говорите, у Лукаси были? — Корней приподнял светлые брови. — Как интересно...

— Я же говорю, странные они, — добавил Прохор, склонившись так, что мы оказались в ловушке их огромных тел.

— Ленка ваша, не странная! — прошипела Танька, не удержавшись. — Шныряла по Алексеевке, вынюхивала! И вообще, она...

Таньке не дала договорить фельдшерица, она поднялась и сказала:

— Давайте помянем добрые души, так нелепо покинувшие этот свет. Я их не знала, но уверена, что покойные женщины, были хорошими, иначе их бы не пришло проводить в последний путь столько людей.

— Ты гляди, какая добрая! — снова зашипела Танька. — У нас в деревне и черта лысого придут провожать!

Но милая Леночка, оправившаяся от баяшкиного кадила, вдруг выдала:

— Машенька, ведь одна осталась... Сиротка девочка. Хочу удочерить ее, семью дать...

У меня глаза полезли на лоб, а Танька закашлялась.

— Какая умничка! — закудахтали бабы, а у меня от страха за ребенка засосало под ложечкой. Невероятно! Чего она к ней прицепилась?!

— Все, мое терпение лопнуло! — я швырнула ложку и еле сдержалась, чтобы не заорать на всю столовую правду о этой твари. — Пусть делают, что хотят! Думают, что хотят! Я расскажу!

— Что это ты расскажешь? — Корней с интересом повернулся ко мне. — Что-то случилось?

— Скоро узнаешь! — рявкнула я и намахнула стопку вина.

Поминки закончились, и народ потянулся к выходу. Красный закат, пугающим алым знаменем завис над деревней и у меня даже зубы заломило от предчувствия. Тетка, без зазрения совести напросилась к колдунам в "гелик" и нам ничего не оставалось делать, как забраться в машину, следом за ней.

— Ну, что, едем? — нетерпеливо заерзала тетушка, поглядывая на Прохора. — Мне бы уже отдохнуть... Телевизор посмотреть...

— Сейчас, — ответил он, постукивая по рулю. — Лена еще с нами поедет.

Таньку перекосило, а я возмущенно огляделась — куда? Тетка заняла половину сидения. Да и ехать с этой мозгоедкой, мне совсем не улыбалось.

Врачиха пришла через несколько минут, обласканная бабами, с полным пакетом пирожков и конфет. Уселась возле тетки и джип сорвался с места.

— Вот и молодец, что там села, — проворчала Танька, зажатая между нами. — Благодетельница-милашка!

Я посмотрела в зеркало заднего вида и заметила взгляд Прохора, казалось, он читал по губам.

Тетка всю дорогу что-то заливала фельдшерице, а та внимательно слушала ее и улыбалась, а мне делалось противно от этого притворства.

Прохор подъехал к медпункту и, поблагодарив, она вышла, не забыв попрощаться с нами. Только мы расселись посвободнее, как тетка заметила пакет, забытый врачихой. Она открыла дверь и крикнула:

— Елена Валерьевна! Пакетик забыли!

Я повернула голову, глядя, как врачиха возвращается к машине и вдруг увидела ещё одну фельдшерицу, стоявшую на пороге медпункта. Покрываясь липким потом страха, я тряхнула головой раз, другой, а потом воскликнула:

— Их две!

— Не поняла... — Танька застыла в неудобной позе и когда тетка вывалилась из машины, чуть не упала.

— Это у меня галлюцинации? — прошептала тетушка, переводя взгляд с одной Лены, на другую. — Или их и, правда, две?

По лицам колдунов я поняла, что вторая фельдшерица не галлюцинация и не действие домашнего самогона. Она сбежала вниз и подошла ближе, а потом, обняла Елену Валерьевну.

— Я так соскучилась, сестричка!

— Сестричка?! — рявкнули мы с Танькой, в один голос. — Сестричка?!

— Я — Лида, — девушка, наконец, отлипла от сестры и с интересом оглядела нас, особенно Прохора и Корнея. — Тоже врач. Терапевт.

— Да у нас целая поликлиника скоро организуется! — съязвила Танька. — Чем это вас наша глубинка-то тянет? В основном, все в городе желают работать.

— Не все. — Лида пристально смотрела на нее, будто, изучая. — Некоторые любят глубинки.

— Это же хорошо! — одной тетке было радостно. — То ни одного врача, то сразу двое! Раньше бывало, давление шибанёт и помочь некому! От Вальки не велика помощь, что взять с аптекарши!

Я возмущенно повернулась к ней — ну, придешь ты ко мне за таблеточкой... Аптекарша, ты гляди!

— А это — Корней и Прохор, — улыбнулась Леночка, стреляя глазами в мужчин. — Бизнесмены и очень хорошие люди.

— Я бы не спешил с этим соглашаться... — Корней тоже с интересом разглядывал новоприбывшую. — Приятно было познакомиться. Надеюсь, еще увидимся.

— И не сомневайтесь, — кокетливо пообещала Лида и потащила сестру к медпункту.

— С нами, то есть, она знакомиться не захотела... — прошептала Танька, провожая их глазами. — Лида...

— Чувствую, начинаются адские времена... — протянула я и даже вздрогнула, когда услышала возле уха голос Корнея:

— Сами дойдете или подбросить?

— Обойдемся, — прошипела я, непонятно отчего, злясь на этих непонятливых ворожбитов. Что ж они за колдуны, что оборотня не почувствовали?!

Мы потопали по улице, а тетка, по-королевски поехала в "гелике", заняв все заднее сидение.

— Ты смотри, как дела резво пошли! — воскликнула подруга. — И удочерить Машку она хочет, и сестрица ее сюда прикатила! Развернулись не на шутку!

— Вот-вот! — закивала я. — А эти ходят и ничего не видят! Колдуны доморощенные!

— А ты вспомни, предки их, ведь тоже в Лидке не сразу оборотня признали, — заступилась за соседей Танька. — В первой версии Корней женился на ней и детей настрогал!

С этим, сложно было поспорить, но для себя я решила одно — сегодня же все расскажу и пусть, что хотят, то и делают!

Танька, словно прочла мои мысли и повернула ко мне свое румяное лицо:

— Фигово, что у нас доказательств нет.

— Ты о чем?

— Чтобы колдунам предъявить, — объяснила она. — Так, мол, и так, Ленка — оборотень и сестрица ее такая же, а вот доказательства.

— Так, где ж их взять? — пожала я плечами. — Мы расскажем, а они пусть проверяют.

— А если... — Танькино лицо, выражало высокую степень задумчивости и мне стало страшно.

— Что, если?

— Можно соседей в гости пригласить и вызвать Лукасин дух, чтоб она рассказала, кто книгу искал, — вполне серьезно сказала она и сама с собой согласилась: — Да, это хорошая идея.

— Ты что?! — я даже дар речи потеряла от ее слов. — Лукасю вызывать?!

— Да что такого-то? — Танька не понимала, почему я злюсь. — Это было бы неоспоримым доказательством. Вот представь, приходит Лукасин дух и рассказывает все как есть. Колдуны слушают, понимают суть проблемы и сестричкам конец.

— А если дух Лукаси не так себя поведет? — предположила я. — Ты много в своей жизни, духов видела? Знаешь, какие они?

— Не видела, — подтвердила Танька. — Но считаю, что это хорошая идея.

— Нам еще покойников не хватает для полного ансамбля "Когтистые ладошки"... — проворчала я. — Колдуны рядом, оборотни осаждают и как раз мертвая Лукася в нагрузку!

Споря, мы зашли домой, и я сразу почувствовала — что-то не так. Танька испуганно огляделась и молча, указала мне на оборванную штору. Кроме этого под столом валялась сахарница, а тарелка с холодными оладьями, неожиданно опустела.

— Здесь кто-то был... — прошептала Танька, заглядывая в уже охваченную сумерками комнату.

— Оборвал штору и все оладьи сожрал, — не удержалась я, чтобы не съязвить. — Это уже все... Если в дом полезли — жди куда более страшных неприятностей.

— Книга! — заорала Танька и бросилась к чердачной дверце. Через несколько секунд, снова раздался ее вопль: — Украли!

Она появилась в дверях, горестно вздыхая и стягивая с головы шапку. Плечи ее поникли, и мне показалось, что еще чуть-чуть и Танька заплачет.

— Кто мог это сделать? — я нахмурилась. — Колдуны на глазах были, оборотника, тоже.

— Сестрица ее! — злобно рявкнула Танька, сжимая кулаки. — Ленка услышала, что мы типа гадать к Лукасе ходили, и догадалась, что книга у нас! Позвонила второй зубатой и та спокойно книжку-то и сперла!

— Все, пойдем к соседям, — я снова застегнула шубку и натянула поглубже шапку. — Надоело уже.

Немного подтрухивая, мы замерли возле калитки и немного потоптавшись, заорали:

— Хозяева!

На веранде вспыхнул свет и вскоре на крыльце показался Прохор. Не спеша, он спустился вниз и, приблизившись к забору, вопросительно приподнял брови. Пока я думала, что сказать, Танька завопила:

— У нас книгу ведьмовскую сперли!

Брови Прохора поползли еще выше, а глаза увеличились в размерах. Он распахнул калитку и прошипел:

— Я сразу понял, что вы чокнутые! Быстро в дом!

Решив не заострять внимание на столь обидном слове, мы прошмыгнули во двор, и пошли к дому. Было любопытно, немного страшно и если честно, у меня дрожали поджилки, отчего ноги предательски подгибались.

Прохор открыл дверь и вытянул руку в молчаливом приглашении, ну а нас дважды просить и не надо было. Перешагнув порог, я немного задержалась, снимая обувь и

осторожно пошла вглубь дома. Минуя темные проемы дверей, мы направились к единственной освещенной комнате и, войдя в нее, увидели Корнея, сидящего за круглым столом. Перед ним стояла бутылка коньяка и две рюмки. Увидев нас, он откинулся на спинку стула и на секунду прикрыл глаза, а потом спросил:

— Что случилось?

Мы молчали, резко потеряв смелость перед двумя большими мужиками и появившийся позади Прохор, подтолкнул нас вперед.

— Ну, чего молчите?

— У нас... — я прокашлялась, чувствуя, как сдавливает горло. — Книгу колдовскую украли.

— Вооот как... — Корней поднялся и подошел к нам. Он остановился в шаге и засунул руки в карманы спортивных штанов, разглядывая нас. — А вы ее, где взяли?

— Да разве в этом сейчас дело? — не выдержала Танька, быстро оглянувшись на Прохора. — Нужно найти ее, чтобы эти две, оборотня не воскресили!

Глаза Корнея, опасно блеснули, и грешным делом я подумала, что он сейчас нас испепелит или чего проще — придушит.

— Сели! Быстро! — рявкнул он и указал на диван, накрытый пушистым черным пледом.

Мы рванули к нему и, усевшись, сложили руки на коленях, мысленно прося провидение, чтобы все обошлось. Колдуны взяли стулья, поставили их напротив нас спинками вперед и устроились на них. Я исподтишка разглядывала этих амбалов, отмечая, что фигуры у этих парней ничем не отличаются от шикарных форм их предков. Футболки с короткими рукавами открывали татуированные стальные мышцы и предплечья, покрытые мягкими волосками. Подняв глаза, я столкнулась взглядом с Корнеем и покраснела.

— Я даже готов предположить, что вы просто воровки, — грозно сказал он и резко поднял руку, когда увидел, что я собираюсь возразить. — Но откуда вам известно об оборотне? Что вы скрываете?!

— Это долгая история, — буркнула Танька, но Прохор "успокоил" ее:

— Ничего, до утра времени много.

На протяжении всей истории, которую мы сбивчиво рассказывали, перебивая друг друга, колдуны угрюмо молчали, а когда в комнате воцарилась тишина, Прохор сказал:

— Нужно выпить.

— Нужно книгу искать! — вскинулась Танька, но он осадил ее:

— Ты что, думаешь так просто оборотня воскресить? Для этого определенный день нужен. У нас есть время. И да, что вы там говорили? Нам нельзя отказывать, иначе...

— А что иначе? — меня очень занимал этот вопрос.

— Вот откажи и узнаешь. — Корней подмигнул мне, но как-то зло, с ехидцей. — Вы же любопытные, кругом свои носы суете, сказку какую-то придумали о дедах-прадедах... Мутные, в общем. Ну, ничего, разберемся...

— Это мы мутные?! — я подскочила, переполняясь возмущением. — Все как на духу рассказали, еще и мутные! Что ж вы тогда нас не заколдуете, в подвале не запрете?! Пока разбираться будете!

— А зачем? — Прохор плотоядно усмехнулся. — Сейчас я такое заклятье на деревню наложу, что ни сюда, ни отсюда, даже мышь не проскользнёт, птица не пролетит... Все, как в клетке будем.

— Для чего это? — Танька недоуменно смотрела на его злое лицо.

— Разбираться будем, — бархатным голосом прошипел он, склонившись к ее лицу. —
Никто не скроется.

Корней принес еще рюмки и налил в них коньяк.

— Прощу к столу.

— Мы не... — начала, было, Танька, но тут же замолчала — противиться было нельзя. — Вот черт!

— Давай, давай, — засмеялся Прохор. — Разговор веселей пойдет.

Мы уселись за стол и намахнули коньяка, которого рыжий колдун, явно не пожалел. Внутри потеплело.

— Мне вот интересно, а прадеды наши, сразу вам поверили, когда вы прошлом объявились? — Корней ласково улыбался, но я не верила в эту улыбочку.

— А какая разница? — я пожала плечами. — Вы же все равно нам не верите.

— Ну, интересно же, — совсем не смутился он. — Так что, поверили?

— Поверили, да только поздно было, — от злости, мне хотелось наорать на них. — Вот и с вами такое будет.

— Да ладно... — примирительно сказал Корней и снова налил. — Знаем мы, что вы правду говорите.

Мы изумленно уставились на них и Танька протянула:

— А зачем все эти игрушки? Вы издеваетесь что ли?!

— Послушайте, — Прохор посмотрел на нас внимательным взглядом. — Мы эту оборотнику, лет десять как ищем и если бы не вы, возможно бы и опоздали.

— Мы? — растерянно произнесла я и он кивнул.

— Вы нас призвали, мы явились, а тут и пропажа наша, — улыбнулся Прохор.

— Да что ж вы, не знали, что она может сюда явиться, чтобы родственника своего поднять?! — Танька психовала и поглядывала на полную рюмку, облизывая губы. — Дурь какая-то!

— Наши предки все время охотились за отпрысками этой твари, — сказал Корней. — Они умело скрывались и не переставали лезть на болото, чтобы подобраться к оборотню. Их благополучно ловили, отправляли к любимому предку и все начиналось по новой. Они научились прятаться среди людей, получать образование, осторожничать и разыскать их стало еще сложнее. На болоте стоит один оберег — как только зло появляется там, мы уже знаем об этом, но в этот раз случилось по-другому... Врачиха ваша, уж очень умелая оказалась, не простая... Оберег уничтожила, да так, что мы даже ничего не почувствовали! Если бы вы не призвали нас, то неизвестно что и было бы.

— А почему вы на заимке не живёте? — коньяк расслабил меня и колдуны уже не казались такими злыми и страшными. — Не охраняете болота?

— Почему, почему... — вздохнул колдун. — Все потому же — цивилизация. Кому охота в глуши жить? Вот мы оберег поставили и успокоились.

— Успокоились они... — пробурчала Танька. — Мы, значит, расхлебывай здесь все, а они цивилизацией наслаждаются!

— Да черт с ним, со всем этим! — воскликнула я. — Почему вы сразу врачиху не прихлопнули?! Чего тянули?! Девочку чуть не загубила, старух извела, а вы все ждёте!

— Да поймите вы! — Корней нахмурил свои рыжие брови. — Не одна она! Вот сестрица явилась, а есть и братец! Всех собрать нужно, иначе опять затаятся!

— Е-мае... — протянула я, хватаясь за голову. — Еще этого не хватало...

Танька угрюмо пялилась в окно, за которым раскачивался одинокий фонарь и вдруг прошипела, сползая со стула:

— Обратнихи чешут!

— Быстро в спальню! — Прохор указал нам на закрытую комнату, и мы ринулись туда, стараясь согнуться как можно ниже.

Как только за нами закрылась дверь, за окнами раздался крик:

— Корней! Прохор!

— Чего им надо?! — Танька присела на пол и прижалась спиной к стене. — Покоя от них нет!

— Еще и братец на подходе! — напомнила я ей. — Вот когда веселье начнется!

В комнате было темно, лишь слегка выделялись силуэты мебели, окруженные мягким зимним светом из окна. Пахло мужским одеколоном и еще чем-то очень приятным, похожим на благовония.

Хлопнула входная дверь, и мы услышали голоса, от которых по позвонку поползли мурашки.

— Извините, что мы без приглашения. — Леночка излучала благолепие и доброту. — Сидели, сидели с сестрой и решили вас пирогом угостить.

— Уже и пирог состряпали! — прошипела Танька. — Ты смотри!

— Проходите, мы рады гостям. — ответил Прохор и мы услышали как задвигались стулья. — С чем пирог?

— С яблоками, — ответила врачиха. — Лидочка пекла.

— А мы вот, коньяк распиваем, — сказал Корней и предложил: — Может и вы с нами, немножко?

— Если только совсем чуть-чуть, — кокетливо согласилась Лида. — Я быстро пьянею.

— Пьянеет она! — снова забурчала Танька. — У меня такое ощущение, будто они подкатывают к ним!

— Так и есть, — подтвердила я. — Вот только зачем?

— Да может просто, — хмыкнула подруга. — Мужики то видные, а они хоть и не обычные, но бабы все ж!

Конечно, я знала, что ни Корней, ни Прохор не поведутся на них, но было неприятно. Да что там неприятно — я практически бесилась.

— Я надеюсь, у вас проблем не будет? — вдруг спросила Леночка и Прохор удивился:

— В каком смысле?

— Возможно вы в отношениях... — с неловкостью произнесла врачиха, а ее сестрица поддакнула:

— Девушки, которых я видела сегодня — не ваши подруги?

— О нет! — засмеялся он. — Это всего лишь соседки. Такие дамы не в нашем вкусе.

Танька сдавленно охнула и злобно прошептала:

— Я надеюсь, что это он ради конспирации сказал?!

А Прохор не унимался, будто издеваясь над нами:

— Если честно, мне даже кажется, что у них не все дома. Уж очень они странные.

— Да, да, я заметила, — сказала фельдшерница. — И поведение странное и разговоры...

— А она не странная! — мне казалось, что еще чуть-чуть и Танька выскочит из нашего укрытия. — Вот сволочи!

Компания наслаждалась коньяком, пирогом с яблоками, а мы сидели в темноте и ужасно нервничали, слушая все, что они обсуждали. Вдруг Танька придвинулась ко мне и шепнула на ухо:

— Если эти здесь, значит можно книгу обратно спереть!

— Ты о чем? — я похолодела.

— Ты поняла, — сквозь зубы ответила подруга и я возмутилась:

— Вещи и обувь где?! Ты босиком пойдешь? Из дома как выберемся???

— Из дома — в окно! — не унималась она. — Сейчас забежим к тебе, что-нибудь накинem и вперед! Давай, когда еще такая возможность представится?!

Не ожидая больше от меня ответа, Танька пошла к окну и принялась возиться со шпингалетом, ерзая по широкому подоконнику, а я сходила с ума от страха, представив, что придется лезть в дом обратной.

— Пошли! — позвала меня подруга и, скрипя сердце, я полезла следом за ней в окно.

Похватав какие-то старые шмотки, мы помчались к медпункту, ни на секунду не сбавляя темп, ведь кто знает сколько они там будут пирогами и коньяками угощаться?

Остановившись возле крыльца, мы еле отдышались и лишь потом принялись думать, как попасть внутрь.

— Где окна ее? — Танька все еще тяжело дышала. — Со стороны кладбища?

— Наверное! Я почему знаю? — я огляделась, но вокруг было тихо и жутко. — Давай быстрее!

В ночной, морозной дымке, кладбище выглядело впечатляюще — посеребренные кресты, ангелы с горками снега на плечах и раскачивающиеся ветви деревьев. Все это не добавляло отваги и когда мы, наконец, подкрались к окнам фельдшерицы, я чувствовала себя чуть ли не в полуобмороке.

Окно мы открыли сразу, рамы были старые, разошедшиеся и поддеть шпингалет лезвием ножа, не составило никакого труда. Танька залезла первая, а я следом, ощущая запах больницы и женских духов. Включив фонарик, подруга обвела лучом комнату и прошептала:

— Хорошо устроились, сестрички!

Комнаты, выделенные врачихе, были большие, с высокими потолками, в них даже стояла неплохая мебель. Мы прошвырнулись по всем углам и, конечно же, обнаружили книгу, которую никто не собирался прятать. Конечно, сестрицы и подумать не могли, что у кого-то хватит наглости влезть в дом врача.

— А вот и книжечка! — Танька схватила фолиант, но я остановила ее:

— Погоди-ка! Давай вырвем страницы, на которых написано о том, как оборотня воскресить! Они может, сразу и не заметят! И не кинутся по горячему!

— А давай!

Мы быстренько разыскали нужные страницы, и безжалостно выдернув их, покинули оборотничий дом. Погода нам способствовала — начиналась метель и вскоре от наших следов, ничего не останется, что не могло не радовать.

— Куда теперь, домой? — Танька остановилась возле дома колдунов и опасливо посмотрела на светящиеся окна.

— А как это будет выглядеть? Они кинутся, а нас нет! — я тоже покосилась на дом. — Не очень красиво получится!

— Ладно... Полезли обратно... — Танька тяжело вздохнула, и первая вошла в калитку. — Будем их пашни слушать!

— А почему бы и не послушать? — проворчала я. — Может, чего интересного скажут. Забраться назад в дом, оказалось труднее, чем вылезти из него, но и с этим мы справились, стараясь не шуметь и не пыхтеть. В спальне было прохладно и побыстрее закрыв окна, Танька прошептала:

— Веселятся!

Действительно, из комнаты слышался смех и веселые разговоры, отчего меня пробрало завистью — я тоже хотела сидеть в тепле, попивать коньяк с красивыми мужиками, а не бегать целыми днями по холоду, выискивая какие-то тайны.

— Сегодня, конечно, неожиданно было вас увидеть, — услышали мы голос Корнея. — В смысле, вместе. Я сначала подумал, что у меня в глазах двоится!

— Да, мы любим так неожиданно удивлять людей, — промурлыкала Леночка. — Но я надеюсь, это был приятный сюрприз?

— Несомненно, — в тон ей, промурлыкал Корней. — Двойное удовольствие...

— Третьей нет? — засмеялся Прохор. — Сестры.

— Нет, но есть брат, — ответила Лида и в ее голосе прозвучала гордость. — Он у нас — спортсмен. Сергей Костромышев, слышали?

— Костромышев?! — прошипела Танька и ее глаза, блеснули в темноте. — Вот это да!

— А кто это? — я была не особо сильна в спорте и подруга возмущенно ответила:

— Ты нормальная? Костромышев — чемпион мира по боксу в тяжелом весе! Сергей Костромышев — легенда! Стыдно не знать!

— Если он из семейства этих тварей, то ничуть! — парировала я и Танька промолчала, ведь так оно и было.

Колдуны тоже удивились и из комнаты неслись изумлённые возгласы.

— Ничего себе! — Прохор был явно ошеломлен. — Никогда бы не подумал, что познакомлюсь с родственниками Костромышева!

— А возможно, и с ним самим! — радостно объявила Леночка. — Он звонил вчера и сказал, что перед подготовкой к очередному бою с каким-то мексиканцем, погостит у нас.

— Недельки с две, точно! — добавила Лида. — Говорит, ему бы деревенским воздухом подышать да парного молочка напиться.

— Вот этого как раз не хватало... — прошептала Танька, оседая на пол. — Я не знаю, какие они колдуны — слабые, сильные, расчудесные, но три оборотня, один из которых чемпион мира по боксу — перебор. Тебе так не кажется?

— Да я вообще в шоке! — у меня просто дух захватывало от мысли, что тут соберется целое "кодро" кровавых тварей. — Слушай, но ведь Прохор с Корнеем знают, что делают. Нужно довериться им и все.

— Главное, нужно доверять друг другу, а уже потом остальным! — наставительно

произнесла подруга, и мы замолчали, прислушиваясь.

— Мне кажется, у нас коньяк закончился, — голосок Леночки неприятно резал ухо. — Как жаль...

— Для таких девушек у нас всегда найдётся все самое лучшее, — с тонким намеком произнёс Корней, и мы услышали шаги — он шел к спальне. — Сейчас все будет, красавицы.

Через секунду дверь распахнулась, загорелся тусклый свет ночника и, шурясь, мы уставились на хозяина дома.

— Слушать противно, — выдала Танька и отвернулась, а Корней ехидно усмехнулся и, подмигнув мне, тихо сказал:

— Тяжела работа колдуна.

— Я вижу, — мне почему-то было неприятно от всего происходящего. — Но это ваше дело. Главное, чтоб быстрее избавиться от этих!

Задергиваться с нами ему было не с руки и, взяв из ящика бутылку коньяка, Корней снова подмигнул нам и вышел.

— Это уже лучше! — Танька осторожно приблизилась к шкафу, за которым стоял ящик с коньяком, и я услышала тихий звон.

Подруга вернулась с трофеем и чтобы совсем не заскучать, прислушиваясь к разговорам, мы принялись попивать коньяк прямо из бутылки.

Мне жутко хотелось пить, голова гудела, а губы не хотели разлипаться. Я лежала под теплым одеялом, уткнувшись носом, во что-то приятно пахнущее и если бы не дикая жажда, то вряд ли бы даже шевелилась. Облизнув губы, я потянулась и замерла, услышав знакомый голос:

— Водички?

— Нет, нет, нет... — взмолилась я, понимая, что мои мольбы бесполезны и все это на самом деле. — О, неет...

Рядом лежал Корней, в чем мать родила и чем-то приятно пахнущим, была его грудь, в которую я тыкалась носом всю ночь.

— Это так ужасно? — он приподнял мое лицо двумя пальцами, и я увидела хитрую улыбку в рыжей бороде. — Настолько плохо, что прям "о неет"?

— Честно? — я моментально охрипла. — Я не помню...

— Вот это да... — он нахмурился. — Разве можно так пить, чтобы после не помнить такого страстного секса?

Меня бросило в краску и горячей волной обдало с ног до головы. Вот тебе и пожалуйста...

— Успокойся, на тебе лица нет! — захохотал Корней, откидываясь на подушку. — Не было ничего.

— А почему мы голые? — я заглянула под одеяло и покраснела еще гуще. — Как мы вообще здесь оказались?!

— Когда мы с Прохором выпроводили наших гостей, то, конечно, сразу же заглянули к вам и о, чудо! Наши любопытные соседки выпили бутылку коньяка и завалились спать в мою кровать, — еле сдерживая смех, ответил Корней. — Прохор забрал твою подругу, а я уложил тебя с собой. Так теплей.

Я видела в его глазах веселые искорки и начинала беситься.

— Голым быть обязательно?! И меня раздевать?!

— Дресс-код моей кровати, — он пожал плечами. — Ничего не поделать.

— Ты... ты... — я не знала, какие слова подобрать, чтобы сильнее уколоть этого красивого мужика. — Ты...

Корней смотрел на меня, приподняв брови, а потом вдруг поцеловал, обхватив затылок сильными пальцами. Я замычала, забила в его руках, но буквально через несколько секунд, уже самозабвенно отвечала на поцелуй, прижимаясь к его мощной груди.

— Так кто я? — он оторвался от моих губ и уставился своими гипнотическими глазами.

— Нахал... — проблеяла я и выскочила из-под одеяла, натягивая на ходу джинсы. Штанины путались, я несколько раз упала и, выбегая из спальни, слышала хохот этого проклятого, рыжего колдуна, вонзавшийся мне в спину тысячами иголок.

— Танька! — закричала я, желая побыстрее свалить из этого дома. — Танька, ты где?!

Никто не отзывался и, толкнув очередную дверь, я охнула и снова закрыла ее. Моя неутомная подруга обжималась с Прохором, совершенно не внимая моим крикам, и чтобы не портить ей удовольствие, я выскочила из дома и помчалась к себе, утопая в выпавших за ночь сугробах.

Стыдясь своего поведения и, сетуя на неоправданную беспечность, я так резво лезла по снегу, что забыла о колесе от трактора, которое еще в том году бросил на обочине пьяный Петька. Его привалило снегом, и неловко зацепив его задубевший бок, я не удержалась на ногах и рухнула прямо в середину колеса, почувствовав, как что-то хрустнуло в лодыжке. Резкая боль заставила меня взвыть, отчего, в рот набилось снега, и я забарахталась в нем, размахивая руками и отплевываясь.

— Позвольте я вам помогу!

Меня подхватили сильные руки и выдернули из колеса, будто я была пушинкой, а не довольно упитанной деревенской барышней.

Несколько раз моргнув, избавляясь от снега, прилипшего к ресницам, я встретила взглядом с молодым мужчиной. Явно чужаком. У него были густые, тёмные брови, темные глаза с опасным прищуром, скуластое лицо с трехдневной щетиной и мощная шея, видневшаяся из расстегнутого воротника куртки.

Он поставил меня на землю, и я вскрикнула, почувствовав резкую боль в ноге. Мужчина тут же подхватил меня снова и сказал:

— Да у вас травма! Я сейчас отнесу вас в медпункт, у меня там сестры работают. Не переживайте, все будет хорошо.

Я вылупилась на него, ощущая, как тело делается ватным, а дыхание спирает от ужаса.

— Не стоит беспокоиться... Ничего страшного... — залепетала я, ерзая на его руках. — Сейчас все пройдет...

— Не пройдет. Я спортсмен и разбираюсь в таких вещах, — сказал мужчина и понес меня к своим сестричкам, бледную и в полуобморочном состоянии от страха.

— А кто решил, что ее волки сожрали? — Танька подозрительно уставилась на Досю. — И вообще! Вы в своем уме такое говорить?! Валя в себя прийти не может!

— А то твоя Валя не узнает ничего! — огрызнулась старуха. — Кому хоронить-то ее? Вальке твоей!

Я краем уха слушала этот разговор, а сама отчаянно соображала: волки? Вряд ли... Тридцать лет никого не жрали, а тут на тебе! История закручивалась все быстрее и если так пойдет и дальше, то эта семейка засыплет всю деревню трупами! Как же тетка умудрилась попасть им в лапы? Что в лесу делала? Ужасно... Как же все ужасно...

— Валентина!

Я вздрогнула и, обернувшись, увидела приближающегося участкового. Он подошел к нам и, прокашлявшись, сказал:

— С плохой новостью я. Тетка твоя...

— Да знаем мы уже, — буркнула Танька и посмотрела на Досю. — Уже принесли нам эту новость.

— Не язык, а помело! — выругался участковый и, мелко перебирая ногами, Дося пошагала домой, ворча под нос какие-то проклятия.

— Где она? — я только сейчас поняла, что на мою голову свалилась еще одна проблема, в виде теткинх похорон. Ни то что бы мне не было жаль ее... Но назвать свою тетку хорошим человеком, я тоже не могла. Чего греха таить — меркантильная да жадная баба... Упокой Господи ее душу. Такая смерть...

— Так в подвале медпункта, — пожал плечами полицейский. — Где ж еще труп быть.

— Волков-то, постреляли? — Танька повернулась к нему, ожидая ответа, но он растерянно молчал. — Ну, все ясно. О чем тут говорить.

— Ты что имеешь в виду? — участковый нахмурился.

— Идти нам надо, — отмахнулась Танька. — Дел невпроворот!

Мы развернулись и снова похромали в медпункт, вернее похромала я, а Танька плелась рядом.

— Ты смотри что происходит... — протянула она, качая головой. — Не успел этот братец в деревне появиться, как уже труп! Не иначе это он ее! Валь, ты как? Нормально?

Танька заглянула мне в глаза, и я успокоила ее:

— Нормально. Вот только происходящее — не нормально!

— Колдуны что сказали? — подруга взяла меня под руку, поддерживая. — Как только вся семейка соберется, они их и прихлопнут!

— Да пора бы уже! — я даже скривилась, взглянув на здание медпункта. — Иначе я сама их вместе с медпунктом сожгу!

Послышался звук подъезжающей машины и перед нами остановился "гелик" колдунов. Из него вышел Корней и зло уставился на меня.

— Почему мы должны искать вас?!

— А зачем нас искать?! — прошипела я в ответ. — Вы лучше врачихой и ее семейкой займитесь! Тетку мою прибили, а дальше что?!

— Вот поэтому я и говорю, что дома сидеть нужно, а не по деревне шастать! — из окна автомобиля показалась голова Прохора. — Что ж вы такие неусидчивые?!

— Я вообще-то, ногу подвернула! — я показала на свою конечность. — А теперь узнала, что тетку убили!

— Пошли. — Корней взял меня за руку. — Я с тобой буду.

— Вообще-то, я тоже здесь! — недовольно и возмущенно протянула Танька. — Я подругу не брошу!

Из "гелика" вышел Прохор и, схватив упирающуюся подругу, затрамбовал её в салон, после чего сказал:

— Мы дома ждем.

Машина умчалась, вздымая клубы снега, а Корней угрюмо посмотрел на меня:

— Ни на шаг от меня. Ясно?

— Ясно... — пробурчала я и похромала дальше.

Нас встретила Леночка, и я заметила, как она бросила на Корнея, быстрый, любопытный взгляд, в котором сквозила явная злость.

— Мои соболезнования, — натянуто произнесла она и сразу же добавила: — Тело сможете забрать послезавтра.

— На нее действительно напали волки? — спросила я, чувствуя себя в безопасности рядом с Корнеем.

— Да, именно так и есть, — ответила она, сжимая кулаки в карманах халата. — Вам нужно подготовиться, это зрелище не для слабонервных.

Ах, ты ж змея... Зрелище не для слабонервных! У меня уже в который раз зачесались руки от желания придушить ее. Еще и стоит недовольная! Видно, что тяготится нашим обществом.

— Что ж, благодарю, — сказала я, понимая, что делать тут больше нечего. — До свидания.

— До свидания, — процедила врачиха и обратилась к Корнею: — Могу я попросить тебя?

Ишь ты! Уже "тебя"! Подруга, не иначе!

— Подожди меня на крыльце, — сказал Корней и пошел за фельдшерницей в кабинет.

Мне ничего не оставалось делать, как выйти на крыльцо и повиснуть на перилах, чтобы не нагружать ногу. Меня раздражало, что фельдшерница лезла к Корнею, и даже понимая, что это игра с его стороны, бесилась не меньше.

— Сколько еще раз я увижу ваше недовольное лицо?

Задумавшись, я чуть не нырнула в сугроб от неожиданности и, повернув голову, увидела спортсмена. Он был в одной белой футболке и спортивных штанах, будто и не мороз на улице.

— Другого нет, — огрызнулась я, но он лишь улыбнулся.

— Может, зайдете на чай? — Серёжа кивнул в сторону жилища своих сестер. — Я вот иду, Лену позвать.

— Нет, спасибо. Я жду человека, — я растянула губы в вынужденной улыбке, чтобы этот чертов монстр ничего не заподозрил. — Но за приглашение спасибо.

В этот момент дверь отворилась и на крыльцо вышли Корней и фельдшерница. Брови спортсмена дернулись вверх, выдавая удивление, но тут же вернулись обратно, лишь взгляд стал холодным и колючим.

— Сережа? — Леночка посмотрела сначала на него, потом на меня, а потом и на Корнея. — Эээ... Познакомься, это мой брат — Сергей. Я тебе рассказывала о нем.

— Рад знакомству. — Корней протянул руку, и оборотень пожал ее.

— Взаимно. С кем имею честь?

— Я пригласила Корнея и его брата к нам на ужин, там и поговорим. Они все подробно расскажут, правда?

Ее томный, полный страсти взгляд метнулся к Корнею и тот кивнул:

— Да, конечно. Мы с удовольствием придем.

— Так у нас посиделки? — Сережа ухмыльнулся хитро и немного зло. — Тогда и я хочу пригласить гостей. Например, Валентину.

Я замерла от неожиданности, Леночка тоже хлопнула глазами, а потом зло прищурилась.

— У Валентины тетка умерла. Думаю, ей не до посиделок.

— Неужели? — сочувственно произнес он, немного фальшивя. — Мне очень жаль. Но мы ведь не танцы собираемся устраивать, а просто поужинать. Возможно, Валентине понадобится какая-то помощь.

— Что ж, я не против, — процедила Леночка, а я взглянула на Корнея и заметила как у него двигаются скулы.

— Валя, я могу рассчитывать на ваше присутствие? — Костромышев улыбнулся мне.

— О да, вот только я не могу свою подругу оставить. Это не очень красиво, — ляпнула я первое, что пришло в голову, и оборотень тут же сказал:

— Берите подругу, Валя. В этом месте не так много молодежи, думаю, это хорошая идея — всем познакомиться.

На том и порешили. Семейка отправилась пить чай, а мы с Корнеем пошли обратно.

— Очень интересно... — протянул колдун, зыряка на меня злыми глазами. — Когда вы познакомитесь успели?

— Еще утром, — ответила я. — Он мне помог к медпункту добраться, после того, как я ногу подвернула.

— Я надеюсь, ты понимаешь, кто это? — Корней чуть ли не рычал, и я недоуменно покосилась на него:

— Прекрасно понимаю. А ты, понимаешь, что врачихи вас окручивают?

— Мы, с Прохором, знаем, что делаем, а вы — глупые! — рявкнул он, а потом подхватил меня на руки. — Бесишь уже своим черепашьим ходом!

Он нес меня всю дорогу, и его дыхание не сбилось ни на секунду, словно я не возвращенная на парном молоке и домашнем хлебе девка, а пушинка. Я ощущала приятный запах, исходящий от него и млела, расплываясь подтаявшим маргарином. Если Корней и замечал мое состояние, то вида не подавал и шёл с каменным лицом, на котором ничего не отражалось. Не мужик, а чурбан, ей Богу...

Танька, надувшись, сидела на табурете возле печки, а Прохор смотрел телевизор, развалившись на диване.

— Ну, что? — подруга вскочила со своего "наместа" и уставилась на меня в ожидании.

— Послезавтра забирать, — ответила я и сняла валенки. — А сегодня в гости идем.

— К кому это? — Танька прищурилась. — Только не говори, что к...

— Именно к ним, — кивнула я и, стянув пальтишко, уселась возле печки, прижав к ее боку озябшие руки.

Корней тоже разделся и с любопытством рассматривал мое жилище.

— Может, не пойдем? — Танька смотрела то на одного колдуна, то на другого. — Пусть эти сами идут. Как раз и кокнут их там, чтобы все по делу было.

— С удовольствием. — Прохор зыркнул на нее злым взглядом. — Вот только завтра.

— Почему завтра? — удивилась я. — У вас что, график какой-то?

— Шутница. — Корней поставил чайник на плиту и сказал: — Нам нужно девочку из больницы забрать, Лукасину внучку, да спрятать ее понадежнее. Это же очевидно, что они хотят от ребенка что-то, вот только мы пока не поймём чего им надо. Детку спрячем, на всю деревню сонный мор нашьем, чтобы никто ничего не видел и не слышал и отправим их к родственнику, что на болотах лежит.

— А с братиком Сережей, точно справитесь? — Танька, волнуясь, пролила воду, которую попивала из ковшика. — Их трое, да еще и оборотни...

— И не таких ломали, — ответил Прохор и в ее глазах, на секунду, блеснула гордость.

— А что она тебе говорила в кабинете? — спросила я у Корнея и тот, ухмыльнувшись, сказал:

— Ничего, целоваться лезла.

— А ты? — мне прям дурно стало.

— А что я? Свою игру играл, — он смотрел на меня своими насмешливыми, наглыми глазами и я начинала злиться.

— И как?

— Что как? Как играл, или как целовал? Нужно было утром самой попробовать.

— Ты... Ты... — я подскочила с табурета и застонала. — Мммм... нога...

— Что ж вы за колдуны, вывих подруге вылечить не можете? — ехидно поинтересовалась Танька, поддерживая меня под локоть.

— Отчего не можем? — удивился Корней. — Уже бы вылечил, если бы Валентина в гости не напросилась. Слишком будет подозрительно, что нога болеть перестала, а притворяться она не может.

— Когда это я а ним в гости напрашивалась? — обалдела я от такого заявления. — Ты чего выдумываешь?

— Ну, не зря же Сереженька тебя пригласил, — сладким голосом произнес Корней, и Прохор принялся улыбаться, демонстрируя свои шикарные зубы.

— Надоело мне с вами шутки шутить! — оскорбилась я и проворчала: — Нам с Танькой еще к похоронам готовиться!

— Да не переживай ты так, — Корней посерьезнел. — Мы все сделаем. Пару звонков и все.

— Спасибо, — буркнула я, понимая, что помощь мне очень нужна. — Я за все рассчитаюсь.

— Конечно, — он подмигнул мне, и я снова вспыхнула. Ну что за мужчина!

Напившись чаю, колдуны ушли, приказав нам не высовываться и мы с Танькой завалились спать, запершись на замок и засов.

К вечеру у меня разболелась нога, и я уже пожалела, что согласилась идти в эти проклятые гости. Укол не помогал и когда за нами пришли Корней с Прохором, я зло качалась на кровати, испытывая невероятные муки.

— В первый раз таких малахольных баб вижу, — вздохнул Корней и присел рядом. — Давай уж свою ногу.

Через пару минут меня отпустило, и я лежала, наслаждаясь его теплыми пальцами на своей щиколотке.

— К оборотням, врознь пойдем, — сказал Прохор. — Чтобы лишнего не думали. Это ни к чему сейчас. Мы первые отправимся, а вы через минут двадцать подойдете.

Мужчины отправились в гости, а мы, не спеша оделись и тоже вышли из дома.

— Какое-то предчувствие у меня не хорошее... — прошептала Танька, будто специально замедляя шаг. — Душа не на месте.

— Накрутила себе, вот и все, — успокоила я ее, но и сама чувствовала странное волнение. Кто знает, что у них на уме? Чего ожидать от этой семейки? Тетку мою сожрали, а мы что, не подходим?

Мы, молча, шли по скрипящему снегу, и мне постоянно хотелось оглянуться, чтобы избавиться от ощущения, что кто-то дышит в спину.

— Мне кажется, что за нами наблюдают. — Танька будто прочла мои мысли. — Аж мороз между лопаток.

— Кто может наблюдать? — я со страхом посмотрела на темную громаду леса. — Думаешь, они нас пригласили, чтобы по дороге сожрать?

— Прекрати! У меня и так под коленками трясется! — тоненько пискнула Танька. — Да когда уже все образуется?!

— Скоро. Немного осталось, — уверила я ее. — Если в прошлом от них избавились, то и в настоящем сможем.

За разговорами, мы не заметили, как подошли к кладбищу и остановились под светящимися окнами, из-за которых слышались разговоры и смех.

— Надо было хоть пирог какой испечь, — непонятно к чему ляпнула Танька и шагнула к двери.

Постучав, мы замерли, переминаясь с ноги на ногу, и когда дверь распахнулась, увидели Сергея.

— А вот и вы... — то ли радуясь, то ли насмехаясь, протянул он. — Проходите, уже все собрались.

Мы вошли в темный коридорчик и завозились, снимая одежду. Сергей помог мне с пальто и вдруг, совершенно неожиданно для меня, поцеловал в шею, быстро и легко прижавшись губами к позвонку. У меня все рухнуло вниз, ноги сделались ватными, а лицо запылало. Что происходит?! Какого черта?!

Стащив валенки, я, будто ничего не заметив, прошла в комнату и услышала, как Танька знакомится с ним, оставшись в коридоре.

— Добрый вечер.

Я резко повернула голову и увидела Лиду — она стояла возле шкафа, опершись спиной о его гладкую поверхность, и пила вино. Ее лицо было бледным, глаза неестественно блестели, а руки слегка подрагивали. Мне это начинало не нравиться.

— Добрый, — ответила я и в этот момент ко мне подошла Танька:

— А вот и мы.

— Проходите в гостиную, — предложила Лида, глядя на кого-то позади нас, и я поняла, что там стоит Сергей. — Все там.

Гостиная была большой, с высокими потолками и деревянными скрипучими полами. Посреди нее стоял круглый стол, за которым уже сидели Прохор с Корнеем и Леночка. Когда мы вошли, она как раз подкладывала что-то Корнею на тарелку.

— Добрый вечер! — громко сказала Танька, и все повернули к нам головы. Корней нахмурился, глядя на меня.

— Прощу к столу, — фельдшерица пыталась выглядеть гостеприимной хозяйкой, но это у нее плохо получалось. Мало того, что мы ей не нравились, так и возбуждена она была не меньше чем ее сестрица. Этот факт, в который раз заставил меня насторожиться. Что-то происходило...

Еще и этот Сережа! Какого черта ему от меня нужно? При воспоминании, о его губах на моей шее, по телу пробежали мурашки страха и отвращения.

Спортсмен помог нам устроиться за столом и, конечно же, уселся рядом со мной.

— Попробуй вино, я его привез из Франции. Оно чудесно.

Я улыбнулась ему и кивнула, сплетая под столом пальцы в тугой узел.

— Ты нервничаешь... — прошептал он, склонившись к моему уху. — Это из-за того невинного поцелуя?

— Во-первых, когда мы перешли на "ты"? А во-вторых, ты говорил по поводу меня совершенно другие вещи, еще сегодня утром, — сквозь зубы процедила я и заметила, что Корней поглядывает в нашу сторону.

— Мммм... Да ты строптивая деревенская штучка, да? — он немного склонил голову набок, и в его прищуренных глазах вспыхнуло опасное пламя. Из них на меня смотрел зверь.

— Давайте выпьем за знакомство, — предложила Лида и я обратила внимание, что она ставит на стол еще один бокал и раскладывает приборы.

— Кто-то еще будет? — Прохор насторожился.

— За знакомство! — Лида потянулась к нему бокалом, и Прохору пришлось встать. Остальные поднялись следом и стукнулись бокалами.

Отпивая вино, я взглянула на Леночку, и внутри у меня все сжалось: бледное лицо, горящие темные глаза и кровавые следы от вина на губах...

— Вы не ответили, — Корней отставил бокал. — Вы кого-то ждете?

Воцарилась секундная тишина и за окнами жутко завывала собака, страшно, безысходно, с жуткой тоской, а после раздался громкий стук в дверь.

Танька побледнела и сжала мою коленку под столом. Я тоже чувствовала приближение чего-то страшного и если честно, готова была сорваться с места и выпрыгнуть в окно.

— Одну минутку, — вежливо улыбаясь, сказала Лида и вышла, оставив всех в гнетущей тишине.

— Еще один гость, — фельдшерица хитро повела глазами. — Очень дорогой нам человек.

Мне вообще стало дурно. Их дорогой человек лежал в трясине, и самое главное — человеком не был!

Раздались тяжелые шаги, и вскоре в дверях появился мощный силуэт, заслоня собой весь дверной проем. Свет из другой комнаты освещал его сзади и мне было тяжело разглядеть черты лица незнакомца, но то, что из него просто пёрла темная, удушающая энергия, не почувствовал бы лишь мертвый.

— Добрый вечер, всем собравшимся, — голос гостя, был похож на смолу — такой же тягучий и липкий. — Вы не против, если я присоединюсь к вашей компании?

— О чем ты говоришь? Ты — желанный гость в нашем доме! — фельдшерица бросилась к нему на шею, а у меня закололо сердце.

Я посмотрела на Таньку и по ее лицу поняла, что она близка к обмороку.

Колдуны напряглись конкретно. Корней приподнялся, а Прохор сжал в руке вилку, готовый ко всему.

— А вот и старые знакомые... — насмешливо произнес страшный гость и шагнул в комнату. — Колдуны с заимки, собственной персоной...

— Ошибаешься, — процедил Корней. — Их потомки.

— Это не меняет смысла, — ухмыльнулся оборотень и наконец, мы увидели его лицо. Он выглядел куда лучше, чем в прошлый раз. Вместо спутанной бороды — аккуратная щетина, резко очерчивающая острые скулы, угрюмый взгляд из-под изогнутых бровей и короткие темные волосы, в беспорядке торчащие в разные стороны. Мужчина уселся за стол и тихо сказал: — Я не советую вам рыпаться, иначе...

В этот момент он схватил Таньку за шею и притянул к себе, демонстрируя белоснежные зубы с удлиненными клыками в гадкой улыбке. Его ноздри затрепетали, когда он прижался носом к ее щеке:

— Мммм... женщина...

Лицо Прохора потемнело, а глаза превратились в щелки, но это лишь забавляло монстра.

— А что происходит? — фельдшерица недоуменно посмотрела на колдунов, а потом повернулась к своему родственнику. — Вы знакомы? Но как?

— Милая моя... Эти приятные парни — колдуны. Потомки тех, кто в свое время уничтожил меня, — прорычал оборотень и его тяжелый взгляд переместился на меня. — И здесь знакомые лица...

— Что?! — воскликнула Лида, и я чуть со стула не упала, когда она отскочила в сторону и зашипела как огромная кошка, обнажив клыки. — Как колдуны?!

— Обвели вас вокруг пальца, как дур последних! — рявкнул оборотень и его глаза вспыхнули красным. — Расслабились вы здесь, обабались! Нет уж былой хватки! Ну, ничего,

я за вас возьмусь!

— А ты особо не надейся, что здесь задержишься, — Корней не сводил с него пылающих глаз. — Вся ваша семейка обратно в ад отправится. Где ей и место.

— И что, бойню здесь устроите? — хмыкнул оборотень. — И не жаль вам будет, душ загубленных? Девки-то, хорошие.

Он еще сильнее сжал Танькину шею и провел языком по ее губам, отчего подруга сморщилась, и попыталась было вырваться, но это ей не удалось — хватка оборотня была мертвой.

— Так пусть уйдут, а мы поговорим между собой. — Корней напряжённо наблюдал за оборотнем. — Или ты только за бабскими юбками смелый?

Все это время Сергей сидел молча, буравя тяжелым взглядом колдунов, но вдруг раздался его голос, от которого по моему позвонку побежали мурашки:

— Я бабу эту хочу и пока не наиграюсь, убивать не дам.

Я медленно повернула голову и увидела, что он смотрит на меня. Угрюмо, исподлобья, как зверь, готовящийся к прыжку.

— Обойдешься. — Корней дернул меня к себе, и я замерла, спрятавшись за его спину. — Я тебе другую игру покажу, только она тебе не понравится.

Вся семейка, стояла напротив, и лишь Танька была рядом с ними, удерживаемая оборотнем.

Неожиданно, Прохор схватил Леночку и, выгнув ее шею, чтобы она не смогла достать зубами до его руки, прошипел:

— Женщину сюда подтолкни, иначе я ей голову оторву.

У оборотня заходили скулы под черной щетиной, но он понимал, что в этот момент они на равных.

— Забирай, только помни, что не жить вам.

Он толкнул Таньку в нашу сторону, и Прохор отпустил шипящую фельдшерицу.

— Когда я крикну "бегите", не раздумывая, убирайтесь отсюда, — шепнул мне на ухо Корней. — Поняла?

Я кивнула и сжала руку Таньки, желая лишь одного — чтобы не так громко билось сердце, иначе услышать точно ничего не удастся.

События начали развиваться стремительно: Корней резко достал из-за пазухи какую-то штуковину и, швырнув ее в семейку, крикнул:

— Бегите!

Мы бросились к дверям, а за нашими спинами началось светопреставление. Вой, рычание, визг и маты, на которые были щедрь Прохор с Корнеем.

Уже в коридоре, Танька так дернула меня за руку, что я чуть не упала.

— Ты чего?!

— Книгу забрать нужно! Лукасину книгу! — громко зашептала она и бросилась к закрытым дверям, за которыми была комната, куда мы лазили через окно.

— О Боже! — я посмотрела в сторону гостиной и увидела, что там настоящая бойня. — Быстрее!

Танька нырнула в комнату и появилась буквально через пару секунд с книгой в руках. Мы впрыгнули в валенки и, оставив свою верхнюю одежду, помчались прочь.

Деревня будто вымерла. Ни одно окно не светилось, ни одна собака не гавкала, лишь скрипели кладбищенские ворота от резких порывов ветра. Когда из темноты показались

очертания моего дома, мы притормозили, и я выдохнула:

— Ты думаешь, они нас в доме не найдут?!

— Мы когда книгу листали, я заклятье видела! — Танька уперлась в забор и прерывисто задыхалась. — Чтоб себя для нечисти, невидимой сделать!

— Ты серьезно? — я вся дрожала от страха, адреналина и холода. — Мы будем колдовать?

— А если колдуны не победят? — предположила она. — Как думаешь, за кем они придут?

— Я очень боюсь за них, — призналась я. — А если их убьют?

— Типун тебе на язык! — Танька распахнула калитку и зыркнула на меня через плечо. — Долго стоять будем?

Не придумав ничего лучше, мы забрались на чердак и, закрыв дверцу, принялись листать многострадальную книгу.

— Как они этого из болота выгнали, если я страницы выдернула?! — Танька каждые несколько минут, замирала и прислушивалась. — Другой способ нашли что ли?

— Это меня уже совсем не интересует, — ответила я, постоянно возвращаясь мыслями к Корнею и Прохору. — Случилось уже!

— Вот! — подруга ткнула пальцем в текст. — Вот оно!

— И что там нужно?

— Четыре свечи и чем можно рисовать на полу. Мел, например. — Танька огляделась. — Есть здесь мел?

— Мела нет, но свечи есть, — я поднялась с пола и, порывшись в коробке с новогодними украшениями, достала витиеватые свечи красного цвета. — Подойдут?

— Не знаю, наверное. — Танька расставила их по углам и поинтересовалась: — Так что с рисованием?

— Сейчас, — я вспомнила, что на чердаке лежала коробка с земляничным мылом 70-го года выпуска, когда-то бережно припрятанная бабулей. — Мылом же можно нарисовать?

— Давай попробуем, — согласилась подруга. — Я всю жизнь обмылком выкройки рисую.

Перерисовав сложные знаки из книги, мы склонились над ней и в один голос проговорили:

— Дьявольская печать! Чтобы Сатану позвать! Нечисти хозяин он, пусть напустит смертный сон! Оморок! Слепота! Вокруг меня чистота! Не видно! Не слышно! Через дышку вышло! Мой мертвец узлы завяжет, нечисти глаза замажет! Свои слова опечатала! Как покойника запечатала! Замок!

Пламя на свечах вытянулось, затрепетало и потухло, будто его задул порыв ветра.

— Что значит "мой мертвец"? — прошептала я, и Танька испуганно огляделась:

— Не знаю... Может к красному словцу?

— Упокоиться еще не успела, а они меня тревожат! Летать я должна, по местам родным! К жизни загробной привыкать, а не от нечисти вас прятать! Вы меня сильно спрятали?!

Мы медленно повернулись и увидели мою тетку, которая стояла в углу и зло таращилась на нас одним глазом. Танька завизжала первая, а я за ней, оглушая саму себя...

Замолчали мы, когда охрипли и уже молча, таращились на тетку, раскачивающуюся в углу. Такого уж точно никто из нас не ожидал.

— Я тебе этого, Валька, в жизнь не забуду! — продолжала ворчать старуха. — Вырвать меня из небытия, чтобы я их проблемы решала! От нечисти прикрывала!

— Ну, извините... — прошептала я, севшим голосом. — Мы же не знали, что так получится.

— А нечего с колдовством связываться, ежели ума к этому делу нет! — она погрозила нам пальцем. — Ух, задать бы вам!

— А кто вас... убил? — Танька выглядывала из-за моего плеча, и я чувствовала, как колотится ее сердце. — Волки?

— Тварь приезжая, — прошипела тетка, и её единственный глаз часто заморгал. — Гадина проклятая! Кто ж знал, что с таким на старости лет столкнуться придется!

— Фельдшерица что ли? — взволнованно поинтересовалась Танька и тетка рывкнула:

— Она! Она, гадина!

— Да как же вы в лапы ей попались? — мне стало жаль тетку в первый раз после известия о ее смерти.

— А сейчас вот что я вам расскажу... — она двинулась, было, к нам, но заметив, что мы подались назад, остановилась. — Шла я значит, в магазин, и тут вижу, врачиха наша, в лес нырнула, а с ней сумка здоровенная. Идет еще так, пригибаясь, оглядываясь, будто боится, чтобы не увидели ее. Мне интересно стало, что происходит и недолго думая, я за ней пошла. Сейчас понимаю, что дура старая я, а тогда любопытство прихватило... Ну, значит, углубилась она в лес, до самого родника, что под старым дубом и остановилась, будто ожидая кого-то. Я за сосенкой притаилась и затихла, даже дышать боялась, чтобы не услышали меня... И тут, появляется, значит, сестрица ее со стороны болот. Глаза горят, на лице радость и говорит:

— Ну что, слаб он еще, но силы растут. Ты мясо принесла?

— Конечно! Вот же оно, в сумке, — отвечает ей фельдшерица. — Ты давай, на работу иди, там народ уже собирается, а я быстренько на болото и обратно.

— Девочку надо срочно забирать из больницы! — голос у Лидки недовольный, злой такой сделался. — Толку от ведьминой книги нет, если вся сила и все знания в Машке! Хорошо, что нам из нее удалось вытащить, как нашего-то, к жизни вернуть, но там и другого полно! Вытрясем из нее знания, и пусть себе подышает!

От услышанного у меня волосы дыбом встали, и решила я, обратно бежать, в деревню. Вот подожди же ты, пусть уйдут! Нееет... будто черти меня толкали! Ступила я назад и на ветку сухую встала, а она как, хрустнет на весь лес, окаянная! Не успела я оглянуться, а фельдшерица тут как тут! И не баба уже она, а чудовище! Клыки огромные, глаза кровью налитые, пальцы длинные с когтями! Я закричала и конец — не помню ничего, кровавая пелена перед глазами.

— Так вот зачем им девочка нужна... — прошептала я, медленно офигея от происходящего. — Врачиха ее на заимке держала, чтобы знания выжать, силы забрать у ребенка!

— Вот же тварь! — Танька уже пришла в себя и видимо теткин, мягко сказать,

разобранный вид, уже не пугал ее. — Теть Клава, а как вы нас от нечисти скрывать будете? Как это работает?

— Так постоянно с вами буду, — тетка была недовольна. — Своей мертвой энергией, вашу, живую, прикрывать. У нас, мертвых, энергия сильная, холодная и нечисть путается, нюх теряет. Только долго это не продлится — максимум три дня. Так что, решайте, что делать будете.

И тут раздался стук в дверь. Даже не стук, а грохот. Кто-то тарабанил кулачищами так, что дом ходил ходуном.

Мы подпрыгнули от неожиданности и с ужасом уставились на пол чердака.

— Это еще что? — прошептала Танька, тоненьким голоском. — За нами пришли?

— Сами откроете, или дверь ломать?! — услышали мы рев, похожий на рев разъяренного медведя. — Валентина! Зачем же имущество портить? Нам еще жить тут!

— Спортсмен! — выдохнула я и испуганно забегала по чердаку, не зная куда деться. — Черт! Что делать?!

— Да успокойся ты! — Танька была бледной, но спокойной. — Не увидит он нас. Забыла?

— Точно? — я взглянула на тетку и та кивнула:

— Истинно говорю.

Мы услышали, как дверь слетела с петель, и Костромышев ворвался в дом. Его шаги раздались прямо под нами, и после секундной тишины до наших ушей донесся разговор:

— Нет их здесь... Чувствую я... — в этом шипящем голосе я узнала оборотня с болота. — Живым не пахнет...

— Куда же они делись тогда?! — взревел Сергей, и что-то полетело на пол. — Где прячутся?!

— Найдем, не переживай... — спокойно и насмешливо ответил оборотень. — Никуда не денутся. Пойдем.

Они ушли, а мы, будто оглушенные, молча, смотрели друг на друга.

— Неужели убили Корнея с Прохором? — первая произнесла я страшную догадку.

— Похоже, не справились они с оборотнями. — Танькины глаза наполнились слезами. — Несправедливо как...

Думать о смерти Корнея, было невыносимо тяжело. Этот человек мог стать моим, и наши души явно тянулись друг к другу. Нет! Нет! Я не собираюсь с этим мириться!

— А ну, пошли к ним! — я подскочила с места, переполняясь боевым духом. — Нас они все равно не увидят, а мы хоть толком узнаем, что произошло!

Не теряя времени, мы слезли с чердака, оделись и, подперев выбитую дверь поленом, пошли к дому оборотней.

— У меня такое ощущение, что я скоро упаду от усталости, — сказала Танька, семеня рядом. — Мы постоянно куда-то бежим.

— Это от того, что голова дурная, — подала голос тетка, следующая за нами. — Все от того, что мозгов нет.

— Спасибо тетя, — я покосилась на призрачный силуэт. — Одно удовольствие с вами общаться, что при жизни, что после смерти.

— Правда глаза колет? — язвительно поинтересовалась тетка, но я промолчала, не имея желания в этот момент устраивать перепалку с мертвецом.

— А если их и, правда, убили? — Танька всхлинула. — Я не переживу. Мне в жизни

такого мужика больше не светит!

— У нас книга есть — воскресим, — угрюмо произнесла я, готовая даже на это.

— Ой, дуры... — протянула тетка. — Да что ж творится-то...

Но мы не слушали ее, все ближе подходя к медпункту. В окнах горел свет, и чудилось какое-то движение.

Танька поднялась на крыльцо и осторожно потянула за ручку двери. Она оказалась не заперта, и осталось только войти внутрь. Было страшно до одури, мы хоть и понимали, что нас оборотни не почувствуют, но кое-какое сомнение все же присутствовало. Не идем ли мы добровольно в лапы монстров?

Переборов страх, мы вошли в темный коридор и сразу же услышали голос Леночки:

— Мне показалось, что хлопнула дверь. Вы ничего не слышали?

— Я посмотрю, — ответил ей Сергей, и мы услышали, как он идет в нашу сторону. Прижавшись к стене, мы замерли, стараясь не дышать, и мне даже показалось, что мое сердце перестало биться.

Спортсмен прошел мимо, открыл дверь, выглянул на улицу и запер её на замок. Развернувшись, он на секунду остановился рядом с нами, нахмурился, повел носом, будто принюхиваясь, и только потом вернулся обратно.

— Господи... — прошептала Танька. — Я, наверное, седая уже!

Я ее прекрасно понимала, ведь выдержать столько стрессов, было не под силу даже мужчине с устойчивой психикой.

Отдыхавшись, мы пошли в гостиную и застали такую картину: кругом валялась разбитая мебель и посуда, Леночка с сестрицей наводили порядок, а мужчины сидели за столом. Колдунов нигде не было.

Я обратила внимание, что у оборотня с болота, все лицо было в глубоких порезах, а у Сергея, правая рука болталась, словно у марионетки.

— Ты понимаешь, что нам просто повезло? — угрюмо и зло спросил оборотень у Сергея. — Если бы Лида не швырнула соль в глаза этим проклятым колдунам, у нас не было бы ни малейшего шанса. Вот вам и друзья! Привели в дом непонятно кого! Это бабские хотелки! Бабские капризы! Увидели красивых мужиков и о деле забыли!

— Не забыли, — буркнула Лида. — Тебя-то, оживили!

— Замолчи! — рявкнул оборотень. — Пока они в беспамятстве, в подвале плесень нюхают, нужно девку привезти!

— Давай убьем их и все дела! — возбужденно воскликнул Сергей. — Чего ты носишься с ними?!

— А ты не думал о том, что с помощью девчонки, с помощью ее сил, мы сможем из них тоже эту силу изъять? — прошипел оборотень. — Себе присвоить! Это ведь мощь невероятная!

Танька сжала мою руку, причиняя боль, и я поняла, что она еле сдерживается, чтобы не ляпнуть чего-нибудь. Но самое главное — Прохор и Корней живы!

— Пойдём-ка отсюда, — шепнула мне подруга, и мы тихонько покинули гостиную.

— Что делать будем? — мне казалось, что самое правильное в этом случае — выпустить колдунов из подвала. — Прохора и Корнея освободим?

— Нет, — Танька приблизилась к моему уху. — Нужно девочку из больницы забрать. Иначе толку не будет.

— Сейчас, ночью? — я не могла понять, как она собирается добраться в райцентр.

— Джип у колдунов возьмем, — уверенно сказала Танька. — Думаю, они не обидятся.

— Ты хоть помнишь, как автомобилем управлять? — поездка с Танькой грозила оказаться приключением, опаснее встречи с оборотнями.

— Да ладно, разберусь как-нибудь! — подруга нахмурилась, видимо внутренне, готовя себя к поездке. — Там не сложно!

Мы открыли дверь и, стараясь не шуметь, чтобы нас не услышали оборотни, вышли из дома. Тетка висела рядом в воздухе и выглядела недовольной.

— Что опять не так? — поинтересовалась я, но она лишь отмахнулась.

— Ну, ее! — шепнула Танька. — Помогает и ладно.

Как назло погода начинала портиться и крупные снежинки все гуще сыпали с неба, грозя превратиться в настоящий снегопад.

— Потеплеет видать, — сделала вывод Танька. — Ой, не в тему этот снег... Ну, совсем!

Я была с ней полностью согласна — сугробов и так навалило по самые уши и добавки вот вообще не хотелось.

"Гелик" колдунов стоял во дворе и, подергав дверцы, мы поняли, что он закрыт.

— Может, ключи в доме? — предположила я и, поднявшись на крыльцо, на секунду замерла, а потом пошла к окну.

Забравшись в дом, я прошерстила все тумбочки, ящички и карманы, но обнаружила ключи на самом видном месте, они спокойно лежали на столе, в ожидании, когда на них обратят внимание.

— Растяпа, — прошептала я и, схватив их, помчалась обратно.

— Ну что, нашла? — Танька, припорошенная снегом, была похожа на снеговика.

— Ага, — я нажала на кнопку и дверцы открылись. — Давай, заводи, я ворота открою.

Пока я возилась с воротами, Танька завела "гелик" и к моему приятному удивлению, выехала довольно сносно, лихо, развернувшись перед воротами.

Запрыгнув на переднее сиденье, я посмотрела назад и испуганно дёрнулась, столкнувшись с глазом тетки, которая сидела сзади и смотрела на нас, просунув голову между сидениями.

— Вы меня зайкой оставите!

Она промолчала, лишь еще сильнее поджала губы.

Танька рулила, внимательно глядя на дорогу, я бы даже сказала — уставившись перед собой немигающим взглядом, и мне оставалось благодарить Бога, что мы едем не по скоростной трассе.

В свете фар, снег кружил невероятным вихрем, и от этого было еще страшней, ведь застрять где-то в дороге — означало конец. Девочку не спасем, колдунов не вытащим. Но джип был мощным и пока легко преодолевал заносы, что не могло не радовать.

Прошло где-то два часа, пока перед нами, наконец, не появилась табличка "Копытки", занесенная снегом и согнутая в сторону леса. Проехав по более или менее расчищенной дороге к центру, мы завернули на улицу Заводскую и притормозили возле больничного забора.

Танька оторвала руки от руля и вытянула их, показывая, как они дрожат:

— У меня нервный стресс, — выдохнула она и откинулась на сидение. — Как же я хочу выпить...

— У тебя и батька любил приложиться, — услышали мы голос тетки и, развернувшись, грозно уставились на нее. Она стусевалась и проворчала: — Идите уже, дите забирайте.

Покинув теплый салон автомобиля, мы вошли на территорию больницы и быстро пошли по аллее, ведущей к детскому отделению.

— Вот сейчас я вообще не представляю, что мы делать будем! — взволнованно сказала Танька. — Мы даже не знаем, в какой палате она лежит.

— Слушай, это тебе не город, — я улыбнулась, окунувшись в воспоминания. — Помню, как я здесь лежала с ангиной, так кроме старенькой санитарки и медсестры на посту, никого не было. Мы даже бегали в магазин за шоколадом.

— Ты ещё вспомни, что тридцать лет назад было! — фыркнула Танька. — Сейчас-то уже все не так.

Но я оказалась права — ничего не изменилось с того момента, как я лежала в детском отделении. Все те же, стеклянные двери, с облупленной краской, ведущие в само отделение, а в "предбаннике", старые кресла из кинотеатра, стоявшие под стенкой, на которых всегда сидели родственники, ожидая встречи с детьми и тусклые абажуры, с прошлогодними мухами.

Танька дёрнула дверь, но она естественно оказалась запертой и недолго думая, достала из волос шпильку.

— Такие замки я в детстве как орехи щелкала.

Когда дверь с тихим скрипом отворилась, на нас еще сильнее пахнуло больничным духом и, просунув головы в образовавшийся проем, мы увидели длинный коридор, в конце которого стоял стол, а за ним сидела женщина в белом халате.

Большая часть коридора была погружена во тьму, лишь тусклый свет от лампы образовывал световое пятно возле медсестры.

— И как быть? — Танька задумчиво пожевала губу. — Она сейчас такой переполох поднимет!

— Ладно, помогу, — тетка скользнула в приоткрытые двери и полетела к столу. Буквально через минуту она махнула нам рукой, и мы осторожно "вползли" в коридор.

Приблизившись к столу, мы с удивлением заметили, что медсестра спит, зажав в руках спицы, которыми вязала что-то очень красочное.

— Быстро ты умения приобретаешь... — прошептала я и тетка гордо задрала подбородок. — Что при жизни хваткая была, что сейчас...

— Давайте быстрее! — прошипела она, разозлившись, и отлетела в темный угол.

Палат было немного и только в двух из них лежали дети. В одной — два мальчика, а во второй Маша. Девочка крепко спала и ее узкое личико, казалось кукольным.

— Испугается, кричать начнет, — я смотрела на нее, страшась трогать ребенка. — Посреди ночи, какие-то тетки незнакомые лезут!

— Давай разбудим, — предложила Танька. — Объясним все...

— Как ты себе это представляешь?

— А вы кто? — тоненький голосок заставил нас испуганно замолчать.

Девочка проснулась и смотрела на нас большими глазами.

— Мы пришли, чтобы спасти тебя, — прошептала Танька заговорщицким тоном. — От злых колдуний.

— Она держала меня в холодном доме, — прошептала в ответ Маша. — Я ее боюсь!

— Танька, она еще больна, как мы ее потащим с собой? — мне было страшно. — А если хуже сделаем?

— Если мы ее не заберем — настанет ад, — сказала подруга и тихо добавила: — Тогда она точно умрет, а так есть шанс, что колдуны ее вылечат.

Как бы оно ни было, Танька была права...

— Ты пойдешь с нами? — спросила я девочку и та кивнула:

— Да, вы — хорошие.

— Откуда ты знаешь? — улыбнулась я.

— Я всегда знаю, кто хороший, — девочка закашлялась. — Мамка говорила, что это дар.

— Тогда давай уходить отсюда, — я укутала ее в одеяло и взяла на руки. — Сиди тихонечко. Хорошо?

— Хорошо.

Мы вышли в коридор и помчались к двери, понимая, что совершаем практически преступление, но выбора у нас не было.

Отъехав от больницы, мы облегченно выдохнули — оставалось лишь добраться до дома.

— Дальше-то что? — нарушила долгое молчание Танька, не отрывая взгляд от дороги. — Забрали мы Машу и?

Я посмотрела на спящую девочку и сказала:

— Приедем домой и подумаем. Сейчас совсем ничего в голову не приходит.

— Да... Хорошо хоть тетка нас от нечисти скрывает, — вздохнула подруга. — Ребенок в безопасности.

— А вот тут, закавыка, — подала голос тетка. — Я или вас скрывать могу или только ее. Сил у меня столько нет... А девка мощная, энергии много...

Мы переглянулись.

— Еще лучше... — Танька остановила машину. — И как быть?

— Как, как... — пусть девочку скрывает, с тяжелым вздохом ответила я. — По-другому и быть не может.

Когда джип въехал в деревню, снег уже заметал не на шутку. Свет фар с трудом прорезал эту мглу, и казалось, за ней ничего не было, лишь снег, темнота и холод. Понимая, что остаёмся без защиты, мы бодрились как могли, но получалось это у нас слабо.

— Если нас оборотни найдут, девочка одна останется, — сказала я и Танька задумчиво протянула:

— Да... Дела...

— Силу у нее позаимствуйте.

Мы медленно повернулись к тетке, которая поблёскивала в темноте своим одним глазом.

— Вы это о чем? — Танька удивленно выгнула брови, а я затаила дыхание.

— А что я не ясно сказала? — тетка, казалось, сама была в восторге от своей идеи. — Позаимствуйте у девки силу, а потом обратно отдадите. Делов-то.

— Действительно... — Танька хмыкнула. — Это что, стакан сахара или сто рублей, что одолжить можно?

— У вас книга есть, — парировала тетка. — Там, небось, и не такое написано. Я девку-то прикрою, а вы, в лапы этим упырям попадете! Но если у вас сила будет — вот сюрприз им устроите!

— Слушай, а ведь в этом что-то есть... — я задумчиво повернулась к Таньке. — Хоть какой-то шанс...

— Думаешь, в книге есть такой ритуал? — было видно, что подруга сомневается.

— Вот пойдём и посмотрим, — решительно сказала я. — Забираем девочку и вперед. Если мы сами себе не поможем, этого не сделает никто.

Танька промолчала, но после моих слов закопошилась, отстёгивая ремень безопасности, и я поняла, что она согласна.

Забравшись со спящим ребенком на чердак, мы уложили ее удобнее и взялись за книгу, старательно всматриваясь в каждую страницу. Пролистав больше половины и почти потеряв надежду, я вдруг заметила надпись крупными буквами: "Забрать силу у ведьмы".

— Вот оно! — воскликнула я и тетка, прижав палец к губам, прошипела:

— Тише! Машку разбудишь!

Подруга схватила книгу и принялась быстро читать написанное:

— Силу мертвой ведьмы из могилы забрать. На ее могиле себя ножом три раза перекрестить. Нож в могилу вонзить да сказать: *«Иже очи мои отворены, иже уши мои отворены, иже гласины ваши слыханы, да денницы виданы, да инницы ножом отсеканы. Аминь»*. Всё...

— На могиле? Мертвой ведьмы?! — я испуганно огляделась. — Нам у Маши нужно силу взять!

— Да нет здесь такого! — Танька пролиستала книгу до конца. — Это всё!

— Черт... — я схватилась за голову. — Ко всему этому шабашу, нам еще этого не хватало!

— А может оно и к лучшему? — Танька прищурилась. — Зачем девочку мучить? Пойдем к Лукасе на могилу и возьмем у нее.

Я испуганно уставилась на нее и тут, тетка снова подала голос:

— А вы когда к Лукасе пойдете, к старым захоронениям заверните, там, под березой, лежит Мотя Горбатая. Ох, и ведьма была... Даже Лукася ей в подметки не годилась... Давным-давно она померла, а силу свою с собой забрала — некому передать было. Я в те времена ещё девчонкой была... Так вот и ее колдовство прихватите. А чего уж...

— Это шутка такая? — я себе даже представить не могла, как мы бегаем с Танькой по кладбищу и тычем ножом в могилы.

— Вы бы резину не тянули, а на кладбище шли, — тетка, будто не слышала меня. — Не ровен час, твари эти опять приползут.

— Это последнее место, куда я пойду, — твердо сказала я, поднимаясь. — У меня уже сил нет!

На кладбище мы пошли другой дорогой, прихватив с собой нож и всю дорогу я думала о том, что кожа на моем лице за эти дни превратилось в дубленую. Снег, ветер и мороз сделали ее нечувствительной и грубой.

Вьюга разыгралась не на шутку, деревьягнуло к земле, ветер завывал в трубах домов и гудел в вершинах деревьев, а снег забивался в глаза и рот, стоило лишь открыть его.

Тёмные надгробия появились из снежной пелены как застывшие силуэты покойников и у меня на душе, заскребли кошки. А правильно ли мы делаем?

— Начнем сомневаться — все прахом пойдет! — крикнула Танька сквозь белую круговерть. — Идём и все!

Решительно шагая по сугробам, мы прошли через все кладбище и оказались на стороне Алексеевки, где и была похоронена Лукася. Ее могилу мы нашли сразу и опасливо приблизились к ней, вздрагивая от каждого шороха. Ветер трепал рушник, повязанный на кресте, венки засыпало снегом и нам пришлось разгрести его, чтобы добраться к замерзшей земле.

— Ну что, поехали? — Танька взялась за рукоятку ножа и прошептала: — Ты тоже хватайся.

Воткнув нож в могилу, мы прошептали заклинание и замерли, ожидая непонятно чего. Но ничего не происходило и, оглянувшись, я предположила:

— Может не вышло ничего?

— Не знаю. — Танька выдернула нож и в этот момент, из того места, потянулась чёрная "лента", извиваясь и вытягиваясь длинной стружкой. — Ты это видишь?!

— Мне страшно! — я попятилась, рухнула в сугроб, а черная "лента" просочилась в мои ноздри и горячей волной растеклась по моему телу.

— Валяяя! — завопила подруга и закашлялась. — У меня что-то внутри!

Мы барахтались в снегу, а нас трепало со страшной силой, будто выжигая изнутри каленым железом. Длилось это недолго и вскоре вместо пожара внутри начал расти адреналин. Он растекался по венам, будоражил, хотелось куда-то бежать, что-то делать, орать, в конце концов...

— Ну что, к Моте на могилку? — захохотала Танька, и я захохотала следом:

— Обязательно!

Ни усталости, ни боли в ногах уже не было. Казалось, будто кто-то включил рубильник энергии, и она нескончаемым потоком хлынула в меня, снося все на своем пути.

Не замечая сугробов как две горные козы, мы понеслись к старому кладбищу и через минут пять, были уже на месте. На могиле Горбатой Моти уже и крест истлел и если бы не ориентир — береза, ее отыскать, было бы сложновато.

Воткнув нож в очередной раз, мы выдернули его и уставились на чернеющее пятно, но никакой "ленты" из могилы не вылетело.

— Может могилы перепутали? — Танька склонилась ниже, вглядываясь в могильный холмик. — Или не была она ведьмой...

Сквозь вой ветра я различила странный гул, словно бы доносившийся из-под земли и протянула:

— Таааань... там что-то не так... Ты слышишь это?

Но она не успела ответить — с жутким воем из земли вырвался темный столб и, разделившись на две половины, снес нас с ног и ворвался внутрь. То, что я испытала в первый раз, было ни в коей мере ни сравнимо с тем, что делалось со мной сейчас... Тело мое приподнялось над землей и снова упало и так несколько раз, до тех пор, пока у меня не застучали зубы. Потом нас швырнуло на кладбищенскую аллею и несколько раз крутанув на месте, оставило в покое.

— О Боже... — простонала Танька, ползая по снегу. — Я уже на том свете или еще на этом?

— Мне кажется, что у меня все кости переломаны... — я встала на четвереньки и, схватившись за дерево, поднялась. — Ох, мама...

— Как же обратно идти? — подруга кое-как добралась до меня и, вцепившись в мой локоть, остановилась, слегка покачиваясь.

— Молча... Мне нужно прилечь... — шепнула я, чувствуя жуткую усталость. — Я словно мешки разгружала...

Поддерживая друг друга, мы медленно пошли к выходу из кладбища, слыша, как вслед нам скрипят деревья, скребут ветвями о старый гранит... Мертвые прощались с нами.

Вернувшись домой, мы еле доползли до дивана и нас вырубил. На чердаке лежала девочка, входная дверь, висевшая на петлях, не закрывалась, но сил не было, ни на что. Свинцовая тяжесть сдавливала все тело, а ноги и руки стали ватными и непослушными. Что-то растекалось по венам, пробиралось в мозг, устанавливало свои правила...

Проснулись мы от холода — печь давно потухла, и в доме был настоящий колотун.

— Мы Машку до ручки доведем! — еще сонная и помятая, Тан принялась за растопку, а я, поставила чайник. После вчерашних приключений мы себя чувствовали нормально, и от нашего недомогания не осталось и следа.

Печь загудела, в топке затрещали дрова, и Танька сварила кашу, чтобы накормить девочку. Мы поднялись на чердак, и сразу же попали под теткину «горячую» мертвую руку.

— Вы что, совсем ополоумели?! Дите лежит в холоде, в голоде, а они спят! Черти б вас взяли!

— Так это после вашего совета, — огрызнулась Танька. — Полночи по кладбищам бегали, а потом от силы ведьмовской свалило нас!

— Неужели и правда силу добыли? — тетка разглядывала нас так пристально, будто сейчас мы начнем левитировать или делать расклад на картах.

— Не знаю, я ничего не чувствую, — честно призналась я. — Ноги только болят от беготни!

Танька накормила Машу и задумчиво сидела с кружкой остывшего кофе.

— Ты чего? — я подошла к ней и присела рядом.

— Как узнать, есть ли у нас сила какая-то? — шепнула она. — Мы не можем тут вечно сидеть с больным ребенком. Рано или поздно нас вычислят или того хуже — с девочкой что-то случится.

— Может, в книге, посмотреть? — предложила я. — Какой только гадости в ней нет...

— Ни к чему не приспособленные! — тетка все не успокаивалась, бурча из темного угла. — Вот потому и в девках сидите, что не нужны никому!

— Да сгинь ты! — рявкнула Танька и неожиданно для нас, тетка надулась как воздушный шарик и лопнула в воздухе, оставив после себя легкое облачко какой-то мутной субстанции.

— Это я что ли? — испугалась Танька и прикрыла рот рукой. — Господи... Я второй раз тетку Клаву убила!

— Размечталась! — тетка снова появилась в углу и поправила платок. — Но это тебе уроком будет — не ляпай, что не попадя! Силу взяли, а теперь ума наберитесь!

— Интересно... — я приободрилась, представляя, как мы одним словом разгоним всю семейку оборотней. — Значит, сказал: "Сгинь!" И все, дело сделано?

— Нет! Вы меня — призрака, можете изгнать заклятием, а с живыми существами так не работает, — расстроила меня тетка. — Это вам не кино, а жизнь! Нужно подготовиться, заклятие подобрать, причиндалы ведьмовские и тогда в бой.

— А я грешным делом подумала, что как «Зачарованные» станем... — Танька разочарованно вздохнула и принялась рыться в книге. — Будем значит искать.

Но, увы, этому сбыться было не суждено — внизу раздались шаги и мы услышали голос Сережи:

— Не стоит прятаться, чердак это не то место, где можно скрыться от оборотня.

В его голосе слышалась насмешка и гордость собой.

— Все, приплыли... — Танька с жалостью посмотрела на девочку. — Что же делать?

— Посиди пока здесь! — прошептала я и, сходя с ума от страха, спустилась вниз.

Оборотень стоял под чердачной дверцей, опершись плечом в шкаф и, сложив на груди руки. Он, молча, наблюдал за мной, и когда я оказалась на расстоянии вытянутой руки, схватил и прижал к себе.

— Где бегала?

— Да так, по месту, — ответила я, чувствуя, как внутри все опускается, скованное ужасом.

— Извини, что дверь сломал, — сказал он, будто мне сейчас было до его вежливости. — Что, стоишь, в глаза не смотришь? Понимаешь, что никуда теперь не денешься?

— Понимаю, — согласилась я, отчаянно желая унять бьющееся сердце — не хотелось показывать перед ним страх. — Зачем я тебе? Убил бы, да и делов.

— Успею ещё... — лениво произнес Сергей, поглаживая мою спину. — Убить ведь проще простого... А хочется чего-то теплого, страстного...

Мне стало дурно только от мысли, что он потащит меня в постель и чтобы увести его от этого разговора, я спросила:

— И? Что теперь?

— А ничего, сейчас к нам пойдем. Сядем, поговорим. Где подруга твоя? Ее Лукьян ждет, — ответил он и, заглянув в соседнюю комнату, насмешливо протянул: — Тоже на чердаке прячется?

— Кто это, Лукьян? — я недоуменно взглянула на него.

— Гость наш, дорогой... — оборотень прищурился. — Сколько же вы зла наделали, расхлебать бы теперь...

Мы? Зла наделали? Видимо он считал, что убийство его родственника — чистое зло. Детей жрать, значит не зло, а вот тут — наоборот.

— Что? — его глаза блеснули недобро, с какой-то яростной иронией. — Да, вот такие мы! Куда нам от этого деться? Родились такими! Ты даже представить не можешь, что такое голод! Адский голод!

Я смотрела на него, и мне было противно. Он оправдывал жестокость — своим рождением... Нет там ничего внутри, а вместо сердца просто кусок плоти и мышц, без чувств сострадания и любви...

— Но и нам не чужды некоторые чувства... — будто прочитав мои мысли, сказал он, приближая свое лицо к моему. — Вот, например, к тебе я чувствую влечение, мне нужно соединиться с тобой. Это как голод — если не съешь, не выпьешь кровь, не раздерешь теплую плоть — он будет мучить тебя, сводить с ума... Так и с тобой.

Его губы, были совсем рядом с моим лицом, и сердце ухнуло вниз, заставляя воздух, комком встать в горле.

— Тань! — позвала я подругу, не сводя с него глаз и надеясь, что за это время она хоть что-то нашла. — Спускайся!

Танька тут же слезла с чердака и остановилась поодаль, с опаской поглядывая на оборотня.

— Одевайтесь, пойдем, прогуляемся.

Мы вышли из дома, и он сжал наши локти, словно мы могли сбежать.

— Идите и не привлекайте к себе внимание, — приказал Сергей, причиняя мне боль своими цепкими пальцами. — Если кто встретится, улыбайтесь. Ясно?

— Ясно, — ответила я и он поволок нас дальше с таким выражением лица, будто собрался сожрать. Хотя, почему "будто"? Наверное, это и предполагалось по истечению

"ухаживаний".

В доме оборотней было тихо. Сестёр не наблюдалось, а Лукьян с болота сидел за столом и угрюмо ел, запивая каждый кусок, вином. При виде нас он утер рот рукавом и поднялся. Жуть охватила нас с Танькой, и я еле сдерживалась, чтобы не завопить.

— А вот и бабы... — хриплым голосом протянул он, обойдя нас по кругу. — Бабы...

— Девушки... — тонким от страха голоском огрызнулась Танька, и он уставился на нее красными, налитыми кровью, глазами.

— Да мне один черт, с кем тешиться... С бабой, аль с девушкой... Вспоминал вас я... Встретил бы сразу после воскрешения, на куски порвал бы, а сейчас другое я наметил...

Предчувствие чего-то ужасного нахлынуло на меня. О чем он говорит? Что ему нужно?

Оборотень вернулся за стол, Сергей тоже уселся рядом с ним, а мы стояли перед ними как школьницы, бледные и испуганные.

— Хочу деревню эту к рукам прибрать, — сказал Лукьян и жутко так ухмыльнулся. — А Сереже Алексеевку отдам... Во всем этом и ваша роль имеется... Поведать?

Мы молчали, покрываясь липким потом, но наше молчание его не останавливало.

— Станете вы такими как мы. Вот тогда и посмотрим, как запоете, какие слова говорить будете...

— Что значит, "такими как вы"? — мой язык медленно превращался в тяжелую улитку.

— А то и значит, — он оскалился. — Жрать плоть начнете.

— Нет... — Танька попятилась назад и вскрикнула, наткнувшись на Лиду.

— Куда собралась? — она зарычала, обнажая, клыки. — Все, отбегались.

— Мы — рождены такими, — с тихим рычанием прошептал Лукьян. — Настоящие... А вы, вторяками будете, служками... Для утех!

Он захохотал, за ним засмеялся Сережа, а Лида, будто гиена, подхихикивала лающим смехом, запрокинув голову. Мерзкая стая кровавых монстров веселилась, добившись своего, а мы с ужасом ожидали своей участи.

— Не честно получается — девок двое, и вас стая.

Меня будто теплой волной обдало — Корней! Оборотни зашипели, оборачиваясь, а мы с Танькой чуть шеи не вывернули, пытаюсь разглядеть колдунов. Они появились из темного коридора, чумазые, с паутиной на коротких, торчащих волосах.

— Выбрались! — зарычал Лукьян, и тут Лида бросилась на Прохора, выставив скрюченные пальцы с длинными когтями. Ее почти визг, пронесся по дому, оглушая высокими нотами.

Прохор поймал ее на лету и одним сильным движением свернул шею. Тело Лиды с глухим стуком рухнуло на пол и забилося в конвульсиях.

Танька схватила меня за руку и дернула в соседнюю комнату. Перед тем как скрыться за дверью, я увидела фельдшерицу, появившуюся за спиной Корнея.

Прижавшись к стене, мы дрожали от страха, слыша рычание, вытье и адские вопли боли, но на данный момент это были самые приятные звуки. Я была уверена, что колдуны избавят нас от этой нечисти и радостное облегчение охватило меня. Неужели все закончится?

Раздался звон разбитого стекла, и мы с Танькой, испуганно переглянулись — что это? После этого в доме воцарилась жуткая и мертвая тишина.

— Вы где? — голос Корнея вывел меня из ступора.

— Здесь! — я вылезла было из комнаты, но меня запихнули обратно.

— Не выходите, — лицо Корнея было в каплях крови, он тяжело дышал, отчего его ноздри трепетали и раздувались. — Вам не нужно на это смотреть.

— Вы убили их? — с придыханием спросила Танька, глядя на него большими глазами.

— Женщин, — зло ответил колдун. — Лукьян и Сергей сбежали.

— Вот черт... — протянула я, понимая, что ничего не закончилось, а возможно, только началось. Ведь они этого так просто не оставят.

— Не волнуйся, я обещаю, что они не причинят вам зла, — в глазах Корнея блеснула нежность. Он потянулся было к моему лицу, но тут же отдернул руку, которая была в крови оборотней.

— Я все сделал, — в дверях появился Прохор, неся что-то в темном пакете. Сердца оборотней! — догадалась я и по спине поползли мурашки отвращения.

— А как же все это? — я повела глазами по комнате. — Тела найдут и что тогда?

— Это не ваша забота, — Прохор подмигнул ей. — Я сейчас наложу на дом "забытьё" и никто сюда не войдет. Никому и в голову не придет посетить это место, а вечером мы вернемся и приберем за собой.

— Давайте уйдём отсюда. — Корней обнял меня за плечи и вывел из комнаты, стараясь своей спиной прикрывать тот ужас, что царил в гостиной. Единственное, что я увидела, так это веер кровавых брызг на стенах, и неестественно вывернутую ногу в кожаном ботинке.

— Опустись мгла! Пугай деревню! — зловещим голосом выкрикнул Прохор, как только мы оказались на крыльце и мы изумленно наблюдали, что со стороны леса движется, клубится туман. Он был густым как молоко и плотным, словно белый атлас. Его щупальца растеклись по проулкам и улицам деревни, скрывая нас от любопытных взглядов, и мы шли, будто в тягучих сливках, не видя ни на метр впереди себя.

— Я не знаю где мой дом, — прошептала я, взглядываясь в туман, и Корней мягко ответил:

— Твой дом — там, где я.

В сердце все перевернулось и сладко замерло от невероятного счастья. Я промолчала, но нам были не нужны слова — они ничего не стоили.

— Маша! — вдруг воскликнула Танька и остановилась. — Нам нужно быстрее вернуться! Ты сможешь вылечить ее?

Она подняла голову, глядя в лицо Прохора, и тот недоуменно нахмурился.

— Маша?

— Внучка Лукаси! — объяснила подруга и добавила: — Мы ее из больницы спёрли, чтобы оборотни к силе не добрались.

— Как интересно... — протянул Корней и его брови поползли вверх. — И как же вы к больнице добрались?

— На вашем джипе, — ответила я и быстро сказала: — С ним ничего не случилось! Ни царапинки!

— Но оборотни не могли вас поймать столько времени? — он видимо не особо переживал о машине. — Это вот как раз, очень любопытно!

— Да что тут непонятного? — Танька покосилась на руку Прохора, сжимающую ее ладонь. — Тетка Валькина нас скрывала.

— Тетка? — Корней, казалось, вообще ничего не понимал. — Так твоя тетка умерла! Или есть еще какая-то родственница?

— Нет, именно та и скрывала, — я смущенно пожала плечами. — Мы заколдовали по Лукасиной книге...

— Надеюсь, это единственное колдовство? — Прохор грозно взглянул на Таньку. — Вы, конечно, правильно сделали, но колдовство имеет и обратную сторону — непосвященный человек, может навредить себе.

— Да, почти... — прошептала подруга и потащила его вперед. — Давайте потом будем разговаривать, нужно девочке помочь.

— Обалдеть... — Корней смотрел на призрак тетки и качал головой. — Невероятно...

— Вот и мне непонятно, почему я должна торчать здесь, а не летать в райских кущах! — проворчала тетка и погрозила нам пальцем. — Неугомонные!

— Насчет райских кущей, я бы поспорила... — тихо сказала я и Танька прыснула.

— Убили тварей этих, да? — с надеждой спросила тетка. — Отомстили за тетушку?

— Все потом, — Прохор опустился рядом с девочкой и сказал нам: — Оставьте нас.

— Пойдем, он должен сделать свою работу, — Корней подтолкнул нас к чердачной двери. — Не стоит отвлекать его своим присутствием.

Мы спустились вниз, и пока Прохор колдовал наверху, Корней починил дверь, а мы приготовили обед. Тетка крутилась рядом и периодически ворчала на нас.

Несмотря на то, что история с оборотнями еще не закончилась, в моей душе царилась радость. Поглядывая на Корнея, который все еще был в засохшей крови, я испытывала нереальное удовольствие — мой мужчина.

— Я в душ схожу? — спросил он, когда дверь оказалась на своем месте, и замок стал легко закрываться.

— Конечно! — я принесла ему свой теплый халат и, взглянув с насмешливым удивлением на розовую вещицу, он отправился в ванную.

— А вот и мы, — в кухню вошел Прохор, ведя Машу за ручку. — Кто-то ужасно проголодался, да Машенька?

— Да! — девочка улыбнулась и на ее румяных щечках появились ямочки. — А есть сгущенка?

— Найдем! — я бросилась искать сгущенку, банка которой, завалилась где-то в глубинах холодильника. — Может тебе блинов испечь?

— Да, да! — девочка забралась на стул и схватила конфету с вазочки. — А где та страшная, но добрая бабуся?

Мы сначала не поняли о ком она, а потом огляделись — тетка Клава исчезла.

— Она сделала все, что смогла, — сказал Прохор и стрельнул глазами в сторону Таньки. — Умеешь блины печь?

— А что? — та растянула губы в широкой улыбке.

— Да вот думаю, есть ли в тебе таланты, которые компенсируют взбалмошный характер... — вздохнул Прохор. — Блины, были бы приятным бонусом.

— Я много чего умею, — подруга не переставала улыбаться и я отметила, что они очень красивая пара — белобрысая Танька невысокого роста и высокий смуглый Прохор. Прямо кофе с молоком...

Из ванной вышел Корней, и все рассмеялись его нелепому виду. Здоровенный татуированный мужик с рыжей бородой, одетый в розовый халат, который трещал на его плечах — картина воистину эпическая. От него пахло моим клубничным гелем для душа и лавандовым шампунем.

— А есть еще такое славное одеяние? — посмеиваясь, спросил Прохор. — Я тоже в душ хочу.

— Найдем, — пообещала я и пошла к шкафу. — Такого добра у меня полно.

Я перебирала вещи и думала, что этот день был самым лучшим из всех. Но если бы мы могли знать, что, несмотря на свою уютную атмосферу, он окажется предвестником ужасных событий, то вряд ли бы так радовались...

— А как же теперь быть? — мне не давал покоя тот факт, что Сергей и Лукьян сбежали. — Оборотни ведь вернуться, правда?

— Конечно, — спокойно ответил Корней. — Поэтому сейчас все должны быть очень внимательными. Желательно, чтобы вы всегда держались рядом с нами.

— А ночью? — Танька вспыхнула и принялась улыбаться во весь рот.

— Ночью — особенно, — сказал Прохор и подмигнул ей.

Маша сидела возле телевизора и смотрела мультики, наворачивая блины со сгущёнкой. Будто и не болел вовсе ребенок...

— Вот еще что... — я взглянула на Корнея. — Девочку ведь искать будут.

— Не волнуйся, я все сделаю, — мягким, но уверенным голосом ответил колдун. — О ней и не вспомнит никто.

— У нее и родственников не осталось... — вздохнула Танька. — Бедная девка...

— Ничего, у нее есть мы, — я улыбнулась девочке. — Останется с нами.

— Лучшее решение, — поддержал меня Корней. — Ребенок с силами, должен быть под присмотром.

С силами! Я, вдруг вспомнила, что мы ведь тоже забрали силы у мертвых ведьм. Интересно, это работает или нет? По крайней мере, я ничего не чувствовала, похоже и Танька тоже.

— Завтра тетку забирать, — напомнил Прохор, и я схватилась за голову — со всеми этими событиями, самое важное вылетело из головы.

— А как же медпункт? — Танька обвела всех испуганным взглядом. — Люди ведь будут интересоваться, куда врачихи подевались.

— Сбежали, — улыбнулся Корней. — Решили, что жизнь в глухой деревне не то, о чем они мечтали и под покровом ночи покинули сие благодатное место.

— Пешком, по сугробам? — уточнила Танька.

— Может за ними приехали, — пожал плечами колдун. — На большой красивой машине.

— Очень смешно... — Танька вдруг привстала и выглянула в окно. — Глядите-ка, что там происходит?

Мы тоже подтянулись к окну и с интересом наблюдали, как старая Дося, что-то орет, размахивая клюкой, а участковый, молча, кивает головой. Туман все еще висел плотной завесой и их силуэты были размытыми, а от того и немного нереальными.

— Опять что-то случилось, — сделала вывод Танька и помчалась к вешалке. — Пойду, узнаю!

Я бросилась следом и через минуту мы уже были в гуще событий.

— Толку от тебя нет! Пистоль нацепил, а в голове навоз! — орала Дося на покрасневшего участкового. — В деревне такое творится, а он как рохля!

— Ты это, за языком следи! — наконец рявкнул полицейский, но Дося лишь отмахнулась:

— Хоть бы отстреливать начал!

— Чем?! — вскинулся участковый. — С пистолетом на волков?!

— Хоть с палкой! — гаркнула Дося. — Ты — власть, вот и разбирайся!

— А что случилось? — Танька, наконец, решила вклинуться в их разговор.

— Что, что! — Дося вошла в раж, и нам тоже могло перепасть. — Райку нашу, директора клуба, волки сгрызли! Кровищиини! Море!

Мы похолодели.

— Когда это случилось? — дрожащим голосом спросила я и Дося сказала:

— Аккурат после обедни. Люди из церкви шли и Алексеевские по пути домой обнаружили Райку на дереве, разодранную!

— Ее волки на дерево заперли? — спросила Танька, и старуха нервно заколотила палкой по забору. — Может сама залезла! А потом померла! Что вы ерунду спрашиваете?! Волки в деревне, а они со своими допросами! Ходи и бойся, что сожрут! А я еще пожить хочу!

— Да ты и так задержалась... — буркнул участковый, и Дося налилась краской.

— Ууууу, погоны нацепил, а ума нет! Что батя твой малахольный был, что ты!

— Я попрошу! — полицейский сжал папку с такой силой, что она затрещала. — Это что...

Но договорить он не успел, из тумана послышался чей-то крик, и мы испуганно повернулись в ту сторону, ожидая чего угодно. Через секунду в белесой мгле появился женский силуэт, неуклюже перебиравший ногами в снежных заносах.

— Убилииии! Павлину убилиииии! Людиииии!

— Слыхал?! — Дося перекрестилась. — Еще ждать будем, окаянный?!

Из дома появились Прохор с Корнеем в моих халатах, и, раскрыв рот, Дося покачала головой. Участковый смущенно захлопал глазами, но тут же все отвлеклись на женщину, которая уже была рядом. Ею оказалась жена председателя, Любовь Тихоновна. Пальто на ней было распахнуто, шапка зажата в руке, а щеки алели красным маком.

— Любка, что случилось?! — Дося на нервах, жевала губы, и ее лицо превратилось в печеное яблочко.

— Павлину убили! — женщина вцепилась в участкового и запричитала: — Она магазин закрыла, ушла на обед, я сама видела! А потом я задержалась с соседкой, а Павлина пошла вперед! Минут десять прошло!

Женщина схватилась за сердце и подкатила глаза, отчего участковый испуганно встряхнул ее:

— Любовь Тихоновна, с вами все в порядке?

— Ох... — простонала она и продолжила. — Иду я, значит, и вижу возле старого ангара, снег красный... Думаю, странно, что это может быть... Подошла ближе и...

Она задержала дыхание и завопила на всю улицу:

— Павлина лежит! А голова на трех позвонках держится!

Участковый побледнел, схватился за пистолет, потом опомнился и выдохнул:

— Веди!

Они побежали вниз по дороге, и через пару секунд их скрыл туман.

— Попомните мое слово — не последний мертвяк в деревне! Ой, не последний! — прошипела Дося, потрясая клюкой и пошла прочь.

— Они решили мстить таким образом, — сказал Корней и огляделся. — Старуха права, эти твари не остановятся.

— Что же делать? — я подняла глаза на Корнея, надеясь, что он успокоит меня, но колдун задумчиво смотрел вдаль.

Мы вернулись домой, и уже поднимаясь по крыльцу, я заметила на дверях нечто странное. Внутри начала нарастать лавина страха и дрожащей рукой я указала на лист бумаги, приколотый ножом к деревянной поверхности:

— Что это?

Прохор отодвинул меня в сторону и снял его. Они принялись читать, что было написано на нем, и Танька всунула голову между плечами колдунов. Ее быстро отпихнули, и она обиженно надула губы.

— Ну? Что там? — нетерпеливо воскликнула я, но толком мне никто, ничего не сказал.

— Угрозы, — ответил Корней, пряча листок в карман. — Какие-то бабские замашки, ей Богу.

— А конкретнее? — я чувствовала, что там было нечто такое, отчего у Корнея между бровями образовалась морщинка.

— Я же сказал — угрозы, — немного раздраженно ответил он. — Идите в дом, холодно. Мы переоденемся и вернемся.

Зайдя в дом, мы разделись, открыли бутылку вина и после того как выпили по бокалу, Танька сказала:

— Я видела, что там написано. Тебе это не понравится.

— И что там было? — по ее глазам я видела, что опять случилась какая-то гадость. — Да не тяни ты!

— Там было написано: "Приведите баб сегодня в полночь к ангару. Если не выполните, то каждый час после, будет умирать один житель деревни. Сами уходите не оглядываясь".

— Чтоооо?! — мне сделалось дурно. — Да зачем мы им? Ладно девочку они хотели из-за силы, а мы-то для чего?

— Я не знаю, — грустно пожала плечами Танька. — Но если из-за меня начнут погибать люди, я себе этого никогда не прощу.

— Что ты предлагаешь? — я, допустим, не понимала, что можно предпринять в этой ситуации. — Колдуны не стали ничего говорить, значит, у них есть какой-то план.

— Хорошо если это так, — согласилась Танька. — Но эти твари уже начали убивать. Мне так страшно...

— Мне тоже. Ты даже не представляешь насколько, — я взглянула в окно и вскрикнула, мне показалось, что в молочном мареве стоит темный силуэт с огромными плечами.

— Ты чего? — Танька бросилась к окну, но за ним лишь клубился туман, проползая между досками забора, как нечто живое и очень опасное...

Когда колдуны вернулись, мы уже накрутили себе таких страстей, что я не выдержала и сказала:

— Знаем мы, что в той записке написано было!

— Что за мода совать свои носы, во все, что вас не касается? — Корней угрюмо рассматривал меня и хмурился.

— Как это, не касается? — возмутилась Танька. — Написано ведь о нас!

— Теперь мы с вами и все проблемы только наша забота. Ясно? — Прохор сказал это тоном, который не подразумевал пререканий.

— Но узнать-то можно, что вы решили по этому поводу? — не унималась я. — Ведь люди гибнут!

— Создадим фантомы и отведем их к ангару, — с тяжелым вздохом сказал Корней. — Пока они разберутся, что их обманули, мы уже тут как тут.

— Ух ты... — протянула Танька, с уважением глядя на мужчин. — Что, прям настоящего фантома можете сделать?

— Самого, что ни на есть, настоящего, — подтвердил колдун и добавил: — И поэтому нам нужно пойти и заняться этим, потому что, дело трудоемкое. А вы, дверь никому не открывайте и за девочкой смотрите.

— Вы что, бросите нас? — мне не хотелось оставаться без защиты. — Мы с вами!

— Да на чердаке мы будем! — Прохор раздраженно покачал головой. — Только вещи свои дайте. Любые.

— Вообще любые? — я немного успокоилась. — Расческа пойдет?

— Конечно, главное, чтобы энергетика ваша была, — ответил колдун. — Фантомы-то, ваши будут.

Я отдала им расческу, а Танька носовой платок, который она таскала в кармане шубейки всю зиму, мотивируя это тем, что энергетика в нем, хоть отбавляй. Колдуны скрылись на чердаке, а мы принялись готовить обед.

Чем ближе подкрадывался вечер, ступая по снегу мягкими лапами, тем сильнее я нервничала. Все валилось из рук, и это заметила не только Танька, но и Корней.

— Ну, ты чего? — он обнял меня сзади, когда я мыла посуду и прижался мягкой бородой к моей щеке. — Я всегда буду рядом, чтобы не случилось.

— Я знаю, только может случиться так, что в какой-то момент тебя не будет рядом, — мне хотелось долго-долго стоять в защитном кольце его теплых рук. — Мне страшно.

— Если что-то и случится, я даже с того света вернусь, чтобы помочь тебе, — прошептал он. — Ты мне веришь?

Да, я ему верила, но душа не находила спокойствия, переворачиваясь где-то внутри колючим клубком.

Ближе к полуночи, колдуны засобирались и молча, не говоря ни слова, покинули дом. Мы тоже молчали, словно боясь сглазить важное дело, на которое они отправились. Танька принялась чистить кастрюльку, яростно натирая ее жёсткой губкой, а я уставилась в телевизор невидящим взглядом. Маша сладко спала в спальне и, похоже, она была единственным человеком, находящимся в полном спокойствии.

— Скорей бы все закончилось, — подруга бросила кастрюлю и уселась рядом со

мною. — Такое чувство, будто я на пороховой бочке.

— Сколько людей убили... — прошептала я, только сейчас ощутив в полной мере объем трагедии. — За всей этой беготней я даже не поняла, что никогда не увижу больше ни тетку, ни Павлину, которая постоянно подкручивала весы и обвешивала всю деревню, ни Раису, собиравшую всех на свои наивные концерты и посиделки...

— Жизнь перевернулась... — прошептала Танька, и устало откинулась на спинку дивана. — Когда это закончится, я, наверное, просплю целую неделю.

— Думаю, у тебя найдутся более интересные занятия.

Страх, это было не то, что я испытала в тот момент. Всепоглощающий ужас — более верное описание моего состояния. Медленно повернув голову, я потеряла дар речи, увидев в дверях огромную фигуру Сергея. Его лицо совсем потеряло человеческое выражение — это была лишь человеческая личина, за которой жил зверь.

— Не ждали? — он плотоядно усмехнулся. — Обвели вас вокруг пальца как детей. Пока колдуны нас возле ангара поджидают, мы вас и заберем.

— Одевайтесь! Чего сидите?! — рядом с ним появился Лукьян и повел носом. — Детёнок здесь... Разве не удача?

— Не трогайте девочку! — воскликнула я, теряя голос от страха. — Не смейте!

— А ты кто такая, что учить меня вздумала? — прошипел Лукьян и рыкнул: — Быстро собрались, если не хотите, чтобы я ребенка порешил!

Уже через десять минут, мы шли по лесу, и я прижимала к себе испуганную и плачущую Машу. Она вцепилась мне в руку и прижалась всем тельцем, что значительно затрудняло путь. Когда показалась тёмная громада заимки, я совсем струхнула. Зачем мы идем сюда? Неужели убьют?

Нас затолкали в дом и я обнаружила, что печь растоплена и внутри уже нет того холодного, пустого духа, пропитанного запахом плесени.

— Располагайтесь. — Сергей запер двери и уселся возле печки. — Скоро начнем.

— Что начнем? — заикаясь, спросила Танька. — Зачем вы нас сюда притащили?

— Превращение, — оскалился Лукьян. — Будете ручными, домашними псынами. Это так возбуждающе звучит...

— Вы только этого хотите? — с отвращением поинтересовалась я. — Это ваш план?

— Планов у нас много было, только вот вы, разрушили половину из них, — прошипел Сергей и приблизился ко мне. — Какие волосы у тебя красивые, как шелк...

Его рука потянулась к моим волосам, и я отшатнулась, не в силах терпеть его прикосновения.

— Ах ты дрянь! — он ударил меня наотмашь по лицу, и я почувствовала, как лопнула губа. — Чего морду кривишь, не нравлюсь?

Маша тоненько завывала, не переставая прижиматься ко мне, и он закричал, приходя в ярость:

— Заткни ее! Иначе я оторву ей голову!

Я наклонилась к ушку девочки и прошептала:

— Машенька, я тебя прошу, успокойся, скоро за нами Прохор с Корнеем придут. Давай не будем злить этих ужасных людей.

Давясь слезами, девочка замолчала, поглядывая на оборотня большими глазами, опущенными мокрыми ресницами.

Лукьян же, молча, наблюдал за происходящим и вдруг сказал, обращаясь к Таньке:

— Подойди-ка сюда.

Подруга испуганно взглянула на меня, но заметив, как многозначительно смотрит на Машу Сергей, поднялась.

— Быстрее шевели ногами! — рявкнул он и когда Танька подошла к нему на расстояние вытянутой руки, схватил ее и усадил рядом с собой. Его жадный взгляд скользнул по ее лицу и груди, он понюхал волосы и почти рыча, склонился к шее. Лицо Лукьяна изменилось, приобретая черты зверя, клыки вытянулись, а вместе с ними и когти. Ужасный монстр, которого я видела на болотах, снова предстал перед моими глазами и картины того дня пролетели цветным калейдоскопом.

Господи, а если он сейчас укусит ее?! Тогда все кончено. На этом закончится эта история, а с нею и наша жизнь, так спокойно, а порой скучно, протекавшая в затерянной в лесах деревеньке. Страшное будущее маячило впереди, и было сродни смерти, ведь существовать в таком виде, казалось чем-то противоестественным. Уж лучше пусть тогда меня убьют Прохор с Корнеем. При воспоминании о колдуне, я чуть не расплакалась. Ты же обещал быть рядом! Обещал, что со мной ничего не случится!

Мое тело бросило в жар, сердце забилося с невероятной силой и неожиданно даже для меня, Лукьян отлетел от Таньки и ударился спиной о стену.

Сергей, изумленно наблюдал, как он со стоном поднимается и из его рта вырвался рык:

— Какого черта?!

Танька сидела, ни жива, ни мертва и на ее лице тоже читалось недоумение.

— Это сила... — глухим, страшным голосом произнес Лукьян, выпрямляясь. — И это сила не одной ведьмы...

— Сила? — Сергей обвел нас недоверчивым взглядом. — У них?

— А вот мы сейчас и спросим, где это они так поживились... — оборотень оскалился. — Я жду.

Больше книг на сайте - Knigoed.net